

63.310/32
У98

ДРЕВНЕ-РИМСКАЯ ЖИЗНЬ

СОЧИНЕНІЕ

ЭЛЬКЕНСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

(СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ)

М. Стратиматоса

(СЪ 24-МЪ ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕРЦІИ)

ЦѢНА 60 КОВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪЛАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1880

63. 3/0)32

Ручки

9/М 03 Часовые

У-98 Бровне -

ришская
жизнь.

134449

мрр

4р.

Р.ф

ДРЕВНЕ-РИМСКАЯ ЖИЗНЬ

Бюстъ весталки.

63.3/0)32

ДРЕВНЕ-РИМСКАЯ ЖИЗНЬ

СОЧИНЕНИЕ

У-98

УЭЛЬКЕНСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

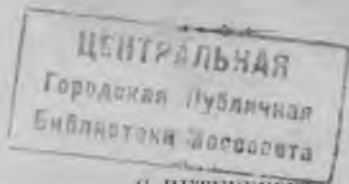
(СЪ ПРИМЕЧАНИЯМИ)

М. Стратиматова

(СЪ 14-Ю ТАБЛИЦАМИ ВЪ ТЕКСТѢ)*

1344 1/9

350

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИТОВА
И ДТ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1880

4

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

5. Время отдыха у римлянъ	73
6. Игры и гимнастическія упражненія	75
7. Бани	76
8. Обѣды у римлянъ	83
9. Питье у римлянъ	90
10. Общественныя увеселенія	92

ГЛАВА IV.

1. Идея и характеръ римской семьи	94
2. Римскія имена	98
3. Римскіе браки	102
4. Положеніе женщинъ въ Римѣ	107
5. Воспитаніе дѣтей	109
6. Школы въ Римѣ	114
7. Наказанія	117
8. Школьные праздничные дни	118
9. Положеніе школьнаго учителя въ Римѣ	119
10. Школы риторики въ Римѣ	120
11. Высшее образованіе въ Римѣ	122
12. Положеніе рабовъ въ Римѣ	123
13. Домохозяйство по отношенію къ рабамъ	124
14. Сельскіе рабы въ Римѣ	125
15. Обращеніе римлянъ съ рабами	127
16. Свободные люди въ Римѣ	136
17. Матеріалы для одеждъ у римлянъ	140
18. Мужская одежда у римлянъ	141
19. Женскія одежды у римлянъ	145
20. Покровъ для головы и обуви	147
21. Украшенія	149
22. Борода и волосы	148
23. Погребальныя обычаи у римлянъ	150

ГЛАВА V.

Римская общественная жизнь.

1. Жизнь въ городѣ	154
2. Выборы	157

	стр.
3. Собираніе голосовъ	160
4. Вотированіе	161
5. Почести, присвоивавшіяся магистратамъ	162
6. Судебныя присутствія и судебныя засѣданія	164
7. Гражданскіе иски	171
8. Общественныя игры и увеселенія въ Римѣ	175
9. Игры въ циркѣ	178
10. Театръ въ Римѣ	186
11. Гладіаторы	191

ГЛАВА VI.

1. Религія римлянъ	194
2. Древнѣйшія божества римлянъ	195
3. Воззрѣнія римлянъ на природу и свойства боговъ	206
4. Римскія вѣрованія въ духовъ умершихъ	210
5. Римскіе храмы и жрецы	214
6. Ритуаль	218
7. Измѣненія въ римской религіи	219
8. Заключеніе	223

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Къ характеристикѣ римскихъ построекъ	224
--	-----

II.

а) Римскія монеты	227
б) Римскій календарь	230

Рисунки.

Бюстъ весталки	1
Планъ древне-помпейскаго дома	23
„ обыкновеннаго римскаго дома	26
„ древняго Рима	33
Атріумъ одного изъ римскихъ домовъ (реставрированный)	39

ГЛАВА I.

ХАРАКТЕРЪ РИМЛЯНЪ.

Великія дѣянія римскаго народа, громаднѣйшій объемъ (относительно территоріи) римскаго государства представляютъ явленіе безпримѣрное въ исторіи. Извѣстно, что это мощное государство, какъ изъ первоначальной ячейки, развилось изъ ничтожной кучки нашествившихъ хижинъ, расположенныхъ на холмистомъ берегу Тибра. Процессъ этого возрастанія изображенъ во многихъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ огромнымъ талантомъ. Политической исторіи Рима, разработкѣ отдѣльныхъ сторонъ римской исторіи, многихъ отдѣльныхъ явленій, посвящены высокія, гениальныя силы изслѣдователей. Укажемъ, для примѣра, хотя бы на великое имя Нибура, на талантливаго и неутомимаго Моммзена и проч.

Но мало знать лишь исключительно политическую исторію какой-либо національности, особенно же такой великой національности, какова римская. Для болѣе отчетливаго пониманія этого предмета, необходимо изучить частную жизнь римлянъ, ихъ обыденный бытъ, ихъ нравы, обычаи, повѣрья, мифологическія и религіозныя воззрѣнія и т. д.

Скажемъ опредѣленнѣе: такое изученіе римской національности должно предшествовать изученію ея политической исторіи. Это *подготовительный* матеріалъ, для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ характеромъ древнихъ римлянъ.

Книжка, предлагаемая читателю, трактуетъ о римлянахъ (конечно лишь вообще и вкратцѣ) съ такой же точки зрѣнія, съ какой трактуетъ о жизни древнихъ грековъ книжка профессора Магаффи ¹⁾.

Какъ при изученіи быта и правовъ древнихъ грековъ, такъ и при изученіи быта древнихъ римлянъ, встрѣчается тоже самое существенное затрудненіе. О бытѣ обоихъ этихъ древнихъ народовъ мы заключаемъ по остаткамъ вещественныхъ (художественныхъ) памятниковъ и по дошедшимъ до насъ литературнымъ произведеніямъ. Такого рода изученіе, разумѣется, сопряжено съ значительными затрудненіями. Вѣдь, во-первыхъ, древне-греческій и латинскій языки — языки «мертвые» (слѣдовательно формы того и другого языка не могутъ быть совершенно ясны и понятны для насъ). При томъ, въ самомъ развитіи языка были различные періоды, существенно отличавшіеся другъ отъ друга. Говоря вообще, нужно отмѣтить, что какъ главнымъ пособіемъ для изученія быта, на примѣръ, древнихъ грековъ служатъ дошедшія до насъ эпическія произведенія и произведенія скульптуры и архитектуры (съ оставшимися надписями различныхъ діалектовъ); такъ точно при изученіи характера быта древнихъ римлянъ должны стоять оставшіеся памятники писанныхъ законовъ и распоряженій административнаго и полицейскаго характера. Архитектура и

¹⁾ Уже вышедшая въ свѣтъ въ минувшемъ году, въ русскомъ переводѣ.
(Перев.)

скульптура при изученіи быта римлянъ имѣють уже второстепенное значеніе. Этотъ великій народъ прославилъ себя не въ художествахъ, а въ своемъ мірообъемлющемъ, развившемся съ чрезвычайною стройностью, законодательствѣ. Разумѣется, и памятники искусства и ремеслъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, оставленные римлянами, глубоко поучительны. Остатки этрусскаго искусства, на примѣръ, положительно драгоценны. Находки же, при непрерывно производящихся раскопкахъ въ древней Помпѣѣ, съ часу на часъ все болѣе и болѣе расширяють наши свѣдѣнія о древнемъ бытѣ римлянъ и дополняютъ общую картину все новыми и новыми деталями. Темныя облака мрака, мало-по-малу, разсѣваются, и древній римлянинъ является предъ нами не какъ призракъ или автоматъ, а со всѣми своими національными характеристическими особенностями, съ своею плотью и кровью.

2. Національныя черты римлянъ. — Мы должны сначала бросить общій взглядъ на тотъ отдаленный періодъ римскаго народа, когда онъ лишь только зарождался въ своей ячейкѣ. Это періодъ *первыхъ поселеній* на холмистомъ берегу Тибра. Изъ среды латинскихъ городовъ гордо поднялъ свою голову самый молодой изъ нихъ, но, въ то же время, богатый мощными задатками силъ. Римъ былъ построенъ толпою латинскихъ поселенцевъ. На берегу Тибра была группа холмовъ, незначительной, впрочемъ, высоты; на южномъ склонѣ береговъ Тибра холмы эти смыкаются вмѣстѣ. Самое ихъ положеніе, повидимому, указываетъ на цѣль искусственной принаровки во взаимной смычкѣ этихъ холмовъ (потому что, несомнѣнно, искусство помогало здѣсь природѣ). Если вы захотите теперь плыть вверхъ по Тибру, по направленію отъ его устья, то замѣтите въ весьма близкомъ

расстояніи отъ моря и устья Тибра, ясныя слѣды крѣпости, назначеніе которой, конечно, состояло въ томъ, чтобы ограждать латинскихъ торговцевъ отъ нападений естественныхъ враговъ: латинянь—этрусковъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ латинянь. Вы замѣтите, слѣдовательно, что первый городъ Латинскаго союза былъ въ то же время передовымъ укрѣпленнымъ его постомъ. По всѣмъ соображеніямъ, однако, такое положеніе дѣла продолжалось не долго. Уже изъ самаго ранняго періода Римской исторіи существуютъ легенды — и вмѣстѣ съ легендами мы можемъ сопоставить обычай того отдаленнаго времени. Сопоставляя то и другое, мы можемъ вывести такое заключеніе, что въ самый ранній періодъ Римской исторіи *два* отдѣльные латинскіе города были соединены въ *одинъ*. Сабинны, населявшіе внутреннюю гористую часть страны, также точно, какъ латины, занимавшіе низменную ея часть, — каждое изъ этихъ взаимно соперничающихъ племенъ выстроило свой укрѣпленный форпостъ, — латины на холмѣ Палатинскомъ, сабины — на холмѣ Квиринальскомъ. Конечно, два враждебныя племена, расположившіяся другъ отъ друга такъ близко, что раздѣлявшее ихъ разстояніе было не много болѣе средняго разстоянія полета брошеннаго копья, не могли переносить долго натянутого неопредѣленнаго положенія вражды, — а, какъ всегда бываетъ въ мірѣ, — или одно изъ нихъ должно было истребить другое, или они должны были взаимно примириться, слиться въ одно цѣлое. Съ сабинами и латинами (конечно, къ счастью для послѣдующаго хода исторіи Рима) случилось послѣднее. Изъ соединенія этихъ двухъ племенъ образовалось одно цѣлое, и это цѣлое сначала называлось «*Populus Romanus et Quirites*»; впоследствии форма этого на-

именованія измѣнилась въ «*Populus Romanus Quiritium*».

Мы знаемъ такимъ образомъ, что двѣ различныя людскія расы соединились для того, чтобы образовать римскій народъ; но въ отдѣльности о самомъ характерѣ каждой изъ этихъ расъ мы ничего не знаемъ достовѣрнаго или положительнаго. Какъ зарождается, организуется какая-либо національность, какъ разно-характерные элементы сливаются въ одно цѣлое---этотъ вопросъ принадлежитъ къ самымъ труднымъ вопросамъ въ исторіи. Наука языкознанія говоритъ намъ, и говоритъ съ достовѣрностью, что предки итальянскихъ народовъ и предки всѣхъ греческихъ племенъ, также точно, какъ и предки племенъ кельтическихъ, германскихъ, славянскихъ, персидскихъ и индусскихъ, сначала жили вмѣстѣ, какъ одинъ народъ или въ качествѣ какой-то громадной общины и носили названіе (хотя далеко неправильное) *арійцевъ*. Но въ послѣдствіи отдѣльныя части, составлявшія эту громадную семью, отдѣлились другъ отъ друга. Сотни или даже тысячи лѣтъ должны были пройти, покамысь мы встрѣчаемъ эти отдѣленные другъ отъ друга элементы уже выступившими на сцену исторіи. Объ обычаяхъ, присущихъ отдѣльнымъ расамъ или племенамъ, въ этотъ темный отдаленный періодъ человѣческаго быта, мы не можемъ имѣть хотя бы какихъ бы то ни было, хотя бы слабыхъ, свѣдѣній. Только одно можно предполагать совершенно достовѣрнымъ, что каждое племя, въ этотъ отдаленный періодъ, должно было жить въ весьма различныхъ обстоятельствахъ одно относительно другого. Но все таки ихъ законы, ихъ обычаи, управленіе, занятія, характеръ и степень познанія природы, ихъ искусства, ихъ религіозныя вѣрованія и церемоніи не могли имѣть важнаго различія по отноше-

нію къ тому и другому племени. Это уже понятно и само собою, а съ другой стороны это же подтверждается и данными сравнительнаго языкознанія. Дѣйствительно, прилагая строгій методъ сравнительнаго языкознанія къ языкамъ наиболѣе древнимъ, можно убѣдиться, что въ особенности, напримѣръ, въ сферѣ политическихъ и религіозныхъ представленій сначала было много общаго и трудно различимаго у всѣхъ племенъ; но затѣмъ, мало по малу, начали выдѣляться изъ этой общей, такъ сказать аморфной, массы представленій своеобразныя характеристически-особныя ядра, изъ которыхъ каждое развилось въпослѣдствіи по своеобразному типу и характеру. Различіе въ климатѣ, различіе въ характерѣ явлений природы, различіе въ типѣ и занятіяхъ, затѣмъ различіе въ характерѣ чужеземныхъ національностей, съ которыми приходится вести войну или завязывать торговые сношенія, — различіе формъ управленія, подъ которыми живутъ соприкосновенные и пограничные народы — все это громадно вліяетъ на обособленіе характера даже каждой вѣтви отдѣльнаго племени, и даетъ ей своеобразную индивидуальную фізіономію. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ народѣ, индивидуальность развивается въ борьбѣ съ внѣшними вліяніями: безъ напора внѣшнихъ впечатлѣній не можетъ развиться ни какой самобытный характеръ. На примѣрѣ грековъ и римлянъ можно видѣть это весьма рельефно. Такъ, не смотря на очевидное близкое взаимное сродство грековъ и италійскихъ племенъ, не смотря на то, что они были даже пограничны, жили на одномъ полуостровѣ, жизнь грековъ и италійскихъ народовъ носила рѣзко-своеобразныя черты. Образъ и характеръ мышленія, характеръ представленій у тѣхъ и другихъ племенъ рѣзко отличались. Что по представленіямъ грека было хорошо, то, по

представленіямъ италійца, было дурно, и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, предметы, которыми дорожилъ грекъ, имѣли малую и да́же ничтожно-малую цѣну въ глазахъ римлянина. Съ другой стороны, пороки, особенно унижавшіе, по мнѣнію римлянина, человѣка, особенно безчестные и позорные, въ глазахъ грека не имѣли безчестнаго и позорнаго значенія—и даже имѣли обратное, т. е. хорошее значеніе. И вотъ по этому-то, когда, въ послѣдній періодъ своей жизни, греки пришли въ тѣсное соприкосновеніе съ римлянами, то взаимные раздоры представителей двухъ родственныхъ расъ часто возникали изъ-за какой-либо неважной обиды или незначительнаго недоразумѣнія. Природный, кровный римлянинъ смотрѣлъ свысока и съ гордостью господина и властелина на греческую льстивость, гибкость, изворотливость, на раболѣпіе и низкопоклонничество, на часто практиковавшуюся грекомъ вкрадчивую ложь. Конечно, всѣ эти пороки были присущи грекамъ но преимуществу въ позднѣйшее время, въ вѣкъ крайняго духовнаго упадка и вырожденія. Хитрый грекъ тайкомъ подсмѣивался въ свой рукавъ надъ тѣмъ чопорнымъ римляниномъ, которому онъ лишь сейчасъ расточалъ свою хитроплетенную лесть. Но зато льстивый грекъ считалъ для себя горькимъ, едва выносимымъ оскорбленіемъ «мужиковатость» римлянина, его невѣжество въ тонкостяхъ литературы и поэзіи, въ разборѣ красотъ изящнаго,—при чемъ римлянинъ встаетъ съ тщеславіемъ и надутостью выставлялъ себя покровителемъ наукъ и искусствъ!.. Эти взаимныя и часто весьма комичныя недоразумѣнія двухъ національностей особенно увеличились въ то время, когда сами римляне уже упали и выродились. Это было въ эпоху Императоровъ. Какъ ни рѣзки иногда были сейчасъ описанныя недора

зумѣнія, но они объясняются различіемъ въ характерахъ двухъ великихъ націй.

3. Основная черта римскаго характера.— Въ основѣ римскаго характера лежала привычка *повиновенія авторитету*. Эта черта уже рельефно выступаетъ въ самые ранніе годы существованія Рима. Ниже мы увидимъ, до какой громадной, неограниченной степени простиралась въ Римѣ власть отца надъ дѣтьми, до какой степени воля, *paterfamilias*'а была абсолютною — и на этой абсолютной отеческой власти (*patria potestas*) основывались, какъ на твердомъ камнѣ, и все римскіе законы, касающіеся семейства. Затѣмъ строй римской семьи изображалъ собою, такъ сказать, государство въ маломъ размѣрѣ. Что значилъ отецъ (*paterfamilias*) въ своемъ семействѣ, — то же самое значило государство въ общемъ тѣлѣ гражданъ. Семья была ячейка, — государство былъ цѣльный организмъ, образовавшійся строгимъ сочетаніемъ ячеекъ. Совокупность римскихъ семей строго-математически относилась къ государству, какъ часть къ своему цѣлому. Абсолютная власть государства надъ гражданами воплощалась, конечно, въ органахъ государства. Соответственно этому, тѣ, въ рукахъ которыхъ находился авторитетъ государственной власти, держали въ рукахъ эту власть въ полномъ, неограниченномъ смыслѣ, на все то время, покамѣсть были облечены ею. Государственный чиновникъ носилъ у римлянъ названіе *магистрата* (*magistratus*). Когда этотъ магистратъ, по истеченіи извѣстнаго періода времени, слагалъ съ себя власть, онъ долженъ былъ дать отчетъ народу, и народъ могъ подвергнуть бывшаго магистрата наказанію, — за какое либо превышеніе власти, за какое либо оскорбленіе правъ гражданъ. Однако же, во все то время, покамѣсть гражданинъ оставался ма-

магистратомъ, никто не вправѣ былъ не повиноваться или противостоятъ его распоряженіемъ или же требовать съ него отчета въ его дѣйствіяхъ. Отказъ въ повиновеніи распоряженіямъ облеченнаго властію магистрата считался ужаснымъ преступленіемъ, заслуживающимъ неизбѣжную смертную казнь. Однакоже, неограниченность и деспотизмъ власти, которою были облечены магистраты, умѣрялась и смягчалась различными путями и средствами. Въ числѣ первыхъ средствъ нужно упомянуть, что, за рѣдкими исключеніями, магистраты были поставлены въ числѣ *двухъ*, чтобы одинъ изъ нихъ могъ контролировать дѣйствія другого. Сотоварицъ магистрата облеченъ былъ такою же неограниченною властію, какъ и онъ самъ. И вотъ, по этому-то, если одинъ изъ двухъ магистратовъ дѣлалъ какое-либо распоряженіе, то другому магистрату всегда представлялась возможность запретить осуществленіе этого распоряженія, — какъ говорится, противопоставить свое *вето*. Другими словами: каждому магистрату предоставлялось ограничивать право на дѣйствіе въ распоряженіяхъ. Затѣмъ, съ другой стороны, власть различныхъ авторитетовъ хотя бы и не ограничивалась положительнымъ письменнымъ закономъ, она зато ограничивалась, и часто весьма сильно, освященными временемъ обычаями. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, каждый изъ римлянъ былъ пріученъ, и даже поставленъ въ необходимость, повиноваться: или голосу магистрата, или писаннымъ законоположеніямъ. Съ другой стороны, для римлянина громадную обязывающую силу имѣлъ *обычай предковъ* (*mos majorum*). Отступленіе отъ освященнаго обычая, правда, было терпимо, могло быть безнаказаннымъ; но общество было убѣждено, что гнѣвъ боговъ покараетъ нововводителя. Можно съ увѣренностью сказать, что

весьма рѣдко уважалось то, что консуль былъ властентъ сдѣлать, безъ отношенія къ обычаю; напротивъ, уважались тѣ дѣйствія и распоряженія консула, руководителемъ и свѣточемъ для которыхъ былъ обычай. Съ теченіемъ времени, конечно, эти препятствія (вѣдѣнія обычая) при исполненіи дѣйствій, сдѣлались слишкомъ слабыми, и исторія Рима, разсматриваемая со стороны ея внутреннихъ событій, есть взятая въ обширномъ масштабѣ исторія постоянно повторявшихся попытокъ пріурочить къ духу государственнаго устройства, къ духу древнихъ освященныхъ обычаевъ, — новые обычаи, новыя потребности, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ не противорѣчащими древнимъ обычаемъ. Но наша настоящая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы коснуться лишь общаго характера римской національности, и, чтобы понять этотъ характеръ правильно, мы должны остановить наше вниманіе на прочно-усвоенномъ римлянами обычаѣ повиновенія авторитету. Эта черта, дѣйствительно, придастъ духовной сущности Рима совершенно особый, рельефный колоритъ во всей исторіи народовъ. Самая ранняя исторія Рима есть не болѣе, или не многимъ болѣе, чѣмъ длинный рядъ борьбы между *патриціями*, которые сначала лишь одни имѣли всѣ гражданскія права, — и *плебеями*, которымъ сначала было отказано въ существенной части этихъ гражданскихъ правъ. Но при этомъ внутренняя борьба въ Римѣ представляетъ существенное отличіе по сравненію съ внутреннею борьбою въ древне-греческихъ политіяхъ. Тогда какъ въ любомъ изъ греческихъ государствъ, во время каждой внутренней борьбы, улицы городовъ неизбѣжно обогрѣвались кровью гражданъ, и разгорѣвшаяся борьба не представляла уже надежды на мирное рѣшеніе, не представляла уже другого исхода, какъ кровавая убій-

ства гражданъ или изгнаніе всей противной партіи партією побѣдившею, — въ Римѣ подобныя внутреннія борьбы рѣдко имѣли кровавую развязку, но почти всегда мирную. Правда, и въ исторіи Рима мы читаемъ о возмущеніяхъ, часто сильныхъ; но эти возмущенія рѣдко оканчивались такими страшными кровопролитіями, какъ въ Греціи, — на примѣръ, хотя бы въ эпоху Тридцати Тиранновъ. Правда, дѣянія тиранніи и въ Римѣ были жестоки, но они представляли все-таки регулярный процессъ, все-таки совершались въ предѣлахъ законности, въ предѣлахъ опредѣленныхъ закономъ функций магистратовъ. И наконецъ, извѣстно, что двѣ великія спорившія партіи (патриціи и плебеи), послѣ долгой борьбы, успокоились, примирились одна съ другою: соперниками обѣ партіи остались лишь въ смыслѣ ревностнаго служенія общему отечеству и, пронося свои орлы все далѣе и далѣе, во все концы міра, побѣдоносно торжествовали надъ каждымъ врагомъ. Привычка повиноваться, уваженіе къ авторитету — эти качества были. быть можетъ, именно тѣми, которыя сдѣлали вліяніе римлянина столь мощнымъ во всемірной исторіи. Несокрушимая настойчивость и упорство римлянина, его непоколебимое мужество даже въ неудачахъ и бѣдствіяхъ, его пламенная любовь къ своему отечеству — если сравнивается все это съ дѣяніями, въ этомъ отношеніи, другихъ народовъ, то сравненіе всегда оказывается невыгодныхъ для послѣднихъ. Все другіе народы съ своими дѣяніями блѣднѣютъ предъ дѣяніями римскаго народа... Фигура римлянина величаво возвышается надъ массою другихъ фигуръ. И къ этому непоколебимому мужеству и настойчивости римлянинъ присоединялъ еще любовь къ порядку, подчиненіе дисциплинѣ, непоколебимую стойкость за интересы и за благо своихъ соотечествен-

474 187 Русская Империя!

никовъ. Можетъ быть, что эта мощь дружнаго единодушнаго дѣйствія получила свое начало съ того времени, когда латины и сабиняне, прочно колонизировавшись, соединились вмѣстѣ, чтобы образовать государство и сосредоточить въ себѣ общее управленіе. Во всякомъ случаѣ, можно положительно сказать, что не было ни одной страны, кромѣ Рима, въ которой о благѣ государства, какъ цѣлаго, заботились бы больше, и гдѣ бы это благо было цѣлью каждаго гражданина. Въ Греціи, напирѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно же въ Спартѣ, государство *само возлагало на себя* обязанность поддерживать порядокъ и регулировать жизнь всѣхъ членовъ государства—и несравненно въ большой степени, чѣмъ въ Римѣ. Но здѣсь мы должны отмѣтить еще болѣе важное различіе. Въ Спартѣ *все* было осуществляемо по *иниціативѣ государства*, но ни что *для* государства. Многія изъ постановленій государственныхъ въ Спартѣ исключительно установлены были для усовершенствованія индивидуальнаго гражданина. Государство, взятое въ смыслѣ цѣлаго, можетъ быть болѣе твердымъ и счастливымъ подѣ свободными и либеральными законами; но можно еще сомнѣваться, достигли бы, дѣйствительно, спартанскій индивидуальный гражданинъ своей цѣли, при законахъ, менѣе строгихъ, при жизни, менѣе регулируемой государствомъ. Въ Римѣ дѣло было иначе. Государство, правда, тамъ касалось воспитанія гражданъ, но лишь въ сравнительно малой степени. Магистраты, облеченные высокимъ авторитетомъ, носившіе названіе *цензоровъ* (censor), избирались для того, чтобы слѣдить за жизнью и правами народа. Но главная ихъ обязанность заключалась въ наблюденіи, чтобы граждане не нарушали обычаевъ предковъ (mos majorum) и не отступали отъ нихъ. Эти магистраты обязаны были также

подвергать строгой провѣркѣ нѣкоторыя измѣненія и нововведенія, обнародывать результаты публичной цензуры, дѣлать извѣстными обществу: пороки, преступленія и злоупотребленія. Такимъ образомъ выходило, что уже въ своемъ домѣ римскій мальчикъ бралъ уроки и примѣръ съ своего отца; уже въ домѣ онъ учился жить и дѣйствовать для своей страны; уже въ домѣ отца онъ учился гордиться болѣе всего самымъ именемъ римскаго гражданина, — и онъ уже хорошо зналъ преподаваемые ему уроки.

4. Уваженіе римлянъ къ женщинамъ. — Изъ всѣхъ народовъ древняго міра ни у одного женщины не находились въ такомъ почетѣ и уваженіи, какъ у римлянъ. Правда, несомнѣнно то, что, въ глазахъ закона, женщина, въ древній періодъ Рима, выходя за-мужъ, поступала подъ *власть мужа*, или, употребляя техническое римское выраженіе, въ его *руку* (*manus*). Права мужа надъ женою правда, были не ограниченны, исключая случаевъ, освященныхъ религіею и чувствами самого народа; но и религія Рима, и народныя чувства требовали, чтобы мужчина обращался съ женщиною съ уваженіемъ и почтеніемъ. Въ семействѣ римскомъ, гдѣ мужъ былъ полновластнымъ господиномъ, — и жена, тѣмъ не менѣе, была госпожею. Ея правомъ и спеціальною обязанностью былъ надсмотръ надъ рабами и надъ общимъ домохозяйствомъ; занятіе ея состояло въ пряденіи шерсти, для того, чтобы приготовить матеріалъ для одежды всей семьи. Даже въ эпоху Римской Имперіи, римскія женщины, любившія старину и старый образъ жизни, находили удовольствіе въ пряденіи шерсти. Самъ императоръ Октавіанъ Августъ гордился одеждою, приготовленною для него его женою Ливіей. Мы еще будемъ имѣть случай познакомиться съ положеніемъ рим-

Своей не на раманис бобер вите. Точка вострама мала.

ской женщины въ позднѣйшій періодъ. Теперь же достаточно замѣтить, что однимъ изъ главныхъ условій, сообщавшихъ такую яркую печать національному характеру римлянъ, была ихъ простая, цѣломудренная и благоустроенная домашняя жизнь.

5. Существо римскаго характера.—Характеристическая черта, которая всего рельефнѣе отличала римлянина, прекрасно выражается въ латинскомъ словѣ «*gravitas*»; на англійскій языкъ перевести это слово почти невозможно. Даже аналогичное понятіе, заимствованное изъ греческаго языка, не особенно поможетъ намъ въ этомъ случаѣ¹⁾. Можетъ быть, англійское слово «*dignity*» ближе подходило бы къ этому выраженію. Мы видимъ изъ употребленія, что римское выраженіе «*gravitas*» прилагалось къ человѣку съ вѣсомъ и вліяніемъ, товарищами этого человѣка, и въ этомъ смыслѣ слово «*gravitas*» было прямо противоположно слову «*levitas*» (въ букввальномъ переводѣ—«легкость»), и это послѣднее выраженіе прилагалось къ гражданину, не имѣвшему большаго вліянія въ глазахъ его товарищей. Понятіе «*gravitas*» исключало собою всякую необдуманную и непристойную шутку; но объемъ его былъ гораздо шире, чѣмъ понятіе о «*levitas*». Оно противопоставлялось всякой измѣчивости, непостоянству, опрометчивости, и оно означало, такимъ образомъ, всякую твердую и рѣшительную привязанность къ планамъ и намѣреніямъ, принятымъ послѣ зрѣлаго и свободнаго размышленія.

¹⁾ Но на русскій языкъ это слово хорошо передается выраженіемъ „важность“. Нельзя того же сказать о другихъ европейскіхъ языкахъ, напримѣръ, объ англійскомъ, въ которомъ *gravitas* весьма неточно передается словомъ *dignity*—и вовсе не болѣе удачно словомъ *weight*—вѣсъ, вліяніе на другихъ и т. д. *Прим. перев.*

Если эта черта сопровождалась благосклонностью, услужливостью и остротою ума, то было тѣмъ лучше, въ особенности при какой-либо оцѣнкѣ свѣдѣнія о людяхъ въ послѣднее время республики Римской; Цицеронъ, конечно, не ошибается, замѣтивъ, что упомянутыя благородныя качества гармонично были соединены въ благороднѣйшемъ осуществленномъ идеалѣ римлянина, Циционѣ Младшемъ, Африканскомъ. Но наиболѣе существенною частью римскаго характера, истиннымъ сосредоточеніемъ, центромъ цѣлаго, были: римское постоянство и трезвая правдивость.

6. Недостатки римскаго характера.—Пункты, которые мы отмѣтили какъ основныя черты римскаго характера, могутъ возбуждать наше уваженіе и симпатію. Надо, однако, оговориться, что эти уваженіе и симпатія должны относиться по преимуществу къ древнему типу римлянина. Правда, въ послѣдній періодъ Имперіи не было недостатка въ характерахъ высоко- нравственныхъ и привлекательныхъ. Письма Плинія Младшаго, напримѣръ, показываютъ намъ въ авторѣ такого человѣка, который хотя не безъ свойственныхъ ему слабостей, но совершенно заслуживаетъ названіе джентльмена во всѣхъ отношеніяхъ. Но Плинію и подобные ему люди все, что у нихъ было лучшаго, почерпнули въ произведеніяхъ греческой литературы и искусства. Съ суровою энергіею римлянина ранняго періода люди, подобные Плинію, утратили уже римскую жесткость и угловатость. Но, не принимая во вниманіе этихъ обстоятельствъ образованія греческою литературою и искусствами, качества, сообщавшія афинянамъ такую грацію въ обращеніи, совершенно отсутствовали у римлянина. Грекъ отличался своими живыми симпатіями (См. «Древне-греческ. жизнь» *Магаффи*); римля-

нишъ же былъ, вообще, сурово-грубъ и несимпатиченъ. Грекъ во всёхъ предметахъ цѣнилъ красоту, и притомъ красоту конкретную, осязательную, вслѣдствіе чего съ трудомъ могъ понимать красоту, существующую какъ нѣчто отдѣльное отъ предметовъ. Римлянинъ же, до самаго конца своего историческаго существованія, никогда не былъ артистомъ, и скульптурныя произведенія, украшавшія собою улицы и сады Рима, — когда подобные предметы роскоши и цивилизаціи вошли въ моду, — зарѣдкими исключеніями, были произведенія иностранныхъ художниковъ. Для грека понятіе о добродѣтели (*ἀρετή*) было, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятіемъ о превосходствѣ, изяществѣ (что на современномъ англійскомъ и французскомъ языкахъ выражается словомъ *excellence*) и выраженіе «добродѣтель» (*ἀρετή* = лат. *virtus*), по первоначальному своему смыслу, употреблялось для обозначенія совершеннѣйшихъ произведеній и изящныхъ качествъ въ предметахъ; тогда какъ для римлянина въ словѣ «добродѣтель» (*virtus*) заключалось понятіе о мужествѣ, смѣлости, стойкости въ битвахъ. Грекъ гордился своимъ отличіемъ отъ «варваровъ», т. е. говорившихъ на другихъ языкахъ и почитавшихъ иныя божества; но все-таки и по отношенію къ «варварамъ» грекъ питалъ извѣстную долю уваженія и чувства справедливости. Римлянинъ же смотрѣлъ на всякаго иностранца какъ на своего естественнаго врага, и въ ранній періодъ своей исторической жизни считалъ понятія «иностранецъ» и «врагъ» нераздѣльными, и для того и другого онъ употреблялъ одно и то же выраженіе. Цицеронъ, въ видѣ характеристики, рассказываетъ намъ, какія чувства римляне ранняго періода питали по отношенію къ иностранцамъ; Цицеронъ говоритъ, что римляне враговъ, съ которыми вступали въ битву, не назы-

вали «врагами» (*inimicus*), а просто «иностранцами» (*advena, alienigenus, hospes, peregrinus*). Но Цицеронъ жилъ уже въ то время, когда умы римлянъ были наполнены идеями и представленіями, пріобрѣтенными отъ лучшихъ и знающихъ греческихъ учителей. Мы можемъ быть увѣрены, что если предки Цицерона употребляли то же самое слово «*hostis*» для врага и для иностранца, то это было вполне понятно и резонно, потому что на всякаго иностранца они смотрѣли какъ на врага, съ которымъ слѣдуетъ лишь вступать въ битву. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда древніе римляне заключали мирный договоръ съ окружающими ихъ непріязненными народами, только тогда они нитали къ своимъ «*inimici*» и некоторое чувство справедливости, да и это чувство со-размѣрялось лишь съ строгимъ буквальнымъ смысломъ мирнаго договора. Затѣмъ, намъ извѣстно, что римляне часто говорили о своихъ врагахъ, какъ о «*вѣроломныхъ*» (*infidelis, perfidus, perfidiosus*); однакоже въ большей части случаевъ, встрѣчаемыхъ нами въ Римской исторіи, вѣроломство и измѣнчивость являются на сторонѣ римлянъ, а не ихъ враговъ. Если мы будемъ, при этомъ, судить по исторіи, написанной римскими историками, то, разумѣется, найдемъ виновными и вѣроломными враговъ римлянъ; но если бы мы раскрыли исторію, написанную другою стороною, напримѣръ, хотя бы самнитскими и кароагенскими авторами, то, конечно, нашли бы массу случаевъ вѣроломства римлянъ.

Затѣмъ, переходимъ къ другой чертѣ, весьма широко и рельефно отличавшей римлянъ отъ грековъ. Грековъ особенно отличала страстная привязанность къ спорамъ и разбирательствамъ. Читатель въ очеркѣ древнегреч. жизни (См. *Магаффи*) найдетъ свѣдѣнія объ этомъ, онъ увидитъ, что страсть къ спорамъ и разбира-

134449

тельствамъ преимущественно была свойственна аѳинянамъ. Справедливо, конечно, и то, что въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ, существовали собранія для всѣхъ гражданъ, въ которыхъ (собраніяхъ) подвергался на обсужденіе каждый имѣвшій важность вопросъ, и въ Римѣ произносились рѣчи, обращенныя къ народнымъ собраніямъ, и произносились лицами, руководившими государственнымъ дѣлами; надо притомъ еще добавить, что вліяніе ораторскаго искусства преимущественно возросло и развилось въ послѣднее время существованія Республики. Все это такъ. Но, тѣмъ не менѣе, вѣрнымъ остается правило, что римскому народу свободныя и всестороннія обсужденія предмета никогда не правились такъ, какъ аѳинскому народу. Римляне съ ихъ строгими правилами и привычкою повиноваться авторитету, никогда не чувствовали живой потребности обсуждать предметъ со всѣхъ сторонъ, какъ это было, напримѣръ, въ Аѳинахъ—въ особенности же еще до обсужденія вопроса самими вождями партій, какъ это было именно въ Аѳинахъ. Въ Аѳинахъ народъ просто услаждался, сидя каждодневно въ театрѣ и слушая діалоги въ трагедіяхъ, которыя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, были не многимъ выше, чѣмъ искусно выдуманная шутка. Въ Римѣ же народъ дѣйствительно былъ привязанъ къ одному роду представленій—это къ фарсамъ и пантомимамъ. Въ трагедіяхъ римляне мало заботились о сущности дѣла, т. е. о содержаніи, а обращали вниманіе лишь на вѣшность, на роскошь и блескъ костюмовъ; по сценѣ у нихъ проходили страшныя, поражающія, эффектныя процессіи; и даже въ срединѣ, въ разгарѣ наиболѣе интересныхъ комедій, вниманіе зрителей внезапно развлекалось зрѣлищемъ канатныхъ плясуновъ и кулачныхъ бойцовъ. Напротивъ, любимымъ времяпрепровожд-

деніємъ аоніянъ было слушаніе искусно защищаемыхъ процессовъ или рѣчей на судебной трибунѣ. Съ жадностью слушали они каждую судебную рѣчь, потому что она напоминала имъ ихъ излюбленную борьбу словами въ засѣданіяхъ суда или въ народныхъ собраніяхъ. Римляне же, особенно въ послѣднее время своей исторіи, были страстно привязаны къ удовольствію постоянно глазѣть на бѣгъ колесницъ въ циркѣ, или на жестокіе кровавые бои ученыхъ и выдрессированныхъ бойцовъ — гладиаторовъ (*gladiatores*). Эти послѣдніе или боролись другъ съ другомъ, или съ дикими звѣрями. Аоніи гордились, что ихъ считаютъ школою цѣлой Греціи, и дѣйствительно, даже въ періодъ упадка греческой національности въ Аоніяхъ тѣснились посѣтители и путешественники изъ разныхъ странъ. Съѣхавшіеся посѣтители имѣли цѣлью или посмотреть на драгоцѣнные произведенія искусства, украшавшія городъ Паллады, или же послушать учителей риторики и философіи, или получить драгоцѣнный урокъ въ изящныхъ произведеніяхъ литературы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ училъ великій Платонъ подъ масличными деревьями Академіи. Или же громадная, жадная толпа посѣтителей съ благоговѣйнымъ трепетомъ присутствовала при трагедіяхъ Софокла. И Римъ въ эпоху Императоровъ былъ излюбленнымъ центромъ стеченія иностранцевъ; но послѣдніе сходились уже съ совершенно особою цѣлью: предложить свои таланты на многолюдный рынокъ или расточить свое имущество въ центрѣ всемірнаго господства и всемірной силы.

ГЛАВА II.

ЖИЛИЩА РИМЛЯНЪ.

1. Городская и сельская жизнь римлянъ. — Можно положить за достовѣрное, что Римъ сначала имѣлъ значеніе передового поста, назначеннаго для торговыхъ сношеній; но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы судьба указывала римлянамъ преимущественныя занятія торговлею. Римское государство болѣе, чѣмъ всякое другое государство въ исторіи, было основано и развилось на началахъ земледѣлія. Каждый гражданинъ Рима имѣлъ свой участокъ поля и домъ съ хозяйственными принадлежностями, и этотъ участокъ онъ обрабатывалъ своими собственными руками. Но если даже римскій гражданинъ не имѣлъ участка или фермы, то, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ средство пропитанія. Уже съ ранняго періода въ Римѣ были извѣстные разряды ремесленниковъ, такъ сказать, цехи или гильдіи: раздувальщики мѣховъ, золотыхъ дѣлъ мастера, мѣдники, плотники, валяльщики, красильщики, горшечники и башмачники, и въ ранній періодъ римской жизни всѣхъ этихъ ремесленниковъ не третировали свысока, какъ было впоследствии, когда упомянутыя ремесла сдѣлались исключительнымъ достояніемъ рабовъ. Но римскіе ремесленники, въ большинствѣ случаевъ, исключались изъ войсковой службы, а слѣдовательно и ихъ извѣстнаго ранга и положенія въ государствѣ, которое приличествовало настоящимъ гражданамъ. Надо замѣтить, что ремесла въ Римѣ не были «изучаемыми» профессіями, какъ въ наше время, когда особенно въ большихъ городахъ, мальчика, съ раннихъ лѣтъ, отдають въ ученье. Первые ме-

дпки-дѣктора и учителя появились въ Римѣ уже въ пзднѣйшее время и были заимствованы изъ Греціи. Адвокаты или законники, изъ благородныхъ патриціанскихъ сословій, хлопотали за своихъ кліентовъ безвозмездно; да и жрецы въ Римѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, нисколько не напоминали духовенство нашихъ временъ. Точно также у римлянъ не было богатыхъ, ведущихъ дѣла на широкую ногу, коммерсантовъ, какіе произошли въ новое время, благодаря торговому и промышленному преуспѣянію городовъ. Римляне не имѣли ни какой нужды вывозить въ другія земли продукты своей земли, — да и какіе могли быть у древнихъ римлянъ эти продукты? Страна ихъ не была богата минералами, и затѣмъ они не занимались мануфактурною обработкою сырыхъ произведеній, развѣ только грубо выдѣлывали ткани для домашняго употребленія. И вотъ поэтому-то римскіе коммерсанты — если они существовали — принадлежали къ сословію землевладѣльцевъ, имѣвшихъ свои торговые суда для отправки зернового хлѣба и вина внизъ по Тибру, къ этрускамъ, или въ греческіе города Сициліи; обратно же они привозили произведенія искусствъ и роскоши: благовонныя вещества, льняныя ткани, пурпуръ, слоновую кость и ладанъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Римѣ, въ ранній періодъ, сельская жизнь имѣла гораздо большее развитіе и значеніе, чѣмъ жизнь городская. Намъ теперь представляется весьма умѣстнымъ описать римскій сельскій домъ, или *виллу* (Villa) со всѣми ея домашними принадлежностями. Читатель увидитъ изъ этого разницу въ устройствѣ греческихъ и римскихъ жилищъ. (Сравн. «Древне-греч. жизнь» *Магаффи*).

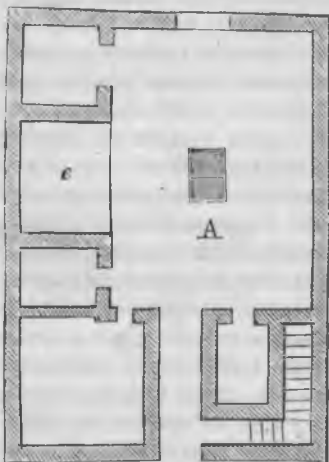
. **Устройство и планъ римскаго дома.** — Са-

мая простая форма римскаго дома, въ ранній періодъ, повидимому, не слишкомъ отступала отъ формы и плана древне-греческихъ построекъ. Срубъ изъ четырехъ грубыхъ деревянныхъ стѣнъ снабжался покатою, оканчивавшеюся вверху острымъ угломъ, крышею изъ соломы или булыжника; въ срединѣ дома находилось отверстіе, чрезъ которое могъ бы проходить дымъ. Внизу же этого отверстія выкапывалась яма, въ которую съ полу стекала вода, образовавшаяся отъ дождя, который проникалъ во внутрь зданія... Это и была первобытная форма ромеровскаго *мегарона* (μεγαρον) и *атріума* (т.-е. притвора, стѣней или передней комнаты, черной комнаты, отъ *ater* черный, мрачный) у римлянъ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи своей архитектуры, особенно въ развитіи постройки кровли, и греки, и римляне выразили каждый свою національную особенность. Греки начали строить свои жилища въ формѣ цѣлаго ряда комнатъ, ранжированныхъ вокругъ центрального двора, причемъ одна часть комнатъ служила жильемъ для мужчинъ, другой рядъ комнатъ назначался для женщинъ, или это отдѣленіе располагалось вокругъ задняго двора; или же, что часто бывало въ бѣдныхъ домахъ, — женское отдѣленіе надстроивалось надъ мужскимъ, въ видѣ верхняго этажа (См. *Мараффи* «Древне-греч. жизнь»).

У римлянъ было не такъ. И въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ построекъ — римляне никогда не оставляли своего *атріума*, — даже въ самыхъ бѣдныхъ жилищахъ непремѣнно былъ хотя маленькій атріумъ. Изъ многихъ древне-римскихъ домовъ, явившихся передъ глазами наблюдателя при раскопкахъ древней *Помпеи* ¹⁾ многіе

¹⁾ Городъ *Помпея* — одинъ изъ тѣхъ, которые, въ періодъ Римской имперіи, украшали прелестный заливъ въ Кампаньи. Въ 79 году по Р. Хр. этотъ городъ погибъ

построены именно по этому простому первобытному образу. На прилагаемомъ рисункѣ широкая часть плапа представляетъ обширную комнату, совершенно некрытую сверху по срединѣ съ *одною* или *двумя* частями,

Планъ древне-помпейскаго дома.

полуобнесенными стѣною. Это комнаты для обѣда или для отдыха (спальни). Атріумъ *A* представляется главною комнатою въ домѣ; но другія комнаты открыты

подъ лавою отъ изверженія Везувія, и самое мѣсто его оставалось неизвѣстнымъ вплоть до 1748 г. Съ тѣхъ поръ начались изслѣдованія и раскопки этого города и теперь болѣе $\frac{1}{3}$ города уже выкопано и обследовано. Путемъ этихъ плодотворныхъ раскопокъ мы знакомимся съ древнеримскою жизнью гораздо больше, чѣмъ знакомились по книгамъ.

Прим. перев.

къ атриуму. Другія комнаты означены на планѣ подробнѣе. Одна изъ нихъ снабжена дверьми, и это былъ собственно ходъ, ведшій съ улицы. Въ этой части иногда былъ также верхній этажъ, не всегда, впрочемъ, существовавшій. Изъ этого несложнаго плана римскаго дома мы можемъ заключить, что таковы же были и сельскія дома древнихъ римлянъ. Однакоже, случай не сохранилъ для насъ собственно образца сельскаго древне-римскаго дома въ той цѣлости и отчетливости, въ какой сохранились до насъ дома и лавки въ древней Помпеѣ. Да на подобную находку, конечно, нельзя и надѣяться, потому что обыкновенный сельскій домъ или ферма не могутъ же стоять неповрежденными цѣлую тысячу лѣтъ. Что касается описаній загородныхъ домовъ, находящихся у древнихъ римскихъ писателей, то нужно замѣтить, что эти писатели (напр. Плиніи) описывали не обыкновенные простонародные сельскіе дома, а роскошныя *виллы*, принадлежавшія благородному патриціанскому сословию. Говорить объ этихъ виллахъ, какъ ни интересно ихъ описаніе, у насъ не хватило бы мѣста. Однако же, если мы и не имѣемъ передъ глазами осязательнаго экземпляра древне-римскаго деревенскаго дома, — ни что не принуждаетъ насъ представлять его отличнымъ отъ плана, сейчасъ набросаннаго. *Atrium*, слѣдовательно, было общею и неизбѣжною принадлежностью дома каждаго римскаго землевладѣльца или владѣтеля фермы. Здѣсь, при освѣщеніи, проходившемъ сквозь квадратное отверстіе въ крышѣ (*compluvium*) варился на семейномъ очагѣ обѣдъ. И дѣти, и рабы обѣдали за однимъ столомъ съ отцомъ и матерью семейства. Въ атриумѣ обыкновенно сидѣли женщины и прали свою шерсть; кромѣ того, въ ранній періодъ Рима *atrium* служилъ главною спальною комнатою для обитателей дома.

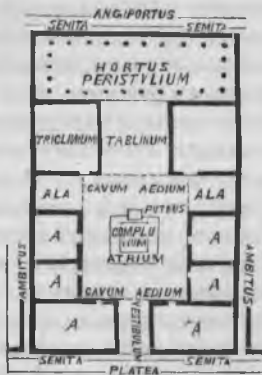
Комнаты, которыя въ послѣдствіи были отдѣлены отъ атриума, служили запасными кладовыми, спальными помещеніями для семьи или отдѣленіями для приѣма гостей.

Первая значительная перемѣна въ этомъ простомъ общемъ планѣ началась съ детали, уже замѣтной и на нашемъ рисункѣ плана дома. Одна изъ комнатъ (означенная буквою *e*) совершенно открыта по направленію къ атриуму; дверей между нею и послѣднимъ не существовало. Эта комната пристроивалась уже въ то время, когда общая постройка римскаго дома достигла большей регулярности. Комната эта была извѣстна подъ именемъ *tablinum* и служила собственнымъ кабинетомъ хозяина дома. *Tablinum* называлась эта комната потому, что въ ней хранились домашнія дѣла хозяина. *tabulae* (т. е. записныя дощечки, въ родѣ домовыхъ книгъ); здѣсь хранились и его деньги. Здѣсь же обыкновенно садился хозяинъ для отдыха, и здѣсь же наблюдалъ онъ, кто входилъ въ домъ и выходилъ изъ него.

Другая пристройка въ римскомъ домѣ образовалась уже въ болѣе позднее время, и была привнесена въ римскія постройки благодаря греческому вліянію. Позади *tablinum* — и часто соединяясь съ атриумомъ посредствомъ двухъ узкихъ проходовъ, называемыхъ *fauces*¹⁾ — пристроивался обнесенный стѣною дворъ или садъ. Онъ былъ окруженъ колоннами, и такъ какъ по гречески колонна выражалась словомъ *στολος*, — то этотъ дворъ, или садъ, носилъ названіе *peristylum* (или, употребляя полное римское названіе *hortus perestylum*). Въ первое время этотъ *peristylum* былъ ничто иное, какъ садъ, назначавшійся для отдыха, украшенія и удо-

¹⁾ Отъ *faux, cis* (въ един. числѣ) горло, глотка. проходъ. Во множественномъ числѣ *fauces* употреблялось для обозначенія проходовъ въ жильѣ.

вольствія; но затѣмъ, съ теченіемъ времени, удовольствіе стало соединяться съ пользою. Растенія въ *peristylum* ъ насаждались съ цѣлью доставленія матеріала для разныхъ практическихъ цѣлей. Затѣмъ, въ болѣе позднее время, когда дома римскіе уже строились въ гораздо большихъ размѣрахъ, *peristylum* сталъ окружаться комнатами, имѣвшими значеніе столовыхъ, спаленъ или кладовыхъ. А еще позднѣе, когда римскія постройки развились въ полномъ великолѣпіи, позади перваго перистиліума устраивался другой обширный садъ, или *второй peristylum*, также окруженный помѣщеніями для жилья. Но обыкновенный типъ римскаго дома, въ послѣдніе дни Республики, состоялъ изъ *трехъ* главныхъ частей, которыя мы сейчасъ описали: 1) *атріума*, окру-

Планъ обыкновеннаго римскаго дома.

женнаго жилими помѣщеніями и снабженнаго проходомъ, который шелъ черезъ него съ улицы; 2) *таблینума*,

помѣщавшагося въ срединѣ дома съ *fauces*, или проходами, располагавшимися по каждой его сторонѣ; 3) *перистиліума*, располагавшагося позади двухъ первыхъ частей, и иногда окружавшагося жилыми комнатами. Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что римскія *atrium* и *tablinum* не имѣли ничего соотвѣтствующаго себѣ въ греческихъ домахъ, и затѣмъ, хотя *перистиліумъ* былъ перенесенъ въ Римъ, вѣроятно, греческими архитекторами, однакоже не часто составлялъ принадлежность жилыхъ домовъ въ Греціи.

Такую форму имѣлъ домъ римскаго фермера, или сельскохозяина, въ доброе старое время Республики; но настало, наконецъ, время, когда здороваго римскаго элемента, этихъ полныхъ свѣжихъ силъ землевладѣльцевъ, этой гордости и опоры Рима, уже нельзя было найти въ странѣ. Кости этихъ землевладѣльцевъ убѣляли каждое поле сраженіе, на которыхъ рѣшались социальные вопросы, и земельныя имущества переходили въ руки немногихъ. Тогда-то, наконецъ, мѣсто мелкихъ землевладѣльцевъ заняли скопища рабовъ, скученныхъ или точиѣ, наичканныхъ въ баракахъ подобныхъ тюремнымъ подваламъ и въ цѣняхъ обработывавшихъ поля своихъ господъ. Тогда-то появились знаменитыя *Latifundia*, обширныя земельныя владѣнія, имѣвшія такое громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Римской исторіи при Императорахъ, и даже на томъ періодъ исторіи, когда наступила рѣшительная борьба германскаго элемента съ римскимъ ¹⁾. Тогда то на прежде обширномъ пространствѣ зажиточныхъ римскихъ селеній, на ряду съ

¹⁾ Объ этомъ можно прочесть въ любомъ учебникѣ Римской исторіи. Какъ на отличающуюся наибольшою доступностью и ясностью изложенія на русскомъ языкѣ укажемъ на книгу Гуревича.

тюрмообразными дворнями рабовъ, появились великолѣпныя зданія—палаццо, принадлежавшія римскимъ побѣлѣямъ. Но мы должны теперь возвратиться къ римскимъ городамъ и познакомиться подробнѣе какъ съ характеромъ послѣднихъ вообще, такъ и съ характеромъ официальныхъ римскихъ зданій въ частности, а равно и съ характеромъ жилищъ гражданъ.

Общая картина римскаго города.—Если смотрѣть на римскій городъ вообще, въ цѣломъ, то насъ въ немъ не поразитъ какое-либо особое несходство съ греческимъ городомъ, и это общее сходство наружности римскаго города съ греческимъ произошло вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ причинъ. Но въ Римѣ, еще болѣе чѣмъ въ Греціи, «городъ» разрослся, какъ изъ первобытной ячейки, изъ укрѣпленнаго мѣста убѣжища (соотвѣтствовавшаго греческому акрополю)—изъ центральной высоты, или *капитолія* (*Capitolium*). Этотъ послѣдній можно еще назвать, да и у римлянъ онъ дѣйствительно назывался, крѣпостью, замкомъ (*Arx*). Въ этотъ замокъ, какъ въ надежное убѣжище, населеніе окрестныхъ деревень могло скрываться, въ случаѣ опасности. Въ капитоліи же обыкновенно строились храмы національныхъ боговъ и богинь. У стѣнъ капиталія внѣ его устроивалась особая площадь, *forum*, служившая, въ то же время, мѣстомъ судебныхъ засѣданій и мѣстомъ народныхъ собраній. Вокругъ форума располагались дома гражданъ. Такимъ образомъ въ римскихъ городахъ мы постоянно видимъ центральное возвышеніе, увѣнчанное крѣпостью, настолько сильною и надежною, насколько населеніе было въ состояніи ее выстроить. Вокругъ же, по склонамъ центральнаго холма, или при подошвѣ его, представлявшей ровную площадь, располагались дома города. Улицы обыкновенно были невзрач-

ны и тѣсны. Дома строились изъ кирпича; большею частью были оштукатурены и выбѣлены бѣлою окраской, но не снабжались какими-либо орнаментами, или украшеніями. Окна домовъ были малы и узки; запирались они просто ставнями и рѣшетками, потому что стекло хотя и было извѣстно римлянамъ, но составляло рѣдкую и требовавшую многихъ издержекъ роскошь. Городъ, подобно крѣпости, обыкновенно былъ окруженъ стѣною; но тогда какъ обыкновенная крѣпостная стѣна, ради безопасности, была снабжаема лишь одними воротами, городъ имѣлъ трой, четверы или далѣе болѣе воротъ, ради удобства сообщенія. Видъ на окрестности съ высоты укрѣпленія—капитолія, часто былъ великолѣпный, живописный. Правда, взоръ на далеко раскинувшемся пространствѣ не встрѣчалъ пиццевъ и гордо возвышающихся башенъ, какъ въ городахъ новой Европы, — а въ малыхъ городахъ даже лишь рѣдкіе дома имѣли надстройки, или верхніе этажи; но зато взоръ восхищалъ огромный рядъ бѣлыхъ зданій, казавшихся ослѣнительно-бѣлыми, подъ животворными лучами италіанскаго солнца. Прелесть картины довершали зеленѣющіе сады съ перистиліями, а безчисленные струи голубоватаго дыма, выходившаго изъ очаговъ атриумовъ, представляли какъ бы волшебную картину привидѣній, носящихся надъ городомъ, и во всякомъ случаѣ любой, хотя бы англійскій, городъ съ носящимся надъ нимъ темнымъ облакомъ дыма и сажки, долженъ уступить картинѣ древне-римскаго города. И затѣмъ, хотя частные дома въ древне-римскихъ городахъ были низменны и бѣдны, но за то глазъ могъ съ удовольствіемъ остановиться на храмахъ и публичныхъ зданіяхъ. Эти послѣдніе большею частью строились вокругъ *форума*, этого мѣста собраній или комицій гражданъ. Мы можемъ взять

Помпею, какъ образецъ римскаго города не особенно большаго калибра. Въ главномъ помпейскомъ форумѣ мы находимъ храмъ Юпитера (на одномъ концѣ форума). Фронтономъ къ нему стоитъ другое зданіе, повидимому бывшее городскимъ казначействомъ; здѣсь же находятся нѣсколько зданій для совѣщаній магистратовъ (чиновниковъ). На другой сторонѣ форума построено было то, что у римлянъ называлось *базиликою* (basilica). Это была зала суда, — великолѣнное зданіе, поддерживаемое 28-ю огромными колоннами и имѣвшее на концѣ, противоположномъ входной двери, возвышеніе трибунала, съ котораго магистратъ выслушивалъ на судѣ жалобы. Вблизи этой базилики находился величественный храмъ Венеры, божества, покровительствовавшаго городу. Храмъ стройно возвышается съ возвышеннаго основанія и окруженъ 48-ю колоннами, ярко-расписанными. Далѣе идетъ колоннада (porticus), украшенная живописью и служившая мѣстомъ сходки для отдыха и болтовни. Переднею стороною колоннада обращена къ востоку; такимъ образомъ въ послѣпопуденное время здѣсь была прохлада. Ясно, что здѣсь было мѣсто развлеченія народа, желавшаго побродить, покалякать въ лѣнивомъ бездѣйствіи, позѣвать на хлопотливую жизнь на форумѣ. Отдѣльно въ сторонѣ отъ этой колоннады возвышается зданіе съ низкими сводами. Это темницы для помѣщенія городскихъ преступниковъ. На другой сторонѣ форума, влѣво отъ храма Юпитера, находится другой храмъ большихъ размѣровъ, какъ предполагають, посвященный Августу. Далѣе слѣдуетъ домъ, муниципальныхъ гражданскихъ совѣщаній и вблизи его другой храмъ, посвященный Меркурію, или, можетъ быть, Квирину. Остальное пространство съ этой стороны было почти сплошь наполнено великолѣнными зданіями, со-

ставлявшими даръ Эвмахіи, жрицы Цереры, городу Помпеѣ. Цѣль этихъ зданій представляется не вполне ясною; но, кажется, здѣсь существовало нѣчто въ родѣ биржи, назначавшейся въ частности для сукноваловъ: съ этою же цѣлью здѣсь стоитъ статуя жрицы-покровительницы. Вокругъ же цѣлаго форума располагается высокій двухъ-этажный рядъ колоннъ, и лишь лицевая часть храма прерываетъ этотъ рядъ, и всѣ колонны выдѣланы изъ бѣлаго коринтоскаго мрамора. Не нужно особыхъ усилій для представленія той ослѣнительной и великолѣпной картины, какая представлялась здѣсь взору наблюдателя, особенно рано утромъ, когда форумъ кипѣлъ хлопотливою толпою, и когда тѣни еще не были прогнаны ослѣнительными лучами полуденнаго солнца.

4. Городъ Римъ.—Городъ Римъ въ первое время ничѣмъ не отличался отъ массы другихъ латинскихъ городовъ, хотя, сравнительно съ ними, и отличался большею обширностью. Если входить въ подробности, то можно бы прибавить, что улицы въ Римѣ были еще болѣе узки, тѣсны, неправильны, чѣмъ въ другихъ городахъ. Если принять за достовѣрное общепринятое преданіе, то, послѣ нашествія галловъ, сожегшихъ и разрушившихъ Римъ, населеніе выстроило свои дома кое-какъ, торопясь, такъ что уже не было никакого либо порядка и правильности. Изъ семи холмовъ, на которыхъ былъ выстроенъ городъ, одинъ представлялся наиболѣе крутымъ и стоялъ совершенно особо отъ остальныхъ. Это былъ холмъ *Капитолинскій*, который постоянно сохранялъ свое древнее назначеніе. На одномъ изъ гребней этого холма возвышался величественный храмъ, посвященный *Юпитеру*, *Юнонь* (Геръ) и *Минервѣ* (Палладѣ); на другомъ гребнѣ стоялъ самый замокъ (*Аrx*) капитолія, или цитадель. Холмъ *Палатинскій*, служив-

шій самымъ раннимъ пунктомъ осѣдлости латиновъ, впоследствии сдѣлался любимымъ мѣстомъ для построекъ большихъ городскихъ домовъ, принадлежавшихъ римской знати. Но остатки этого (Палатинскаго) холма и лежащая между нимъ и Целійскимъ холмомъ долина были тѣсно застроены жилищами бѣдныхъ гражданъ. Когда земля сдѣлалась дорогою и населеніе города возросло, дома римскіе стали высоко надстроиваться; этажъ прибавлялся къ этажу. Въ Римѣ, подобно тому какъ и въ древнемъ городѣ Шотландіи Эдинбургѣ, многіе дома были построены на склонахъ холмовъ, такъ что въ то время, какъ фронтонъ какого-либо дома восходилъ до высоты, равняющейся громадной башнѣ, задняя часть дома упирающаяся въ возвышающуюся часть горы, состояла изъ какихъ-нибудь трехъ или четырехъ этажей. Верхніе этажи римскихъ домовъ были большею частью деревянные (какъ это было впоследствии и во многихъ городахъ Европы), напримѣръ хоть бы въ той же Шотландіи, и часто эти верхніе этажи были весьма рыхлы и непрочны. Часто они возвышались другъ надъ другомъ и своими неправильными формами, такъ сказать, висѣли надъ улицами, подобно домамъ въ старинныхъ англійскихъ городахъ. Но это обстоятельство обусловливало собою благодѣтельную прохладу на улицахъ. Правда, въ то же время улицы отъ этого были весьма тѣсны и темны. Комнаты самаго верхняго этажа римскаго дома обыкновенно отдавались въ наймы для постороннихъ жильцовъ (*сенаacula*); но наемъ жилья въ самой верхней части дома (на чердакѣ) былъ столь же мало желателенъ въ Римѣ, какъ и въ наше время. Но мы изъ дошедшихъ до насъ римскихъ литературныхъ памятниковъ знаемъ объ одномъ бѣдномъ поэтѣ, жившемъ въ верхнемъ этажѣ дома, на который вели 200 ступенекъ

лѣстницы, и поэтъ при этомъ не жалуется ни на какое неудобство.

Опасность отъ пожаровъ была постоянно велика для жителей древняго Рима; но не малый рискъ представлялся пройти по римской улицѣ и оттого, что въ окна

Планъ древняго Рима.

постоянно и безчечно выбрасывались черепки разбитой глиняной посуды и всякій соръ и дрань, неизбѣжные въ домашнемъ хозяйствѣ. Только три обширныя площади прерывали въ Римѣ массу тѣснившихся домовъ. Въ са-

момъ центрѣ города, между Палатинскимъ холмомъ и Капитоліемъ, расположена была площадь для совѣщательныхъ собраній гражданъ. Это былъ центръ городской жизни — *Forum Romanum*. Здѣсь находилось святилище Весты съ алтаремъ, на которомъ особо посвященными для этого дѣвицами, весталками, постоянно поддерживался священный огонь. Къ святилищу Весты примыкало жилище главнаго первосвященника; здѣсь же находилась знаменитая *Regia*, или дворецъ, въ которомъ жилъ Юлій Цезарь. Вокругъ форума, во времена Цезаря, были расположены двѣ обширныя *базилики*. Эти послѣднія представляютъ для насъ громадный интересъ, потому что служили моделями для нашихъ христіанскихъ церквей, и для цѣлей христіанскаго богослуженія; эти базилики долгое время употреблялись при императорахъ, сдѣлавшихся христіанами. Храмы же языческихъ боговъ, какъ мы увидимъ ниже, не употреблялись для христіанскихъ собраній, потому что были осквернены идольскимъ богослуженіемъ. Базилика же у язычниковъ-римлянъ имѣла судебное назначеніе и могла вмѣщать въ себѣ множество народа. Она обыкновенно имѣла центральную часть, или корабль (*Navis, ναῦς*), и рядомъ колоннъ образовала еще два боковыя отдѣленія, или крыла, на верху которыхъ были обыкновенно надстроиваемы галерея, или хоры, для публики. На одномъ или на обоихъ концахъ базилики помѣщалось полукруглое или аркообразное вверху углубленіе, называемое *апсидою* (*apsida*), въ которой помѣщался трибуналъ, или возвышеніе для судьи, разбиравшаго дѣла. Но огромная часть пространства такого обширнаго и великолѣннаго зданія обыкновенно служила мѣстомъ прогулки и болтовни для разнаго рода зѣвакъ, или мѣстомъ сходокъ праздныхъ людей. Если мы перенесемъ

въ исторію Англій, то найдемъ, что подобнымъ мѣстомъ сборища праздныхъ ротозѣевъ была древняя церковь св. Павла въ царствованіе Генриха VIII и Елисаветы. По обѣимъ сторонамъ этихъ зданій въ форумѣ, находилось съ одной стороны зданіе Сената, съ другой— знаменитый храмъ *Кастора* и *Поллука*. На концѣ форума, находившемся уже близъ Капитолія, находились древніе храмы, посвященные *Сатурну* и *Конкордіи*, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ отдѣльными публичными зданіями. Самый форумъ былъ наполненъ арками, колоннами и статуями. У лицевой стороны зданія сената находилась знаменитая *ростра* (*Rostra*), или возвышеніе, украшенное носами взятыхъ въ плѣнъ военныхъ кораблей. На этомъ возвышеніи римскіе ораторы говорили рѣчи къ народному собранію.

Мы сейчасъ описали *первое* пустое пространство въ тѣсно-застроенномъ Римѣ, другое пустое широкое пространство находилось между *Палатинскимъ* и *Авентинскимъ* холмами (см. планъ Рима). На него открывался, особенно вечеромъ, прекрасный видъ съ Капитолія. Пространство это называлось *Circus Maximus* (Большой циркъ). Это мѣсто съ самыхъ раннихъ дней Рима назначалось для публичныхъ игръ и состязаній, къ которымъ римляне всегда имѣли страстную охоту (см. ниже).

Третье пустое и открытое мѣсто въ Римѣ лежало на сѣверозападъ отъ Капитолія и простиралась вплоть до рѣки Тибра, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ большой изгибъ (см. планъ Рима), включая въ себя и этотъ изгибъ. Это былъ знаменитый *Campus Martius* (Марсово поле). Поле это лежало уже внѣ стѣнъ древняго города, хотя каждый путешественникъ, посѣщавшій Вѣчный городъ въ наше время, знаетъ, что эта часть Рима принадле-

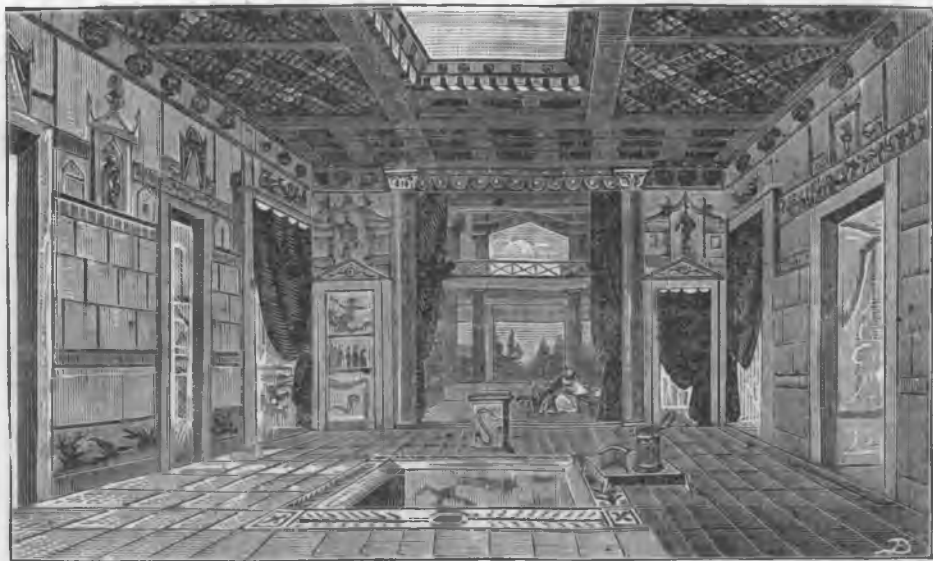
жить къ наиболѣе населеннымъ. О происхожденіи этого поля древняя легенда рассказываетъ, что здѣсь нѣкогда были поля Тарквинія Гордаго, засѣянные хлѣбомъ, а когда Тарквиній былъ изгнанъ, то жатва была снята народомъ, и сжатый хлѣбъ, какъ проклятый, былъ брошенъ въ Тибръ, а самое пространство сжатого поля посвящено богу Марсу и назначено мѣстомъ воинскихъ упражненій и гражданскихъ игръ. Въ періодъ Республики здѣсь не было ни одного зданія, исключая одного или двухъ храмовъ, и серьезное значеніе эта мѣстность получала лишь тогда, когда народъ римскій сходился здѣсь по *центуриямъ*, т. е. въ военномъ порядкѣ (*Comitia Centuriata*) для выбора магистратовъ, для обсужденія законовъ и для рѣшенія войны или мира. Но уже въ періодъ Императоровъ здѣсь было построено нѣсколько весьма изящныхъ и великолѣпныхъ зданій. Въ позднѣйшее же время, въ періодъ христіанскій, когда папы избрали себѣ мѣстопробываніемъ *Ватиканскій холмъ*, населеніе Рима направилось именно въ эту сторону, и тѣсная масса домовъ покрыла мѣстность, служившую прежде лишь для развлеченій и увеселеній римскихъ гражданъ.

Принявъ во вниманіе лишь сейчасъ описанныя исключенія, мы можемъ предугадать, что Римъ, напримѣръ, во время Цезаря, представлялъ запутанную сѣть узкихъ и кривыхъ улицъ. Только двѣ дороги (*viae*) вели черезъ Римъ, для проѣзда тяжелыхъ повозокъ. Въ другихъ же улицахъ носилки, на которыхъ рабы носили богачей, съ трудомъ могли пробраться сквозь густую толпу зѣвакъ и шатуновъ, вѣчно наполнявшихъ улицы Рима. Отъ ранняго утра до ночи эти ротозѣи сновали и болтали подъ открытымъ небомъ, укрываясь отъ зноя въ тѣни выступовъ высокихъ башнеобразныхъ домовъ.

Подобное этому явленіе и до нашихъ дней существуетъ въ южныхъ городахъ Европы. Лавки для торговли въ Римѣ были бѣдны и дурно устроены и улицы кипѣли разнаго рода разнощиками и торгашами. Поэтъ Марціалъ довольно подробно рассказываетъ намъ о торгашахъ, которые, въ его время, приходили черезъ Тибръ изъ низменныхъ и грязныхъ предмѣстій въ центръ города вымѣнивать сѣрные спички на битое стекло и глиняную посуду, продавать вареный горохъ толпѣ уличныхъ шагуновъ, — что, конечно, было не безвыгодно, — далѣе эти же торгаша разносили изъ дымныхъ поваренъ горячую требуху, попутателей которой находилась, конечно, масса, или показывали разношерстной публикѣ ядовитыхъ змѣй, выдавая ихъ за заколдованныхъ. Эта вѣчная толкотня и суматоха были, конечно, вопіющихъ недостаткомъ городской римской жизни; но хуже всего былъ постоянный невыносимый шумъ десятковъ тысячъ голосовъ...

5. Убранство римскаго дома. Мы уже познакомились выше, въ общихъ чертахъ, съ стилемъ римскихъ построекъ и съ основнымъ планомъ городовъ. Взойдемъ теперь въ римскій домъ и постараемся обрисовать его внутренность. За образецъ и норму мы возьмемъ домъ римлянина, принадлежащаго къ среднему классу гражданъ, припоминая, что въ періодъ великолѣпныхъ римскихъ построекъ въ роскошныхъ помѣщеніяхъ чаще всего жили весьма ординарные и низкіе характеры, моты, которыхъ нельзя принимать за нормальныхъ римскихъ гражданъ. Первое, что поразило бы насъ, лишь только мы отворили бы створчатыя *двери* (*fores*) римскаго дома, — это весьма большой *контрастъ* между общою внѣшнею наружностью и внутренностью дома. Римлянинъ, еще, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ

грекъ, заботился о томъ, чтобы не быть видимымъ извнѣ, и потому-то внѣшность римскаго дома была крайне проста, плоска и лишена всякихъ украшеній. За то, слѣдовало бы ожидать, что внутренность домовъ была украшаема. Но мы не можемъ быть безопасными, при разсматриваніи фронтона помпейскаго дома, потому что у всѣхъ домовъ въ Помпеѣ верхній этажъ почти совершенно разрушенъ. Однакоже въ домѣ, недавно открытомъ на Палатинскомъ холмѣ и называемомъ «домомъ Ливіи», найдены фрески, изображающіе одну изъ римскихъ улицъ, напоминающую улицы восточныхъ городовъ нашего времени, съ сплошными бѣлыми стѣнами, однообразіе которыхъ прерывается маленькими форточками или окошками, расположенными по высокой линіи и ординарными входными дверями. Мы не имѣемъ причины предполагать, что внѣшнія стѣны дома бывали у римлянъ украшаемы даже самыми простыми декораціями. Но во внутренности дома (на сколько простираются наши наблюденія при раскопкахъ) было наоборотъ. Внутреннія стѣны самыхъ бѣдныхъ домовъ, большею частью, ярко раскрашены и снабжены фресковою живописью. Многіе изъ этихъ внутреннихъ фресокъ представляются намъ во всей своей оригинальности и красотѣ. Иногда эти фрески представляютъ не болѣе какъ декораціи въ родѣ нашихъ обоевъ; но гораздо чаще фресковая живопись стѣнъ полна глубокаго интереса, представляя намъ сцены изъ обыденной древне-римской жизни. Такъ, иногда мы видимъ на стѣнѣ изображеніе лавки или фабрики валяльщика; иногда встрѣчается сцена съ продавцемъ хлѣба на рынкѣ, при чемъ передъ торговцемъ обыкновенно разложенъ товаръ на маленькомъ столикѣ; иногда изображена сцена, разыгрывающаяся на дворѣ сельской фермы, или сцена на пирше-

Атріумъ одного изъ римскихъ домовъ (реставрированный).

ствѣ. Изъ всѣхъ этихъ изображеній мы можемъ получить довольно отчетливое понятіе о томъ, какъ жили древніе римляне въ своей обыденной жизни; иногда, при помощи изображеній, мы можемъ дополнить тѣ детали, которыя мы уже знаемъ изъ памятниковъ римской литературы, напримѣръ хотя бы изъ Ювенала, Персія, или Марціала. Къ несчастію, однако, большая часть этихъ фресковыхъ стѣнныхъ изображеній заимствована изъ греческой мифологіи и имѣетъ значеніе скорѣе для исторіи искусства, чѣмъ для освѣщенія быта древнеримскаго народа. Переходимъ теперь къ другимъ деталямъ—устройства комнатъ дома. Полъ въ комнатахъ бѣдныхъ домовъ обыкновенно былъ глиняный, сдѣланный изъ мятой глыны, смѣшанной съ черепками; но во всѣхъ лучше устроенныхъ жильяхъ, принадлежащимъ уже людямъ состоятельнымъ или средняго состоянія, полъ выстился изъ мраморныхъ плитъ; у богатыхъ же гражданъ часто встрѣчаются полы мозаичные. Мозаика эта составлялась изъ кусочковъ мрамора, цвѣтныхъ камней или стекла, и эти разноцвѣтные куски такъ изящно и симметрично прилажены другъ къ другу, образуютъ обыкновенно такія геометрически правильныя пластинки, что возбуждаетъ собою общее удивленіе. Мозаики эти настилялись на слой извести. Иногда мозаика образуетъ весьма тонко выработанный рисунокъ, отличающійся притомъ свѣжими и яркими красками. Образчикъ подобнаго въ высшей степени изящнаго рисунка и свѣжихъ красокъ найденъ въ Помпеѣ. Рисунокъ изображаетъ битву Александра Великаго съ царемъ Даріемъ при Иссъ. Мозаичная картина эта имѣетъ 16 футовъ длины и 8 фут. ширины. Не смотря, однако, на такой значительный размѣръ, всѣ детали картины выполнены съ такимъ по истинѣ изумительнымъ совершенствомъ и

отчетливостью даже оттѣнковъ, что зритель останавливается въ нѣмомъ изумленіи. Чтобы нашъ читатель получилъ понятіе о тонкости этой работы, достаточно ему сказать, что въ разсматриваемой картинѣ на каждый квадратный дюймъ приходится 150 отдѣльныхъ мозаичныхъ кусочковъ!.. По энергіи рисунка, свѣжести красокъ, силѣ и искусству въ расположеніи группъ—это мозаическое произведеніе представляетъ одно изъ удивительныхъ и геніальнѣйшихъ твореній, доставшихся намъ отъ древности. Правда, отличныя мозаики рѣдки и въ помпейскихъ домахъ; но въ каждомъ домѣ можно непременно найти какое-либо мозаичное произведеніе, отличающееся большимъ или меньшимъ достоинствомъ. Чаще всего можно найти, при входѣ въ самый домъ, выдѣланное мозаикою привѣтствіе гостю, или вообще приходящему въ домъ: *Salve!* (Здравствуй!). Иногда встрѣчается шуточное (тоже выдѣланное мозаикою) обращеніе къ прихожему: «*Cave Canem!*» (Берегись собаки). Эта надпись обыкновенно стоитъ подъ мозаическимъ рисункомъ, изображающимъ привязанную на цѣпи домовую собаку. Животное изображено искусно, во всей готовности встрѣтить, какъ слѣдуетъ, незваного гостя...

При входѣ въ атриумъ римскаго дома, мало какое убранство можно было встрѣтить. Въ силу требованій древняго обычая, въ атриумѣ обыкновенно находился алтарь домашнихъ боговъ, *ларовъ*, или *пенатовъ* (*Lares penates*) (см. ниже). Эти лары смотрѣлись въ зеркальную поверхность воды имплювіума; но лары здѣсь находились только для формы, потому что алтарь для домашнихъ жертвоприношеній, совершаемыхъ главою семейства, обыкновенно находился въ другомъ мѣстѣ внутри зданія. У стѣнъ атриума, вокругъ, ставились сти-

туи боговъ или героевъ, или же предковъ семейства, жившаго въ домѣ (*imagines majorum*), а въ сдѣланныя въ стѣнахъ поставы, шкафы или ниши (*armaria*) выглядывали угрюмо-сморщенные раскрашенные сдѣланныя изъ воска маски (*imagines*). Эти маски воспроизводили черты тѣхъ членовъ семейства, которые въ свое время носили высшя должность (такъ называемыя *куртулы*). По сторонамъ атриума находился рядъ маленькихъ комнатъ, называвшихся *ulae* (флигели). Эти комнатки употреблялись не для помѣщенія домашнихъ запасовъ, а просто для отдыха, и потому онѣ были очень малы. Самая задняя часть атриума (которую сзади эта часть дома и оканчивалась) называлась *tablinum* (т. е. въ буквальный переводъ «досчатая перегородка», отъ *tabula* доска). Въ этомъ *tablinum* обыкновенно стояла постель самого главы семейства. Если затѣмъ мы обратимся къ убранству описываемой комнаты, то глаза наши, прежде всего, останавливаются на занавѣси, привѣшенной у дверей и закрывавшей входъ, и занавѣсяхъ, отдѣлявшихъ комнатки, окружающія атриумъ, которыя мы описали выше. Далѣе, какъ читатель видитъ на планѣ, въ сторонѣ отъ таблиніума находился *triclinium*, или столовая. Но эта пристройка дѣлалась уже въ позднѣйшій періодъ римской жизни. Въ древній же періодъ (какъ мы видѣли это и выше) римское семейство обыкновенно обѣдало на открытомъ мѣстѣ дома, публично, *in propatulo*, какъ выражались римляне, и именно въ атриумѣ. Читатель видитъ на прилагаемомъ планѣ, что вертикально въ *cavum aedium* упирается съ улицы (или съ *панели*, по нашему понятію, *platea*) широкій проходъ (*vestibulum*)¹⁾, что значить соб-

¹⁾ Въ свою очередь, это слово происходитъ отъ словъ *stabulum* пристанище, мѣстопребываніе, а *vestibulum*—

ственно «хозяйственный дворъ, соотвѣтствующій нашей прихожей. Здѣсь пришедшіе въ домъ хозяина гости снимали свои тоги. И вошедшему чрезъ vestibulum въ atrium сейчасъ же представлялась картина обѣдающаго семейства, если онъ пришелъ во время обѣда. Домохозяинъ и его жена и дѣти сидѣли за столомъ, на скамьяхъ, отдѣльно отъ рабовъ и вообще домашней челяди, въ которую включались и лица почему либо зависимыя. Рабы же и челядь сидѣли на скамьяхъ, вблизи хозяйскаго стола и ѣли, что имъ дозволялось и предлагалось. Въ позднѣйшей же періодъ у римлянъ вошло въ обычай *возлежать за столомъ* (accumbere) на мягкихъ кушеткахъ, по примѣру грековъ (каковой обычай римляне и заимствовали у послѣднихъ). Даже строже, чѣмъ у грековъ (ср. «*Древн.-греч. жизнь*» *Магаффи*) у римлянъ женщинамъ не позволялось *возлежать* вмѣстѣ съ мужчинами, исключая рѣдкихъ случаевъ, не одобрявшихся моралью, напримѣръ, безшабашныхъ оргій въ позднѣйшую эпоху (при Императорахъ). Въ эту же позднѣйшую эпоху обѣды, особенно-званные, справлялись въ разныхъ комнатахъ, и самыя комнаты весьма рѣдко отличались просторомъ и широтою помѣщенія, и это потому, что у римлянъ не было въ обычаѣ давать большіе обѣды. Въ богатыхъ домахъ бывали нерѣдко отдѣльныя столовыя комнаты для разныхъ временъ года. Столъ, за которымъ помѣщались обѣдающіе, обыкновенно имѣлъ четверугольную квадратную форму. Съ трехъ сторонъ этотъ столъ окруженъ былъ сидѣньями, или кушетками (lecti). По гречески же эти кушетки назывались (κλιναι) (множ. число отъ κλινη); поэтому-то у

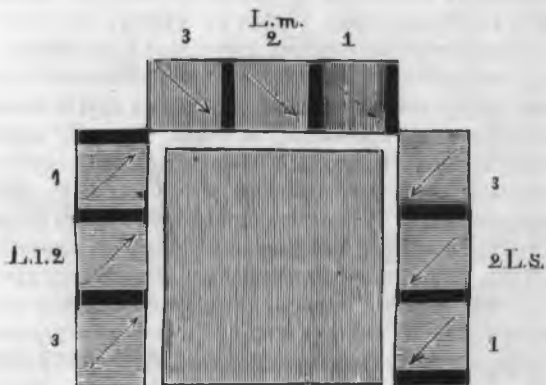
vestis и *stabulum* мѣсто для одежды. Но впоследствии *stabulum* обратилось въ ругательное слово.

Прим. перев.

римлянъ и произошло смѣшанное греко-латинское названіе комнаты, въ которой помѣщался такой столъ съ кушетками, *triclinium*. Каждый *lectus*, или *κλινή*, (кушетка) былъ приноврвленъ для помѣщенія *трѣхъ* гостей, слѣдовательно за столомъ могло уѣсться лишь 9) человекъ гостей, что было весьма симметрично, и римлянами эта пропорція прилежно соблюдалась. *Варронъ* приводитъ даже поговорку, выражавшую обычай римлянъ, что «число гостей за столомъ не должно быть меньше *трѣхъ грацій* и больше *девяти музъ*, слѣдовательно въ первомъ случаѣ на каждый *lectus* садился *одинъ* гость. Кушетки были чаще деревянныя, украшенныя тканями узорами. Сколько можно судить изъ сохранившихся остатковъ римскихъ древностей, кушетки были низки и снабжены весьма изящными ножками. Въ богатыхъ домахъ дерево кушетокъ и другихъ издѣлій было обдѣлано слоновою костью и драгоценными металлами. Иногда кушетки дѣлались и изъ бронзы и дѣлались чрезвычайно изящно. Эти *lecti* снабжены были *подушками (tori)*, набитыми шерстью или перьями (чѣмъ и оправдывается нашъ переводъ латинскаго *lectus* словомъ кушетка). Кромѣ того, у cadaго мѣста, или сидѣнья, лежала еще подушка (*pulvinus*), на которую облакачивался гость во время обѣда. Подушки эти были снабжены покрывалами (*vestes stragulae*), окрашенными тирскою пурпуровою краскою, если домохозяинъ былъ въ состояніи тратить на подобную роскошь, такъ какъ пурпуровая краска была очень дорога.

Но мы должны остановиться здѣсь на болѣе подробномъ описаніи триkliniума, потому что римскіе обѣды и пиршества играютъ важную роль въ произведеніяхъ римскихъ сатириковъ, напимѣръ Горация и Ювенала.

Да кромѣ того, вообще при описаніи триклиніума, прежде встрѣчалось много недоразумѣній, въ настоящее время побѣжденныхъ трудами изслѣдователей.

Римскій триклиніумъ.

Читатель уже знаетъ, что съ одной стороны стола кушетки (*κλίνη*) у римлянъ не было. Теперь: если мы подойдемъ къ триклиніуму съ его открытой стороны, то на лѣвой рукѣ у насъ будетъ *lectus imus*, т. е. самая низкая кушетка (см. рисунокъ), направо *lectus summus* (самая высокая кушетка, а какъ разъ напротивъ насъ будетъ средняя кушетка (*lectus medius*). Эта послѣдняя считалась самою высшею и почетною и назначалась для избранныхъ и сановитыхъ гостей. Теперь, если читатель, смотря на рисунокъ, будетъ считать справа на лѣво, то замѣтитъ, что съ *первымъ* мѣстомъ одной кушетки соприкасается *третье* мѣсто слѣдующей. Домохозяинъ за столомъ занималъ обыкновенно мѣсто на

lectus imus (низшей кушеткѣ) и занималъ именно то мѣсто, которое примыкало къ lectus medius. Отсюда онъ давалъ необходимыя распоряженія рабамъ, прислуживавшимъ при обѣдѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это *хозяйское* мѣсто находилось рядомъ съ мѣстомъ № 3 (см. рисунокъ) lectus medius. Это мѣсто № 3 у римлянъ было изъ почетнѣйшихъ и называлось *locus consularis*, потому что на немъ возлежали консулы и другіе высшіе магистраты, приглашенные на обѣдъ. Горацийъ описываетъ обѣдъ у Назидіена и упоминаетъ, какъ объ отступленіи отъ общаго правила, что домохозяинъ передалъ свое мѣсто № 1 lectus imus другому, желая почтить этого другого возлежаніемъ рядомъ съ почетнымъ гостемъ, Мecenатомъ, возлежавшимъ, конечно, на мѣстѣ № 3 lectus medius. Подобно тому какъ и въ Греціи, женщины и дѣтвѣ въ Римѣ не возлежали, а *сидѣли* за столомъ. Привозлежаніи, мужчины опирались на подушку лѣвою рукою, правую же брали кушанье, или сосуды съ виномъ. Въ позднѣйшее время римской жизни вошли въ моду *круглые* столы, т. е. три lecti, или кушетки, сливались въ одну, образовавшую полукругъ, въ формѣ буквы С или G. Часто эти столы дѣлались изъ досокъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ деревьевъ, и ножки ихъ были весьма изящно выточены, или же горизонтальная доска стола утверждалась на одной твердой колоннообразной подставкѣ. Извѣстный ораторъ Цицеронъ никогда не былъ слишкомъ богатымъ человѣкомъ, но и онъ, покупая подобный столъ, заплатилъ за него 5,000 сест. Римскіе историки говорятъ о еще болѣе высокихъ цѣнахъ столовъ. По сторонамъ описаннаго триkliniума, или обѣденнаго стола, у стѣнъ комнаты, ставилось нѣсколько треножниковъ; назначеніе ихъ было то, что на нихъ ставились блюда съ кушаньемъ. Иногда же на нихъ

Римскія канделябры и аппараты для отопленія.

ставили лишь вазы для украшенія комнаты. Изъ этихъ вазъ и треножниковъ прекрасные образчики найдены при расконкахъ Помпеи. Но что насъ особенно способно поразить и удивить въ древнихъ римлянахъ — такъ это удивительное разнообразіе и изящество формъ лампъ и подставокъ, на которыхъ онѣ утверждались. Большая часть найденныхъ въ Помпеѣ лампъ выдѣлана изъ бронзы, хотя первоначальнымъ матеріаломъ для этихъ издѣлій была глина, а затѣмъ коринѣская мѣдь. Рисунки лампъ, ихъ модели, были весьма разнообразны и заимствованы были и изъ мифологіи, и изъ дѣйствительной жизни. Формы лампъ изображали гриффовъ или головы разныхъ животныхъ и птицъ, напримѣръ, львовъ, орловъ и т. д. Крышка лампы украшалась фигурами во всевозможныхъ положеніяхъ: въ стоячемъ, полунаклонномъ, сидячемъ, лежачемъ. Найдено значительное число лампъ, имѣющихъ форму человѣческой головы, при чемъ свѣтильна проходитъ черезъ ротъ. Ставились лампы на особые столики или треножники. Но были лампы, утверждавшіяся на высокихъ и твердыхъ постаментахъ (см. рисун.). Были канделябры отъ 6-ти и болѣе фут. вышины, выдѣланные изъ бронзы и мрамора. Канделябры снабжены весьма богатою орнаментациею и отличаются рѣдкою техникой. Стержень канделябры образуетъ болѣею частью весьма стройную колонну съ канеллюрами и утвержденную на ножкахъ, изображающихъ ноги или лапы животнаго. Кромѣ стоячихъ лампъ, встрѣчается множество лампъ и канделябръ висячихъ. Къ этой же категоріи древне-римской домашней утвари нужно присоединить переносные каминны и жаровни, служившіе для согрѣванія жилыхъ комнатъ зимою. Они замѣняли собою наши переносныя печи. Теперь, что касается *зеркаль*, то, правда, они составляли нерѣдкую принад-

лежность богатой римской дамы; но зеркала обыкновенно не вѣшались на стѣнахъ, а были преимущественно ручныя, или утверждались на подставкѣ; и затѣмъ, зеркала дѣлались не изъ стекла, а изъ композиціи *мѣди* и *олова*. Изъ этой композиціи готовились пластинки и тщательно шлифовывались; въ позднѣйшее время зеркала выдѣлывались изъ серебра. Лучшія зеркала готовились въ Врундузіумѣ. Большая часть зеркалъ имѣла круглую или овальную форму; встрѣчаются и четверугольной формы. Выдѣлывались зеркала въ богато и изящно выдѣланныя металлическія рамки, часто украшенныя драгоценными камнями. Въ періодъ Римской Имперіи зеркала начали составлять предметъ громадной роскоши. Философъ Сенека, этотъ обличитель женскихъ пороковъ своего времени, жалуется, что въ его время даже «дочь какого-нибудь вольноотпущенника кокетничаетъ съ зеркаломъ, а стоимость этого зеркала такова, что равняется стоимости приданого дочери великаго Сципіона, которое (приданое) исчислялось на мѣдныя деньги! Многія женщины владѣютъ зеркалами въ размѣръ человѣческаго роста, выдѣланныя въ золотыя и серебряныя рамы и украшенныя драгоценными камнями, и тяжесть этихъ зеркалъ вся падаетъ на мужей расточительныхъ женщинъ». Извѣстный нѣженка, императоръ Отонъ, имѣлъ съ собою зеркало даже въ походахъ. Лишь недавно найденная, весьма массивная лампа вся состоитъ изъ золота. Всѣ образчики этихъ лампъ показываютъ, до какой высокой степени изящества и технической изобрѣтательности доведена была у римлянъ эта отрасль производства. Мы съ трудомъ можемъ вѣрить, что практичность и пригодность римскихъ лампъ равнялась ихъ изяществу; а между тѣмъ для свѣтильни въ этихъ лампахъ употреблялись весьма

Римская мебель: двойня кресла (Bisellium) из бронзы, мраморный столъ, треножникъ изъ бронзы, лампа, ножная скамеечка.

слабо и непрочно скрученные нити, проходившія въ отверстіе резервуара, наполненнаго масломъ; стекла не употреблялись въ этихъ лампахъ для постоянной поддержки пламени и для защиты отъ дуновенія вѣтра.

Особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ надписи на домахъ и улицахъ древнихъ римлянъ, соотвѣтствующія вывѣскамъ и надписямъ въ нашихъ городахъ. Въ обиліи найдены такія надписи въ Помпеѣ, и мы въ полномъ правѣ заключить, что онѣ въ изобиліи существовали и въ Римѣ. Надписи эти не отличались особымъ изяществомъ и раздѣлялись на *два* категоріи: *lipinti* и *graffiti*. Первыя дѣлались кистью, обмакнутою въ чернила или масляную сажу; вторыя дѣлались заостреннымъ инструментомъ и выцарапывались на стѣнахъ домовъ. Весьма многочисленны надписи, относящіяся къ политическимъ и общественнымъ событіямъ въ государствѣ, или событіямъ въ городѣ, особенно же надписи, рекомендовавшія кандидатовъ на какія-либо общественныя должности. За приличіемъ и цѣлесообразностью надписей надзирали *эдилы*, соотвѣтствовавшіе нашимъ полиціймейстерамъ; но затѣмъ и самыя надписи всего чаще гласили о выборахъ эдиловъ, такъ какъ должность ихъ была общественною. Подобныя надписи чрезвычайно интересны, потому что ярко характеризуютъ общественную жизнь римлянъ. Напр., одна надпись гласитъ: «Всѣ золотыхъ дѣлъ ремесленники (мастера) стоятъ за выборъ въ эдилы Кускія Нансы». Другая: «Всѣ плотники и каретники стоятъ за эдильство Марцеллина». Третья: «Гельвіусъ избирается въ эдилы всѣми служителями Изиды». Но вотъ четвертая надпись, имѣющая юмористическій характеръ, но такой, какого въ наше время не потеряла бы ни одна благоустроенная полиція: «Всѣотчаянныя пьяницы, засиживающіеся до поздней но-

чи и засыпающіе въ тавернахъ (*dormientes universi*) обращаются къ эдиламъ, требуя у нихъ обезпеченія почной тишины». Затѣмъ на многихъ надписяхъ встрѣчается удостовѣреніе, что выбираемые въ общественныя должности кандидаты — честны, заслуженны, (*bene meriti*) и достойны уваженія. Подъ удостовѣреніями подписывалось много именъ и часто женскія имена почтенныхъ матронъ, напримѣръ: *Капразіи, Статіи, Цетро-нии*. Весьма часто встрѣчаются на надписяхъ и объявленія объ играхъ, особенно же о гладиаторскихъ бояхъ и о результатахъ этихъ состязаній. Напримѣръ:

«*A. Sueti Certi Aedilis familia gladiatoria pugnabit Pompeis Pr. K. Iunias. Venatio et vela erunt. Omnibus Nero (nis mun)eribus feliciter*». Т. е.: «Грушна гладиаторовъ Эдила А. Суэттія Церта сражалась въ Помпеѣ 31 мая; при этомъ раскинуть былъ шатеръ и была травля дикихъ звѣрей. Хвала всемъ дарамъ Нерона!»

Затѣмъ, въ Помпеѣ еще найдена обширная рубрика надписей, относящихся къ отдачѣ въ наймы различныхъ помѣщеній, напримѣръ, — бань, жилыхъ комнатъ и проч. Напримѣръ:

«*In praedis Iuliae Sp. F. Felices locantur balneum, venereum et nongentum tabernae, pergulae, cenacula* ¹⁾ *ex Idibus Aug. primis in Idus Aug. Sextas annos, continuos quinque S. Q. D. L. E. N. C.* — т. е.: «На земельномъ владѣніи Юліи Феликсы, дочери Спурія, отдаются въ наймы: баня, *венереумъ* и 900 (?) лавокъ, углы въ комнатахъ и комнаты въ верхнемъ этажѣ, съ 13-го августа 6-го года, на 5 лѣтъ». Что касается до большихъ буквъ

¹⁾ *Coenaculum* или *cenaculum* — это самое верхнее жилье въ домѣ, соответствующее нашему чердаку.

съ точками, то ихъ переводятъ весьма различно. Иѣкоторые думаютъ, что онѣ означаютъ: «*Si quis domilenocinium exerceat ne conducito*», (т. е.: «кто-занимается сводничествомъ, тотъ не допускается къ найму.»)¹⁾ Сохранилась еще слѣдующая надпись, касающаяся найма жилого помещенія: «*Hospitium. Nie locatur triclenium cum tribus lectis et comm.*» т. е.: «Гостинница. Здѣсь отдается въ наймы столовая съ тремя купетками (*lectus*) и со всѣми удобствами». Встрѣчаются и надписи, содержащія объявленія о пропаяхъ, съ обѣщаніемъ награды тому, кто доставитъ пропавшую вещь. Наприм.: «*Изъ лавки пропалъ желѣзный боченокъ. Кто возвратитъ его, получитъ 65 сестерцій; кто поймаетъ вмѣстѣ и вора, получитъ еще 11⁰ сестерцій добавочныхъ*»²⁾.

Далѣе: на надписяхъ весьма часто встрѣчаются пожеланія счастья и благополучія и привѣтствія, поздравленія съ новымъ годомъ и друг., въ родѣ: «*Ave!*», «*Felicitate!*», «*Salutem!*»³⁾, также поздравленія съ новымъ

¹⁾ Изъ этого можно заключить, что уровень морали въ древней Помпеѣ, и вообще у древнихъ римлянъ, былъ даже выше, чѣмъ въ наше время во всѣхъ европейскихъ столицахъ, гдѣ сводничество практикуемое женщинами представляется явленіемъ обыкновеннымъ. Но сводничество въ наше время прикрывается деликатными формами и названіями. Помпеяне по крайней-мѣрѣ говорили о подобной „профессіи“ открыто.

²⁾ *Сестерцій* былъ римская серебряная монета, = 2½ ассамъ = ¼ динарія. Это такъ называем. „малый“ римскій сестерцій, равнявшійся на наши деньги приблизительно 6-ти копейкамъ сер. Слѣдовательно за возвращеніе желѣзнаго боченка предлагалось около 4 рублей на наши деньги, а за поимку вора добавочныхъ 66 копѣекъ.

³⁾ Это абсолютная форма употребленія винит. надежа. (*accus. absolutus*) и соответствуетъ нашему: „добраго здоровья!“

Прим. перса.

годомъ. Но встрѣчаются нерѣдко ругательныя, а также насмѣшливыя и юмористическія надписи, — иногда ожесточенныя проклятія. Напримѣръ: «*Самій къ Корнелію. О, еслибы тебя, каналью, повѣсили или распяли!*». Вотъ что гласить, затѣмъ, одна юмористическая надпись: «Въ консульство Л. Нонія, Аспрены и А. Плотія, на 6-е іюля родился одинъ осель». Множество надписей встрѣчается въ шинкахъ, тавернахъ, или кабакахъ. Иныя надписи серьезнаго или символическаго содержанія, или же содержатъ выдержки изъ поэтовъ: Виргилія, Овидія и т. под.

Теперь возвращаемся къ описанію другихъ деталей древне-римскихъ жилыхъ помѣщеній. Въ креслахъ въ римскихъ жилыхъ комнатахъ не было недостатка, хотя они рѣдко употреблялись въ столовой. Объ этомъ обиліи креселъ мы можемъ заключать по рисункамъ (фрески) на стѣнахъ жилищъ Помпеи и по скульптурнымъ изображеніямъ (рельефамъ). Кресла дѣлались изъ металла и камня, и эти экземпляры дошли до насъ, тогда какъ деревянныя кресла, если они существовали, должны были сгорѣть во время катастрофы, или истлѣть подъ пеломъ. Простѣйшая форма сидѣнья въ этихъ креслахъ была безъ спинокъ, но при этомъ кресла имѣли четыре перпендикулярныя ножки. Это была форма креселъ наиболѣе употребительная въ первобытныя грубыя времена римской жизни. Позже стали дѣлать складныя кресла съ нерекрещивающимися ножками. Образцы такихъ креселъ какъ съ искривленными, такъ и съ нерекрещивающимися ножками (при чемъ спинка и сидѣнье креселъ обдѣланы слоновою костью) дошли до насъ въ знаменитыхъ курульскихъ креслахъ (*Sellae curules*), садиться на которыя имѣли право лишь высшіе магистраты или чиновники. Весьма изящныя и привле-

кательныя своею формою кресла, съ круглымъ и широкимъ сидѣньемъ, назывались у римлянъ греческимъ названіемъ «*каедрa*» (*καθέδρα*) и самое происхожденіе этой изящной мебели было греческое. Они назначались только для женскаго отдѣленія во всякомъ порядочномъ римскомъ домѣ. Но съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ роскоши, мебель эта уже ставилась и въ мужской и въ женской половинѣ. Наконецъ, въ Римѣ введена была особая форма каедры. На видномъ, почетномъ мѣстѣ комнаты стали ставить массивное величавое кресло (*solium*), ¹⁾ съ широкою спинкою и часто украшенное богатою рѣзьбою, снабженное двумя массивными ручками. Къ нему часто прикрѣплялось подножіе. У англичанъ, въ старину, существовалъ подобный же обычай дѣлать такія же кресла, подъ именемъ «Grandfather's chair». У римлянъ, согласно древнему почтенному обычаю, одно изъ такихъ кресель ставилось въ *atrium*'ѣ. На немъ-то именно садился глава семейства (*pater familias*), когда онъ принималъ утренніе визиты своихъ кліентовъ (см. ниже). Во времена Цицерона и Горация для письма и чтенія служилъ родъ софы, или дивана (*lectus lucubratorius*). На немъ можно было удобно наклоняться для чтенія и письма. Но этотъ *lectus lucubratorius*, повѣдимому, немногимъ отличался отъ обыкновенныхъ кушетокъ триклиніума. Что касается постелей въ древне-римскихъ спальняхъ, то часто эти постели прилаживались въ альковахъ, выдѣланныхъ въ стѣнѣ. Въ альковахъ этихъ помѣщались матрацы и подушки. Оставшіеся слѣпки съ номпейскихъ кроватей (деревянныхъ) показываютъ, что своею формою онѣ лишь немногимъ отличались отъ принятой теперь въ Европѣ

¹⁾ Отъ слова „*Solium*“ произошло наше названіе *солея*.

формы. Въ развалинахъ Помпеи пайдепы также складныя ширмы, которыя ставились вдоль кроватей, и назначеніе ширмъ было, очевидно, такое же, какъ и въ наше время. Надо, впрочемъ, здѣсь припомнить, что римская утварь и домашнія принадлежности, сохранившіяся до насъ подъ пепломъ Помпеи, все таки принадлежатъ уже къ тому времени, когда римляне познакомились съ греками и сдѣлали отъ послѣднихъ многоразличныя заимствованія. Многие римляне заимствовали отъ грековъ, съ ранняго времени заселившихъ побережья и южную часть Италіи. Такимъ образомъ мы знаемъ весьма мало или почти ничего о характеристическомъ убранствѣ римскаго дома въ ранній періодъ. Но, конечно, мы въ правѣ предполагать, что вся утварь и обыкновенныя житейскія принадлежности древне-римскаго періода отличались весьма большою грубостью и простотою. При раскопкахъ же въ Помпеѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи утвари и разныхъ предметовъ ремесель и искусствъ, насъ уже поражаетъ чисто-греческій вкусъ, греческій рисунокъ, греческая изящная законченная форма. Но все же таки это обстоятельство еще не даетъ намъ права думать, что дома Цезаря или Цицерона сдѣланы были безусловно въ греческомъ вкусѣ, со всѣми деталями греческаго мастерства, какія представляются намъ въ постройкахъ у Неаполитанскаго залива. Въмѣстѣ съ тѣмъ, мы съ достовѣрностью можемъ предположить, что, говоря вообще, утварь въ римскихъ жилищахъ была гораздо бѣднѣе нашей современной.

О римскихъ роскошныхъ виллахъ намъ нужно еще добавить нѣсколько словъ. Роскошь, и часто безумная, колоссальная роскошь загородныхъ виллъ явилась уже въ періодъ обогащенія Рима, когда въ Римъ начали стекаться богатства со всѣхъ концовъ міра. Достаточно

сравнить загородную виллу Циципіона Старшаго съ виллами, построенными въ послѣдующее время, — и разница представится просто поразительною. Загородный домъ Циципіона въ *Линтернѣ* весьма грубъ и простъ, построенъ изъ плохого камня, — обнесень некрасявою деревянною стѣною; снабженъ, по обыкновенію старинныхъ построекъ, башнею для отраженія непріятельскихъ нападений. Весь комфортъ сосредоточенъ на постройкѣ большого колодца и купальни, но и въ этомъ комфортѣ соединено такъ мало вкуса и такъ много небрежности и топорности, что позднѣйшіе римляне осматривали виллу Циципіона съ презрѣніемъ и, поморщась, отворачивались. На этотъ же характеръ первобытной простоты прежнихъ римскихъ построекъ намекаетъ намъ любопытное свидѣтельство Варрона. «Въ прежнее время, говоритъ Варронъ, были вполне довольны, если имѣли просторное стойло для лошадей, хорошую кухню и хорошій погребу для храненія вина и масла. На этомъ только и сосредоточивалась домашняя экономія, если вообще о ней заботились. Прежде близъ города жили не ради роскоши и нѣги, а ради участія въ ремеслахъ, необходимыхъ для домашняго обихода; прежде не нуждались въ греческихъ названіяхъ, чтобы наименовать ими разныя части виллы. Прежде единственными птицами, которыхъ держали домохозяева, были пѣтухи, да по крышамъ разгуливали домашніе голуби. Рѣдкихъ животныхъ никто не держалъ». Таковъ простодушный, нѣсколько брюзгливый отзывъ Варрона, напоминающій ворчливое порицаніе старцевъ во все время, — старцевъ, бывшихъ свидѣтелями простоты безъ излишества. Но уже въ послѣдній періодъ существованія республики въ Римѣ наступила рѣзкая перемена. Жаркій итальянскій климатъ

дѣлалъ весьма тяжелою жизнь въ городѣ Мѣтомъ; да притомъ—какъ дѣлается и въ наше время—въ виллы отчасти уѣзжали и для того, чтобы пожуировать и освободиться, хотя на время, отъ разныхъ муниципальных обязанностей и предаться удовольствіямъ безъ лишнихъ свидѣтелей. Мы знаемъ, напримѣръ, что Сулла, сложивъ съ себя диктатуру, удалился въ свой загородный домъ въ *Путеолахъ* и тамъ предался крайнимъ необузданнымъ чувственнымъ удовольствіямъ. Особенно выдавался необузданно-роскошною жизнью въ своей виллѣ Лициній Лукуллъ, извѣстный побѣдитель Митридата. Роскошныя, тѣнистыя благоухающія деревья осыпали огромное пространство его дачи и давали прохладную тѣнь. Въ садахъ созрѣвали самые рѣдкіе плоды и, между прочимъ, вишни (бывшія тогда рѣдкостью), привезенныя съ восточныхъ береговъ Чернаго моря. Въ звѣрищахъ содержались громадныя стада откормленной живности и дичи. Пруды кипѣли самыми рѣдкими породами рыбъ. Были приложены колоссальныя работы, чтобы соорудить плотины и прорыть каналы въ горахъ, и это для того, чтобы доставить изъ моря воду рѣдкимъ рыбамъ!.. Внутренность виллы была украшена картинами и статуями самыхъ знаменитыхъ мастеровъ; красовались пурпуровыя покрывала, драгоценная утварь почти безмѣрной цѣнности. Для домашняго театра было въ готовности постоянно 5,000 свѣжихъ и разнообразныхъ костюмовъ. Лукуллу, разумѣется, нашлось въ этомъ отношеніи множество подражателей. Старались пристраиваться къ морю; срывали цѣлыя горы, не щадя силъ, благо работа совершалась руками рабовъ. Вся римская интеллигенція старалась перещегоолять другъ друга въ роскоши виллъ. Исключеніе составлялъ только Гней Помпей. Тотъ былъ хотя и богатъ, но пре-

зираль роскошь; постройка его виллы была, правда, величава, но отличалась простотою и рассчитана была на прочность, а не на роскошь. Напротивъ, Цицеронъ, не смотря на свое сравнительно скромное состояніе, напрягалъ всѣ силы, чтобы не только не отстать отъ другихъ, а даже превзойдти. Онъ выстроилъ цѣлый рядъ виллъ и украсилъ ихъ богатыми художественными произведеніями. Особенно онъ постоянно украшалъ и расширять свой любимый *Tusculanum*, и часто совѣтовался съ извѣстнымъ знатокомъ литературы и искусствъ Помпоніемъ Аттикомъ на счетъ покушки статуй и другихъ художественныхъ произведеній. Кромѣ Тускуланума, у Цицерона были поземельныя владѣнія съ виллами въ слѣдующихъ мѣстахъ: при Аринумѣ, Антиумѣ, Астурѣ, Форміе, Кумахъ, Путеолахъ и Помпейи. Плиній Младшій даетъ подробное описаніе *двухъ* виллъ, которыми онъ владѣлъ. Одна изъ этихъ виллъ расположена была при Лаврентумѣ, и подробное описаніе ея, сообщаемое Плиніемъ, особенно важно для насъ, потому что мы изъ этого составляемъ понятіе и обо всѣхъ вообще римскихъ виллахъ. При этомъ для насъ важно то, что при виллѣ Плинія не было излишней роскоши, которая могла бы затемнить для насъ существенныя типическія части постройки. Впереди расположенъ простой атриумъ, потомъ галлерей съ колоннами, въ формѣ буквы D. Отъ вліянія неблагоприятной погоды она защищена оконными стеклами. Позади галлерей—столовая съ большими, величиною въ дверь, окнами. Видъ отсюда представляется съ трехъ сторонъ на море, съ другой — на покрытыя лѣсомъ горы. Въ пристройкѣ, пристроенной къ главному зданію подъ прямымъ угломъ, на солнечной сторонѣ расположены два помещенія; здѣсь же расположено мѣсто для гимнастическихъ со-

стязаній. Затѣмъ, обширная комната, устроенная, амби-театромъ назначена для домашней ручной библіотеки, помѣщающейся въ шкафахъ, вдѣланныхъ въ стѣны. Въ этомъ же отдѣленіи зданія (флигелѣ) помѣщаются спальни и комнаты для прислуги, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта же часть дома можетъ служить и гостинною. На другой соотвѣтствующей пристройкѣ (флигелѣ) къ главному зданію расположены также 4 комнаты, могуція замѣнить мѣсто столовыхъ. Затѣмъ—кухня, съ бассейномъ для плаванія. Отсюда купающемуся открывается прекрасный видъ на море. Затѣмъ двѣ высокія башнеобразныя пристройки также заняты жилыми помѣщеніями, и съ нихъ открывается восхищающій видъ на окружающія поля и на море. Къ дому примыкаетъ садъ, насаженный буками, розмариномъ; здѣсь расположены ингалеры для виноградника, для тутовыхъ и фиговыхъ деревьевъ; немного позади расположенъ садъ для овощей. Между садомъ и моремъ тянется крытая колоннада съ окнами на обѣихъ сторонахъ; колоннада окружена грядами фіалокъ, наполняющихъ воздухъ благоуханіемъ. Самъ Плиній выражается въ письмѣ, что онъ особенно дорожитъ жильемъ, надстроеннымъ надъ колоннадою. Здѣсь находится ниша, два высокіхъ стола ¹⁾ и лектусъ (диванъ). Отсюда открывается громад-ный горизонтъ, обширный видъ въ три стороны: на море, на виллу, на лѣса, увѣчивающіе горы. Къ этой жилой комнаткѣ — продолжаетъ Плиній — пристроена еще темная комнатка, маленькая спальня. Здѣсь же устроенъ *ипокавстумъ* ²⁾. Далѣе—маленькая ком-

¹⁾ По нашему — аналой, потому что читать на немъ можно было стоя.

²⁾ *Ипокавстумъ* (ἵποκαυστον, Varroagium) — помѣщеніе со сводами, отоплявшееся снизу, такъ какъ внизу

натка, превосходно приспособленная для занятій литературою. Въ саду находились источники и колодезь съ превосходною водою. Горючій матеріалъ и жизненные припасы можно было получить изъ гавани Остіи. Сосѣднее море изобиловало рѣдкими и дорогими рыбами. Окрестныя селенія и фермы изобиловали молокомъ. Таково описаніе одной изъ самыхъ скромныхъ римскихъ виллъ. Въ Помпеѣ вырыта одна вилла, которую нужно причислить къ обширнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ зданіямъ города ¹⁾. Это вилла *Диомеда*, упоминаемая римскимъ писателемъ-архитекторомъ Витрувіемъ, и имѣвшая три этажа. Съ улицы ведетъ входъ въ перистиль этойвиллы (для лучшаго пониманія читатель пусть взглянетъ на планъ римскаго дома, помѣщенный выше). Согласно съ описаніемъ Витрувія, перистиль этойвиллы настроенъ на мѣстѣ атриума. Въ перистилѣ помѣщенъ *impluvium*, окруженный 14-ю дорическими колоннами. Позади перистилия расположенъ *Tablinum* среди многихъ комнатъ. Черезъ этотъ *Tablinum* посѣтитель достигаетъ открытой свѣтлой галлерей. Направо идетъ входъ въ винный погребъ. Здѣсь при раскопкахъ нашли *двадцать* человѣческихъ скелетовъ. Здѣсь несчастные, вѣроятно, искали спасенія во время катастрофы. Кругомъ

устраивалась печь, или очагъ. Этотъ гипокавстумъ преимущественно пристраивался въ баняхъ или термахъ. Греческое названіе показываетъ, что это приспособленіе было извѣстно и грекамъ, особенно италійскимъ. *Прим. перев.*

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь кстати, что Помпея вовсе не была городомъ обширнымъ и особенно блестящимъ, а однимъ изъ скромныхъ, соответствующихъ какому-нибудь нашему русскому уѣздному городу средней руки. Но если уже въ Помпеѣ встрѣчаются великолѣпныя постройки, то, по пропорціи, можно судить о величіи построекъ въ обширнѣйшихъ римскихъ городахъ.

Прим. перев.

скелетовъ найдено множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній и серебряныхъ монетъ.

На ряду съ развитіемъ построекъ виллъ, у римлянъ развивалось и разведеніе великолѣпныхъ и роскошныхъ искусственныхъ садовъ, и это искусство, какъ и все у римлянъ, перестунило предѣлы, развилось до крайности. Основаніе роскоши въ заведеніи садовъ положилъ тотъ же Лукуллъ. Особый классъ рабовъ, называемыхъ *topiarii*, надзиралъ за садами. Для разведенія садовъ выбирали слегка наклонныя равнины, съ которыхъ могла бы удобно стекать вода. Садъ окружался или каменною стѣною, или живою изгородью боярышника, ежевики и проч. Если такой садъ принадлежалъ римскому магнату (оптимату), то онъ разбивался на отдѣльныя части и требовалъ особенно тщательныхъ заботъ со стороны рабовъ. Между рядами грядокъ тянулись ряды фруктовыхъ деревьевъ; между деревьями проложены были аллеи, по которымъ рабы на носилкахъ или въ паланкинахъ носили своихъ господъ. Но ишподрому, устраивавшемуся въ каждомъ порядочномъ саду, рабы возили господъ на колесницахъ. Надсмотрщиками надъ бассейнами и прудами были приставлены особые рабы, называемые *aquarii*. Въ отдаленныхъ частяхъ сада бродили и рѣзвились разныя животныя: лани, серны, зайцы, косули. Въ наше время типъ подобнаго сада можно найти у богатыхъ англійскихъ лордовъ, засѣдающихъ въ верхнемъ парламентѣ. Что касается коллекціи деревьевъ, росшихъ въ садахъ у римлянъ, то мы знаемъ, что до временъ Августа въ Италіи еще не было ни персеяковъ, ни абрикосовъ. Лимоновъ, столь характеристичныхъ теперь для Италіи, не было въ этой странѣ даже во времена Плинія Старшаго, въ I в. по Р. Хр. Большая часть растений (древесныхъ) культивировалась въ Ита-

ли в послѣдствіи, перейдя изъ странъ передней Азіи, изъ Сиріи, Киликіи, Арменіи и Понта. Изъ цвѣтовъ, уже въ довольно ранній періодъ, особымъ почетомъ пользовалась роза. Римляне такъ любили розу, что во всѣхъ пирахъ и попойкахъ (*Sportula*) увѣнчивали свои головы ея цвѣтами. Розами торговали въ Римѣ дѣвочки-разнощицы. Судя по многимъ даннымъ, можно заключить, что у римлянъ была масса разновидностей розъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, и для каждаго времени года были свои розы. Послѣ розъ почетное мѣсто занимало разведеніе фіалокъ (*Violaria*), и фіалокъ у римлянъ существовала громадная масса разновидностей. Затѣмъ, съ охотою римляне разводили въ садахъ слѣдующіе цвѣты: *крокусы*, *нарциссы*, *лиліи*, *макъ* и проч. Что касается овощей, то особенною любовью пользовались *огурцы* и *дыни*. Существовали и нарники для предохраненія овощей отъ морозовъ, равно какъ были теплицы для цвѣтовъ. Такъ, опытный римскій сельско-хозяинъ Колумелла совѣтуетъ огурцы и дыни накрывать въ холодные дни стеклами. Въ садахъ императора Тиберія были весьма правильно и искусно устроенныя теплицы. *Марціалъ*, жившій во времена императора Домиціана, часто говоритъ о розахъ и лиліяхъ, которыя слѣдуетъ въ холодное время защищать окончинами со стеклами. Изъ числа фруктовъ римляне особенно любили яблоки и груши. Любимыми садовыми деревьями, разводимыми для красоты, были *платаны*; чтобы они успѣшнѣе росли, ихъ обливали виномъ, что, однако, Плиніи считаетъ за безнолезную и утонченную роскошь. Далѣе, римляне любили кипарисы, которыхъ темная, меланхолическая зелень составляла превосходный контрастъ съ свѣтлою зеленою луговъ. Далѣе, уваженіемъ пользовались: лавровое дерево, мирта, плющъ, самшитъ, липія, тополь.

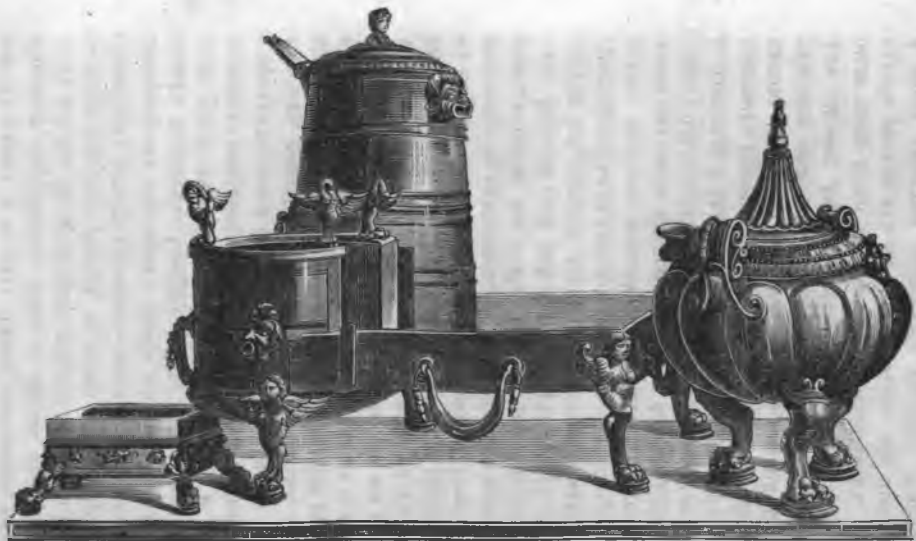
Римляне даже не довольствовались разведеніемъ деревьевъ въ естественной формѣ, но придавали имъ форму искусственную — или видъ пирамиды, или конуса, или корабля, или какого-либо животнаго, или даже, подстрогая дерево, старались, такъ сказать, выстричь изъ него абрисъ любимаго человѣка.

Г Л А В А III.

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ РИМЛЯНЪ.

1. **Городская и сельская жизнь.**—Мы уже познакомились съ характеромъ расположенія римскихъ жилищъ, мы указали также на нѣкоторые обычаи, стоящіе въ тѣсной и непосредственной связи съ характеромъ развитія римлянъ, съ ихъ духовной сущностью, съ временемъ, въ которое они жили. Теперь перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію домашней жизни римлянъ, ихъ обыденныхъ занятій и распредѣленію этихъ занятій. Начнемъ съ деревенской жизни. Фермеръ или сельскохозяинъ въ римскихъ селеніяхъ вставалъ, обыкновенно, съ восходомъ солнца. Первымъ дѣломъ его, «въ тихій часъ утра», принести утреннюю жертву богамъ и затѣмъ онъ припринимался за свой простой, незатѣйливый завтракъ (простой—особенно въ древнѣйшій періодъ римской жизни); потомъ римлянинъ выходилъ на работу въ поле; полевую работу онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока полуденный зной не заставлялъ его возвратиться домой къ отдыху и обѣду (съ чѣмъ можно сопоставить современную *siesta* итальянскаго поселянина). Затѣмъ, послѣ отдыха, римлянинъ снова выходилъ въ поле и работалъ до заката солнца, и тогда уже возвращался до-

мой къ ужину и ко сну. Такая заведенная машина и порядок нарушались лишь во время празднествъ въ честь боговъ. По временамъ римскій селянинъ навѣщаль сосѣдніе торговые города, во время особыхъ празднествъ (Nundinae), соответствующихъ нашимъ *ярмаркамъ*, или ярмарочнымъ торговымъ днямъ въ промышленныхъ городахъ и селахъ. Среднее число этихъ ярмарочныхъ дней было *четыре* въ каждый мѣсяць, и на этихъ рынкахъ римлянинъ продавалъ продукты своего труда и продукты своей фермы, а также покупалъ необходимое для домашняго хозяйства. Однако-же, городская жизнь, особенно въ послѣдніе дни Римской республики и уже въ первое время Имперіи, сдѣлалась болѣе разнообразною, если не болѣе дѣятельною. Но мы при этомъ должны помнить различіе, существовавшее въ Римѣ между высшимъ классомъ и клиентами или рабами, потому что въ Римѣ *средняго* (производительнаго) класса населенія не существовало. Римское населеніе, съ теченіемъ исторіи, все болѣе и болѣе раздѣлялось на два слоя. Верхній слой римскаго общества былъ составленъ частью изъ членовъ древнихъ римскихъ фамилій — патриціанскихъ или плебейскихъ — это было совершенно все равно; этотъ-то верхній слой общества въ теченіе столѣтій получилъ внѣшній лоскъ и благородную, гордую осанку, благодаря высокимъ постамъ, которые онъ постоянно занималъ и благодаря грабежу римскихъ провинцій, въ каковыхъ грабежахъ особенно отличалось сословіе всадниковъ (equites). Но, затѣмъ, въ высшій же классъ римскаго общества нерѣдко втирались и такъ называемые «*новые люди*» (novi homines). Эти novi homines были чаще всего изъ вольноотпущенниковъ. Разъ уже судьба ринула ихъ на путь свободы, они пронырствомъ и часто низостью добивались высшаго общественнаго

Бронзовый переносный очагъ, вмѣстѣ съ бронзовымъ же сосудомъ для приготовления горячей воды (Aqua Calda).

ранга, и это было, разумеется, несчастіемъ, съ точки зрѣнія государственной справедливости ¹⁾. За исключеніемъ же этого возвышенія выскочекъ, остальная масса народа была «чернью» въ полномъ смыслѣ этого слова и существовала лишь благодаря раздачамъ хлѣба на счетъ государства, или же на счетъ своихъ патроновъ, или же, наконецъ, требуя отъ государства «хлѣба и зрѣлицъ» въ циркѣ (*Panem et circenses*).

2. Утреннія привѣтствія и визиты.—Теперь попробуемъ взойти въ римскій богатый домъ, расположенный, примѣрно, на Палатинскомъ или Эсквилинскомъ холмахъ, — и посмотримъ, какъ проводитъ день хозяинъ этого богатаго дома. Вотъ, лишь только занялась заря, солнце еще не поднялось надъ горизонтомъ, да даже еще раньше, до иѣнія иѣтуха, *vestibulum* (или прихожая) хозяина уже наполняется толпою кліентовъ. Зачѣмъ они пришли?.. знаютъ ли, за чѣмъ?— Да просто-напросто за тѣмъ, чтобы сказать своему милостивцу и покровителю: «Здравствуй, сударь!» «Добраго

¹⁾ Вольноотпущенники, подлостью и пронырствомъ добивавшіеся высокаго ранга и вліянія на государственныя дѣла, были, дѣйствительно, (особенно въ періодъ Императоровъ) страшнымъ несчастіемъ для Рима. Достаточно упомянуть, на примѣръ, о Клеандрѣ, фригійцѣ, имѣвшемъ почти неограниченное вліяніе на императора Коммода. Всевозможными рабскими происками возвысившись изъ ничтожества, Клеандръ не только поощрялъ и одобрялъ звѣрства и безумія Коммода, но даже и самъ истощилъ всю свою изобрѣтательность въ этихъ звѣрствахъ. Глубоко-значительна для насъ, въ психологическомъ смыслѣ, та черта, которую приводитъ Цицеронъ въ своей великолѣпной рѣчи „*Pro Flacco*“: великій римскій ораторъ говоритъ здѣсь, что вольноотпущенники, особенно фригійцы, отличались всегда рабскою вкрадчивостью чувствъ, грязною низостью души, неспособностью къ возвышеннымъ безкорыстнымъ и гуманнымъ идеямъ и т. д. (Прим. перев.).

утра, сударь!» (Ave, Domine!) Всѣ эти кліенты одѣты въ національную *тогу* (см. описаніе ея ниже)—въ этотъ неудобный и тяжелый, хотя и драпировавшій тѣло широкими складками, балахонъ. Но такова сила обычая. Для всякой церемоніи, для всякаго визита, римлянинъ непременно долженъ былъ надѣвать тогу, подобно тому, какъ въ коллегіяхъ въ старинныхъ британскихъ университетахъ члены коллегій должны были надѣвать академическую шапочку и мантию. Спустя нѣсколько времени, къ собравшейся толпѣ входилъ управляющій домомъ и тщательно разсматривалъ лица собравшихся, ревизовалъ, провѣрялъ, нѣтъ ли между вошедшими «лишняго», нахально вмѣшавшагося въ толпу кліентовъ господина, чтобы поживиться на его счетъ. Но вотъ уже нровѣрка сдѣлана. Толпа рабовъ приноситъ кліентамъ порціи пицци (довольно скудныя), носившія спеціальное названіе *sportula*. Этотъ странный и непривлекательный обычай въ позднѣйшее время Рима былъ лишь остаткомъ прежняго хлѣбосольтва покровителей относительно нокровительствуемыхъ. Въ старину, въ Англіи существовалъ подобный же обычай. Въ замокъ богатаго барона являлись въ урочный часъ покровительствуемые имъ бѣдняки, садились за столъ, поставленный въ особой комнатѣ, и насыщали свой голодный желудокъ предложенною пищею. Обычай унизительный; но тогда только имъ и умѣли предупредить гибельныя дѣйствія голода. Въ Римѣ, въ древній періодъ, патроны, дѣйствительно, кормили своихъ кліентовъ; но въ періодъ позднѣйшій кліентамъ раздавали какіе-нибудь жалкіе остатки обѣда. Иногда эти остатки присылались кліентамъ въ часъ обѣда, а иногда остатки давались кліентамъ привратниками или сторожами дома (особыми рабами). Иногда этотъ скудный обѣдъ состоялъ

изъ извѣстнаго количества хлѣба и вина; иногда обѣденные остатки вчерашняго или третьяго дня разогрѣвались на огнѣ, чтобы сдѣлать ихъ съѣдобнѣе. Для этого часто употреблялись нереносныя печи, которыя носили на рукахъ рабы, вмѣстѣ съ съѣстными припасами, которые нужно было разогрѣвать. Однакоже, въ нѣкоторыхъ римскихъ домахъ подобные пищевые остатки обыкновенно выбрасывались, а посѣтителемъ-клиентамъ, искавшимъ у патрона подачки, выдавалась на пищу денежная сумма въ 25 *ассовъ* (немного больше англійскаго шиллинга, или около нашего русскаго полтинника). На эти деньги должно было, разумѣется, обѣдать, и семейство кліента, кунивъ себѣ провизію на рынокѣ. Но это, конечно, не нарушало болѣе общаго правила, по которому кліенты получали отъ патрона подачку натурою, въ видѣ остатковъ его обѣда. И такъ, возвращаемся къ описанію. Мы застали выше, рано утромъ, еще до восхода солнца, дверь атріума отворенною. Въ атріумѣ уже толчется и тискается другъ друга толпа ожидающая своего патрона. Вотъ выходитъ патронъ. Въ старое время Рима, когда нравы были проще, патронъ подходилъ и обнималъ cadaго изъ своихъ кліентовъ. Позднѣе же, съ утонченіемъ обычаявъ и возвышеніемъ гонора у разныхъ покровителей, при входѣ патрона въ атріумъ, толпа лишь почтительно и шумно въ одинъ голосъ привѣтствовала его:

— Здравствуй, господинъ!
(« Ave, Domine! »).

Вслѣдъ затѣмъ, нарочно назначенный для этой цѣли рабъ, называвшійся «*номенклаторомъ*» (*Nomenclator* — называтель или провозглашатель именъ), называлъ поименно cadaго кліента. Лишь эта процедура привѣт-

ствованія копчалась, какъ кліенты толпою выходили и направлялись въ другой домъ привѣтствовать «съ добрымъ утромъ» другаго патрона. Нѣкоторые кліенты, впрочемъ, оставались у патрона, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о своихъ тяжёбныхъ дѣлахъ въ судѣ и попросить защиты въ судѣ, или же, наконецъ, оставались для того, чтобы пронирливо вывѣдать планы и намѣренія своего патрона и его главные дневныя занятія. Въ этихъ визитахъ кліентовъ къ патронамъ проходили первые два часа римскаго дня. Этотъ порядокъ нарушался визитами къ друзьямъ (*officium*), заставлявшими домохозяина выходить изъ дома раньше обыкновеннаго. Затѣмъ, если патронъ бывалъ нездоровъ или если вообще былъ нерасположенъ принять толпу своихъ кліентовъ, то двери атриума у него запирались, и тогда печальная для кліентовъ вѣсть быстро разносилась между ними. Воскликанія горя, досады и неудовольствія повторялись сотнями устъ, изъ-за того, что цѣлыя семьи кліентовъ лишились дневной подачи и, можетъ быть, обѣда...

3. Дѣленіе дня у римлянъ. — Намъ слѣдуетъ теперь перейти къ небезъинтересному вопросу о томъ, какъ римляне *раздѣляли* день? У римлянъ существовали *два* способа раздѣленія сутокъ. Формальный или гражданскій день начинался у нихъ, такъ же какъ и у насъ, съ *полночи*, и такъ же какъ и у насъ, раздѣлялся на *24 часа*; однако же, естественный день, который привыкли опредѣлять въ обыденной жизни, начинался съ восходомъ солнца, кончался съ солнечнымъ закатомъ и раздѣлялся на *два* половины, въ 12-ть часовъ каждая, и считался этотъ естественный день, обыкновенно, съ солнечнаго восхода. Однако же, среди зны, въ Римѣ день составлялъ лишь 9-ть часовъ, тогда

какъ въ срединѣ лѣта онъ составлялъ 15-ть часовъ. Отъ этого и выходило, что зимній часъ не достигалъ даже $\frac{3}{4}$ нормальнаго часа, лѣтній же часъ быть нѣсколько болѣе $1\frac{1}{4}$ часа. *Седьмой* часъ всегда начинался въ полдень, но *второй* часъ въ іюнѣ начинался около 5 час. 45 мин., считая съ полуночи, а въ декабрѣ—около 8 час. 15 мин., считая тоже съ полуночи.

4. Дневныя занятія. — Въ третьемъ часу утра начинались у римлянина дневныя занятія. Но занятіямъ этимъ предшествовалъ легкій завтракъ (*jentaculum*), впрочемъ, соотвѣтствующій скорѣе «раннему кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ» у французовъ, чѣмъ завтраку (breakfast) у англичанъ. Римскій *jentaculum* состоялъ лишь изъ хлѣба, размоченнаго въ винѣ, или же изъ хлѣба съ прибавкою меда, финиковъ, маслинъ и сыра. Сатирическій поэтъ Марціалъ, современникъ Ювенала (въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., при Неронѣ), рассказываетъ намъ, какъ римскіе мальчишки, идя утромъ въ школу, покупали дорогою у некарей свой *jentaculum*, нѣчто въ родѣ маленькихъ пирожковъ. Послѣ упомянутаго легкаго завтрака, домохозяинъ выходилъ изъ дому, сопровождаемый толпою ожидавшихъ его кліентовъ. Если онъ имѣлъ какія-либо занятія въ судебномъ засѣданіи или по своему собственному дѣлу, или въ качествѣ адвоката по дѣламъ другихъ, то онъ шелъ въ судъ защищать дѣло и принимать подарки отъ своихъ кліентовъ; если же день выдавался свободнымъ отъ подобныхъ занятій, то онъ шелъ навѣстить друзей, посѣтить больныхъ, освѣдомиться у пріятелей о разныхъ городскихъ новостяхъ и т. д., или же навѣстить какую-либо богатую вдову, у которой можно было надѣяться получить «руку и сердце». Въ случаѣ же сватовства и исканія руки у какой-либо женщины, или уже обрученія съ нею, муж-

чина долженъ былъ явиться, для оглашенія и засвидѣтельствованія дѣла, на городской форумъ, въ сопровожденіи сына какого-либо изъ своихъ друзей, и притомъ въ одеждѣ, присвоенной мужской зрѣлости (а этою одеждою, конечно, была тога); иногда сватающагося сопровождали родственники, для засвидѣтельствованія акта сватовства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кліенты дожидались состязанія въ бѣгѣ по улицѣ, расталкивая толпу, въ бѣгѣ на возвышеніе и обратно, что представляло затрудненіе и требовало часто большихъ усилій. потому что улицы Рима если и были мощены, то крайне дурно и покрыты грязью и нечистотою. При состязаніи, патронъ смотрѣлъ на своихъ кліентовъ, для безопасности окруженный рослыми рабами, по 6-ти человекъ съ каждой стороны. Часто кліенты расходились отъ патрона ранѣ *десятаго* часа дня; это тогда, когда они напрасно дожидались приглашенія къ столу, а вмѣсто этого получили скудную денежную подачку, равняющуюся, примѣрно, англійскому шиллингу или нашимъ 30-ти копѣйкамъ. Тогда, раздраженные, недовольные, они возвращались по домамъ, съ ропотомъ и восклицаніями досады ¹⁾. Но если патронъ оказывался щедрымъ и кормилъ кліентовъ своихъ до-сыта или давалъ достаточно денегъ, то они возвращались домой къ полудню, —

¹⁾ Латинскій языкъ весьма богатъ междометіями и цѣлыми особыми формами для выраженія грусти, досады, недовольства. горя и т. п. „Ah, me miserum!“ (или miseram, если говоритъ женщина), или же просто: „me miserum (miseram), me infelicem!“ (т. е. esse), что выражаетъ особый *accusativus absolutus*. весьма употребительный у сатириковъ и комиковъ. Затѣмъ слѣдуютъ междометія недовольства и печали: „heu! heu! pro! vae!..“ „Ah, nos miseros! nos infelices!“ Причемъ толпа кліентовъ точно такъ же ударяла

какое время было для римлянина естественнымъ временемъ отдыха. Но если до полудня еще оставалось нѣсколько времени, то возвратившіеся кліенты принимались за болѣе существенную и питательную дневную трапезу, такъ называемый «*prandium*», соответствовавшій сытному завтраку или закускѣ (франц. *dejeuner à la fourchette*). Въ старое время Рима былъ обычай справлять *ужинъ* (*cena* или *coena*) въ полдень; тогда *prandium* уже, дѣйствительно, имѣлъ значеніе завтрака, но впоследствии часть для *coena* отодвигался все дальше и дальше къ вечеру, такъ что *coena*, дѣйствительно, стала *ужиномъ*, *prandium* же сталъ равняться греческому *ἀριστον* или французскому *dejeuner*. Англичане приравниваютъ при этомъ обычай времени королевы Елизаветы, когда въ Англіи обѣдали въ полдень и даже ранѣе. *Prandium* состоялъ изъ мясныхъ блюдъ, горячихъ или холодныхъ, изъ рыбы, растений, плодовъ, хлѣба или вина.

5. Время отдыха у римлянъ. — (*Siesta*). —

Лишь кончался *prandium*, какъ наставало для римлянина время отдыха, полдника или *siesta*. Итальянцы остались вѣрны этому обычаю и до сихъ поръ. Еще и теперь въ полдень всѣ церкви и лавки бывають заперты; всѣ двери и входы жилыхъ строеній закрыты. Тишина въ полдень бываетъ такая, что слышно жужжаніе мухи; слабый звукъ уже различается, какъ будто въ полночь, что придаетъ характеръ какой-то таинственной торжественности. Однако же, въ древности не только

себя по бедрамъ, производила тѣ же торопливыя рефлексивныя движенія, какія производитъ наша русская прислуга, когда ей мало дадутъ *на чай*, приговаривая: „*Эка жистъ проклятая!*“ что равняется: „*Ah, vitam miserrimam!*“ римскаго кліента, недовольнаго подачкою патрона.

(Прим. перев.).

Римъ составлялъ исключеніе, но и другіе города. Въ Римѣ, въ особенности, судебныя запятія, засѣданія въ официальныхъ мѣстахъ, напримѣръ: народныя собранія, засѣданія въ сенатѣ, не могли прерываться и въ полдень. Цицеронъ рассказываетъ намъ, что лишь только впоследствии онъ получилъ возможность отдохнуть въ полдень отъ непрерывнаго труда на форумѣ. Что касается селеній, то, конечно, съ трудомъ можно вѣрить, что во время сильнаго лѣтняго зноя, въ августѣ, могли и въ полдень продолжаться полевая работы. Впоследствии, когда роскошь, лѣнность и бездѣтельность вторглись въ римскую жизнь (ибо тогда и чернь была уже бездѣтельна и существовала подачками со стороны богатыхъ, въ силу изреченія: «*panem et circenses*»), тогда «нолудненное» мертвое бездѣйствіе въ городахъ Италіи уже вошло во всеобщій обычай. Тацитъ рассказываетъ интересный случай, что въ одномъ изъ римскихъ городовъ Африки прогуливался, въ полдень, какой-то бѣднякъ между безлюдныхъ колоннадъ общественныхъ зданій. Вдругъ онъ замѣтилъ огромнаго роста человѣческую фигуру (выше обыкновеннаго человѣческаго роста). Эта фигура произнесла ему нѣсколько словъ, обѣщавшихъ счастье и почести въ будущемъ. Бѣднякъ струсилъ и счелъ фигуру за *привидѣніе* («полудненное», все равно какъ и ночное). Такъ было необычайно появленіе живаго человѣка въ полдень, среди опустѣвшихъ колоннадъ!.. Мы знаемъ, наконецъ, что предводитель готовъ, *Аларикъ*, овладѣлъ Римомъ именно въ *полдень*, когда гарнизонъ Рима, пользуясь обычаемъ «нолудненнаго» бездѣйствія, спалъ въ повалку, не чувствуя страшной бѣды ¹⁾.

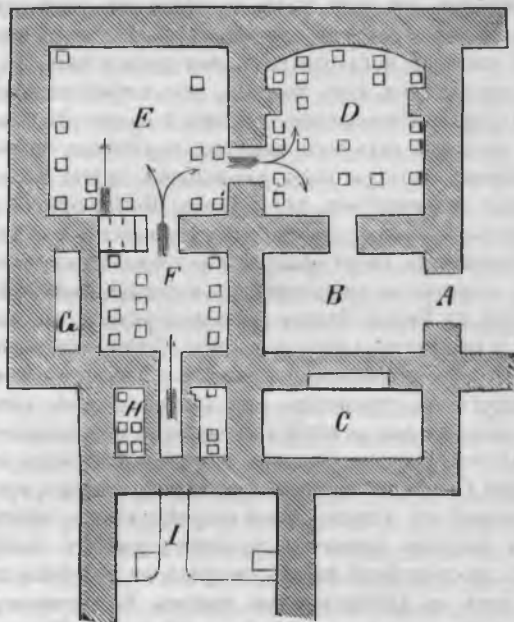
¹⁾ См. объ этомъ интересныя указанія у *Зосимы*, *Олимпидора*, *Филосторія* и друг. (*Прим. перев.*).

6. **Игры и гимнастическія упражненія.** — После отдыха или сіесты, римлянинъ занимался тѣлесными упражненіями или гимнастикой. Мѣстомъ подобныхъ упражненій было *Марсово поле* (см. планъ Рима), гдѣ юноши упражнялись въ бѣганіи взапуски, въ прыганьи, въ ручной борьбѣ (въ схватку), въ фохтованіи и т. под. Но это были игры развивающія, требовавшія изученія, школы, системы, уже не примиримыя съ лѣнностью и безпечностью. Къ числу послѣдняго рода и весьма любимыхъ игръ (отъ нечего дѣлать) была игра въ *шары* еще и по-сіе время страстно любимая итальянцами. Для этой цѣли въ каждомъ богатомъ древне-римскомъ домѣ существовало особое помѣщеніе «для игры въ шары» (*sphaeristerium*), обыкновенно примыкавшее къ термамъ, или банямъ; да даже и въ большихъ общественныхъ баняхъ, о которыхъ мы будемъ говорить вскорѣ, были отводимы помѣщенія для игры шарами для бѣдныхъ гражданъ. Передъ игрою игроки раздѣвались и скидали башмаки. Въ зимнее время *sphaeristerium* обыкновенно тщательно отоплялся, чтобы игроки не зябли. Для игръ употреблялись *три* рода шаровъ: 1) наибольшій по объему, но вмѣстѣ и самый легкій, шаръ былъ — *follis*. Это былъ изъ тонкой кожи мѣшокъ или пузырь, надутый воздухомъ, напоминающій нашъ ножной мячикъ. Шаръ этотъ ударяли или толкали рукою, иногда одѣтою въ перчатку. Игра эта, повидимому, была спокойная и свойственная почти исключительно старикамъ и дѣтямъ. Нѣкоторое время до нея былъ охотникъ императоръ Августъ. Далѣе слѣдовала игра въ шары, называемые *raganica*; но мы подробностей ея не знаемъ. Затѣмъ третій родъ игры въ шары назывался *pila*. Здѣсь игралъ роль маленькій шаръ, набитый перьями и употреблявшійся для весьма разнообразныхъ

игръ. Донедешия до насъ описанія всѣхъ этихъ и подобныхъ игръ представляются не совсѣмъ ясными; но мы можемъ заключить, что особенно была излюблена римлянами игра, называемая *trigon*. Объ этой игръ нѣсколько подробнѣе говоритъ сатирической поэтъ Марціалъ. *Trigon* былъ мячъ, или шаръ, которымъ играли трое, стоя треугольникомъ. Игра напоминала нашу ловлю отскакивающего мяча руками. Для трехъ игроковъ, стоявшихъ треугольникомъ, требовалось 6-ть мячей. Кромѣ того была еще игра *harpastum*. Кучка игроковъ при этомъ старалась на перерывъ поймать шаръ, или же нѣсколько шаровъ, распределенныхъ по числу играющихъ. Цицеронъ и Гораций передаютъ намъ, что они были не охотники до подобныхъ игръ; но изъ ихъ словъ нельзя еще заключить, что эта игра была вообще въ презрѣннѣи. Знаменитый Муцій Сцевола, авгуръ, бывший притомъ однимъ изъ ученнѣйшихъ законовѣдцовъ своего времени, былъ, въ то же время, превосходнымъ игрокомъ шарами, и уже постоянно, послѣ усиленной работы въ судебныхъ засѣданіяхъ, Сцевола отдыхалъ за игрою въ шары. Такъ же точно суровый философъ Катонъ Младшій часто публично игралъ въ шары на Марсовомъ полѣ. Съ другой стороны, Сенека говоритъ о римлянахъ своего времени, презиравшихъ игру въ шары и мячъ, какъ о людяхъ весьма серьезныхъ, подобно тому, какъ въ наше время въ Англіи серьезнымъ человѣкомъ считается тотъ, кто презираетъ игру въ крикетъ.

7. **Бани.**—Дневныя работы у римлянъ обыкновенно прерывались отдыхомъ. Лишь только наставать *восьмой* часъ дня (т. е. время, соответствующее нашему часу послѣ полудня; см. выше: «*Дѣленіе дня у римлянъ*»), — какъ раздавался звонъ колокольчика. Это былъ знакъ, что бани отперты, и народъ, рабочій и

праздній, толпами валилъ въ бани. Бани были самымъ важнымъ и наиболее популярнымъ развлеченіемъ и удо-

Римскія бани малыхъ размѣровъ, принадлежащая частному владѣльцу.

A входъ; *B* холодное отдѣленіе; *C* холодный бассейнъ; *D* комната для раздѣванія; *E* теплое отдѣленіе; *F* жаркая комната; *G* горячій бассейнъ; *H* жаркая комната; *I* печь.

вольствіемъ римлянъ. Въ позднѣйшій періодъ римскія

бани были уже предметом роскоши, часто неумѣренной, безумной. Въ ранній же періодъ общественныя бани учреждались лишь въ продолженіе *pudinae* ¹⁾ и учреждались эти бани скорѣе съ цѣлю гигіенической, чѣмъ съ цѣлю роскоши, — чтобы скучившееся въ *pudinae* населеніе могло смыть съ себя грязь и пыль. Первые римскія бани, какъ частныя, такъ и общественныя, были устроены чрезвычайно скромно и просто. Въ большей части изъ нихъ было лишь два помѣщенія: одно съ бассейномъ холодной воды для купанья, другое же, съ высокою температурою, для потѣнія. Но все это было на первыхъ порахъ устроено такъ первобытно и бѣдно, что купанье въ Тибрѣ обыкновенно предпочиталось банямъ, особенно же предпочиталось молодыми людьми. Со времени же Второй Пунической войны римскіе барышники и спекуляторы начали строить бани—*balneae balneae* ²⁾—въ обширныхъ размѣрахъ, по греческому образцу; и эти «греческія» бани замѣнили собою древнія, національныя римскія простыя бани, называвшіяся *lavatrina*. Сначала, подобно тому, какъ это было въ древней Греціи во времена Аристофана, народъ, отверженный къ неприхотливой старинѣ, упорно противился введенію привычекъ роскоши и разныхъ затѣй. Этотъ простодушный народъ смотрѣлъ на подобныя затѣи, какъ на изнѣживающую прихоть. Но все-таки—какъ и все остальное—римскія бани вскорѣ сдѣлались въ Римѣ любимыми и популярными. Число бань въ Римѣ быстро увеличилось, какъ скоро масса народа полюбила это нововведеніе. Уже другъ императора Августа, Агриппа, какъ говорятъ, выстроилъ для употребленія народа

¹⁾ Въ родѣ нашихъ русскихъ ярмарокъ, какъ уже сказано выше.

²⁾ Названіе передѣлано изъ греческаго слова βαλανεία.

до 170 бань. Позднѣйшіе императоры сооружали обширныя громадныя зданія, извѣстныя подъ именемъ *термъ* (*thermae*). Въ этихъ обширныхъ постройкахъ заключались вмѣстѣ и бани, и гимназіи (помѣщенія для физическихъ состязаній) и даже часто библіотеки; и ни однѣ изъ римскихъ руинъ не представляютъ такого величаваго, импонирующаго зрѣлища, какъ развалины термъ, или бань: Тита, Каракаллы и Діоклетіана. И затѣмъ, нѣтъ ни одного провинціального города въ Римской имперіи, даже почти нѣтъ селенія, гдѣ бы не были построены общественныя бани. Многія изъ этихъ бань открыты, благодаря раскопкамъ; лучше другихъ, однако же, сохранились двѣ термы, или бани, выкопанныя въ Помпеѣ. При помощи этихъ сохранившихся термъ, мы можемъ составить довольно ясное представленіе объ общемъ типѣ этихъ знаменитыхъ построекъ. Многія спеціальныя сочиненія, снабженныя рисунками — въ числѣ ихъ есть сочиненія и новѣйшихъ писателей — даютъ намъ изображенія римскихъ бань, — изображенія древнія найденныя, какъ говорятъ, въ стѣнахъ термъ императора Тита. Къ сожалѣнію, подобные рисунки, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляются поддѣлкою и во многихъ пунктахъ положительно несообразны. Но, съ другой стороны, мы и не нуждаемся въ помощи такихъ рисунковъ, потому что раскопки то и дѣло представляютъ намъ какія либо отдѣльныя детали римскихъ термъ. Сколько можно судить по произведеннымъ доселѣ сравненіямъ, римскія бани немногимъ чѣмъ отличались отъ бань *турецкихъ*, или же тѣхъ, которыя строились въ прежнее время въ Англіи. Баня римская уже непременно раздѣлялась на *три* отдѣленія, или комнаты (*cellae*), соотвѣтственно *тремъ* родамъ омовенія. *Первое* отдѣленіе называлось *frigidarium*, или холодная баня;

къ ней пристроивалось, а въ нѣкоторыхъ баняхъ въ ней и находилось, помѣщеніе, гдѣ мывшіеся оставляли платъе ¹⁾, и здѣсь же, потомъ, вымывшіеся намазывались мазями. Затѣмъ, *второе* отдѣленіе называлось *tepidarium*. Это было теплое помѣщеніе, назначавшееся тоже для раздѣванія и для мазанія тѣла, если мывшіеся были слабы здоровьемъ и опасались простудиться. Наконецъ, слѣдовалъ *caldarium* (*третье* помѣщеніе). Это была жарко натопленная комната, въ которой мывшіеся или потѣли, благодаря возвышенной температурѣ, какъ въ турецкихъ баняхъ, или же это была обыкновенная мыльня, гдѣ мылись горячею водою. Но затѣмъ каждая изъ этихъ обширныхъ комнатъ была соединена съ пристроенными къ ней малыми, назначавшимися или для купанья, или для гимнастической борьбы, или для отдыха и взаимныхъ бесѣдъ. Большею частью бани устраивались такъ, что цѣлое дѣлилось на два отдѣленія, причемъ одно отдѣленіе служило для мужчинъ, а другое для женщинъ. Въ срединѣ же между двумя отдѣленіями находилась печь, согрѣвавшая все зданіе, и надъ печью, примыкая другъ къ другу, пристроивались *два* отдѣленія — *caldaria*. Эти *caldaria* возвышались на аркахъ, такъ что жаръ отъ топившейся печи могъ проходить вдоль ихъ и ихъ согрѣвать. Здѣсь же устраивались глиняныя трубы для того, чтобы проводить тепло сквозь двойную стѣну помѣщеній бани. Надъ печью устраивались также два котла для кипяченія воды, если бы она понадобилась моющимъся.

При входѣ въ римскія бани, желающіе мыться должны были *заплатить за входъ* (какъ и въ наше вре-

¹⁾ Слѣдовательно *frigidarium* отчасти соответствовало нашему русскому передбаннику.

мя). Плата за входъ была ничтожная, составляя одну *квартантъ*¹⁾ Это была нормальная плата въ общественныхъ баняхъ; въ баняхъ же, принадлежавшихъ частнымъ собственникамъ, плата была выше. Заплативъ за входъ, желавшіе мыться входили въ *tepidarium* или же въ *frigidarium*, смотря по потребности, иногда же въ пристроиваемыя къ нимъ особыя помѣщенія (*apodyteria*). Здѣсь находились рабы, исполнявшіе обязанность раздѣванія поѣстителей и для оказанія необходимыхъ услугъ. Мывшіеся садились по скамейкамъ кругомъ стѣны для того, чтобы удобнѣе погѣть отъ горячихъ стѣнъ. Судя по остаткамъ Помпейскихъ бань, можно заключить, что въ срединѣ тепидаріума часто находился бассейнъ съ холодною водою для желающихъ прохладиться, если жаръ въ этомъ отдѣленіи бани былъ слишкомъ великъ, хотя подобный бассейнъ и не былъ неизбѣжною принадлежностью. Изъ тепидаріума былъ ходъ въ кальдаріумъ (*caldarium*). Въ раннее время сюда горячая вода проводилась трубами (*alvei*), устроенными вокругъ, по стѣнамъ комнаты, но впослѣдствіи устроивался водоемъ для горячей воды, называвшійся *piscina*. Это отдѣленіе было наполняемо горячимъ паромъ, и сидѣнья здѣсь устроивались не изъ бронзы, какъ въ тепидаріумѣ, а изъ дерева, потому что въ тепидаріумѣ не было опасенія, что бронзовые скамьи заржавѣютъ, какъ здѣсь. Здѣсь же находились бассейны съ холодною водою (*labra*). Эта вода свободно лилась на моющихся. Въ термахъ, которыхъ описаніе дошло до насъ, эти lab-

¹⁾ Т. е. $\frac{1}{4}$ асса. Послѣдній же составлялъ около 8 копѣекъ мѣдью на наши деньги или около 2 коп. серебр. Слѣдовательно, $\frac{1}{4}$ асса $\equiv \frac{1}{2}$ коп. серебр., или полфэртинга, перевода на англійскую монету.

(Прим. перса.)

га были сдѣланы изъ массивнаго серебра. Послѣ теплой бани, моющіеся возвращались въ холодное отдѣленіе, гдѣ всегда устраивались обширные бассейны съ холодною водою для купанья и плаванья. Нѣкоторые, впрочемъ, предпочитали эти бассейны прудамъ, устроеннымъ подъ открытымъ небомъ, такъ какъ вода въ послѣднихъ была не очень холодна отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Затѣмъ, въ баняхъ слѣдовала операція тренія тѣла (*destringere*) и потомъ мазанія мазями или маслами (*ungere*). Для этого входили въ теплое отдѣленіе (*tepidarium*), или же въ специально назначенную для тренія и мазанія комнату (*destrictorium, unctorium*). Для тренія тѣла употреблялся специальный инструментъ, называвшійся *strigilis*, о которомъ мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе по дошедшимъ до насъ остаткамъ римскихъ древностей. Послѣ тренія такимъ инструментомъ, тѣло вытирали кускомъ льняной ткани, и, наконецъ, мазали ароматическими мазями. У писателей мы весьма часто находимъ мѣста, гдѣ рабы или рабыни слѣдуютъ за своими господами или госпожами въ термы, неся съ собою инструменты для тренія тѣла (*strigilis*) полотенца и сосуды съ масломъ (*ampullae*). Когда вся операція мытья въ банѣ была совершена и тѣло намазано, моющіеся оставались еще въ банѣ поротозѣйничать и поболтать, благо бани были просторны, или же отправлялись въ особое отдѣленіе, *палестру*, состязаться тамъ въ борьбѣ или же прохаживались между колоннадами, пока не наставало время обѣда, и тогда возвращались домой.

Но былъ у римлянъ еще типъ бань, болѣе напоминавшій современныя намъ турецкія бани, чѣмъ описанныя нами выше. Это была *Balneum Laconicum*, каковой образецъ впервые представилъ своими построй-

ками термъ Агриппа. Такого рода баня вообще строилась поверхъ печи, и, повидимому, она не снабжалась ногою, такъ что ею пользовались исключительно какъ жаркою, или *потовою* банею. Виѣшнею же формою постройки она не отступала отъ обычнаго типа бань. Эта баня назначалась для старухъ, изнуренныхъ болѣзнию, особенно для старыхъ воиновъ. Римляне думали, что разстройство, напримѣръ, желудка вылечивается сильнымъ потѣніемъ. Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ или планъ римской бани, открытой въ 1855 г. въ Мокмутширѣ (въ Англіи) въ *Цервентъ*. На планѣ весьма ясно можно видѣть, какъ паръ переходилъ изъ одного отдѣленія бани въ другое; но въ этихъ баняхъ вовсе нѣтъ маленькихъ комнатъ и другихъ помѣщеній для борьбы и состязаній, какія мы встрѣчаемъ въ общественныхъ баняхъ, открытыхъ въ Помпеѣ и въ другихъ пунктахъ Италіи.

Обѣдъ у римлянъ. — Главный обѣдъ у римлянъ былъ послѣ бани, приблизительно въ 9 часу дня (около 2 часа 30 минутъ лѣтомъ и 1 часъ 30 минутъ зимою). Это вкушеніе пици называлось *сена*; но въ объясненіи этого слова встрѣчаются обыкновенно двѣ ошибки. Во-первыхъ, это слово часто пишется *сое-на*, что совершенно ошибочно. Подобно многимъ другимъ ошибкамъ въ латинскомъ правописаніи, эта ошибка произошла отъ ложнаго предположенія, что разбираемое нами слово имѣетъ греческое происхожденіе отъ *κοινῆ*, т. е. общій обѣдъ. Но ничего общаго съ подобнымъ греческимъ словомъ разсматриваемое названіе не имѣетъ. *Сена* — настоящее природное латинское слово, а не заимствованное, и означаетъ просто «пицца» или «пѣда». Часто переводилось это слово словомъ «ужинъ» («supper»); но это было бы правильно лишь для тако-

го народа (еслибы такой существовалъ) который имѣлъ бы обыкновеніе ужинать въ 3 часа по полудни. Впоследствии, время для *cena* въ Римѣ передвинулось, особенно же для тѣхъ гражданъ, которые были заняты въ судебныхъ засѣданіяхъ до 10-го часа дня; но, обыкновеннымъ временемъ для *cena* былъ девятый часъ. Подобная же неудача и неточность встрѣтилась и при переводѣ греческаго *δειπνον*, которое иногда переводилось словомъ ужинъ, хотя *δειπνον* никогда не былъужиномъ; но *δειπνον*, новидимому, совершался на часъ или на два поздиѣе, чѣмъ *cena* (см. «Древн. Греч. жизнь»). Но что намъ особенно кажется страннымъ, такъ это ранніе банкеты у римлянъ, совершавшіеся, какъ говорили, *de die*; они слыли, впрочемъ, доказательствомъ излишней роскоши и самоугожденія. Существовалъ еще, усвоенный обычаемъ *tempestivum convivium* (благовременный и умѣренный пиръ). Онъ начинался не рано. Роскошные же и экстравагантные банкеты все начинались рано.

Въ ранній періодъ римской жизни, какъ во время обѣда, такъ и завтрака (вообще ранней ѣды) любимымъ блюдомъ римлянъ была особаго рода густая похлебка (*pulmentum*), приготовленная изъ пшеницы или полбы¹⁾ (*far*); и это *pulmentum* долгое время составляло пищу бѣднаго римскаго населенія. Такъ, римскій комикъ Плавтъ, упоминая о нѣкоторыхъ столярныхъ издѣліяхъ, говоритъ, что эти издѣлія не могутъ быть приготовлены «необтесаннымъ римскимъ рабочимъ, питающимся полбяною похлебкою». Прибавка къ подобному незатѣйливому обѣду состояла большей частью изъ разнообразныхъ растительныхъ веществъ, каковы: горохъ,

¹⁾ *Triticum Spelta*. Linn.

бобы, чечевица (*legumine*), кануста, пырей ¹⁾ лукъ (*holera*). Мясо, однако, въ древній періодъ, ѣли рѣдко, развѣ только за столами богатыхъ. Точно также не всегда употреблялся въ пищу и хлѣбъ (*panis*); но если нуженъ былъ хлѣбъ, то онъ приготавлился дома, женщинами или рабами, и приготавлился тѣмъ способомъ, который еще долго продолжался въ различныхъ селеніяхъ Италіи. Пекарей въ Римѣ не было до самой *Третьей Македонской войны*, случившейся спустя почти 600 лѣтъ отъ основанія Рима. Но мы, конечно, можемъ съ основаніемъ вѣрить, что поваръ былъ бы въ это раннее время бесполезнымъ членомъ римскаго домохозяйства. Во времена Плавта, около 200 лѣтъ до Р. Х., мы находимъ ²⁾ обычай нанимать повара на рынкѣ всякій разъ когда устраивалось у кого-либо изъ состоятельныхъ гражданъ пиршество. Мы знаемъ, что такой же обычай былъ и въ Афинахъ (см. «Древн.-Греч. Жизнь»

Но въ послѣдствіи повара (*coqui*) и молодые неученые по ремеслу хлѣбопеки (*pistores*) ³⁾. Лучшіе изъ этихъ поваровъ и хлѣбопекоевъ происходили изъ сословія рабовъ. Къ этой, съ точки зрѣнія древнихъ римлянъ «непозволительной», роскоши, быть можетъ, первый поводъ подали празднества, которыя у римлянъ слѣдовали за жертвоприношеніями. Эти празднества, вѣроятно, внушили римлянамъ мысль жить комфортабельно и затѣмъ роскошно. Знакомство же съ роскошью грековъ вовлекло римлянъ уже въ необузданную роскошь, такъ что

¹⁾ *Collium Sat.* Linn.

²⁾ Въ тѣхъ же комедіяхъ Плавта, а также и въ комедіяхъ Теренція.

³⁾ Во времена Марціала и Ювенала существовали въ Римѣ и пирожики по ремеслу: *Pistores dulciarii*.

въ этомъ отношеніи, римляне скоро превзошли своихъ учителей. Мы знаемъ о римскихъ «обѣдахъ» въ эпоху Императоровъ. Безумную роскошь, обжорство и расточительность этихъ обѣдовъ, конечно, уже и превзойдти невозможно.

Римская столовая уже описана нами выше. Намъ остается добавить лишь нѣсколько словъ о столовомъ убранствѣ и разныхъ деталяхъ. Какъ скоро хозяинъ вмѣстѣ съ гостями занимали мѣста за столомъ, облокотясь на кушетки, разставленные вокругъ стола (планъ разстановки ихъ объясненъ нами выше, когда говорилось о триклиніумѣ). На кушетки эти не клали платья изъ опасенія скрыть ихъ красоту и изящество пурпуровой матеріи, которою онѣ были обиты. Каждому гостю подавалась салфетка (*тарра*); иногда же гость приносилъ ее съ собою. Такъ какъ каждый сидѣлъ облокотясь на лѣвую руку, то употребленіе ножа или вилки было невозможно. При этомъ намъ необходимо замѣтить, что обычай ѣсть при помощи вилки вовсе не древній, а возникшій лишь 500 лѣтъ назадъ, въ Италиі. Въ Англіи, напримѣръ, до начала XVII вѣка, ѣли безъ вилокъ. Но и въ Римѣ вилка, или нѣчто въ родѣ вилки, употреблялась рабомъ, разрѣзывавшимъ передъ обѣдомъ кушанье (соотвѣтствующимъ современному форшнейдеру). Искусство разрѣзывать кушанье было предметомъ тщательнаго предварительнаго изученія въ особыхъ школахъ, причемъ образцами служили деревянные модели. Ложки (*лигулае*) были также въ употребленіи, если гости ихъ спрашивали; однако же, чаще всего кушанье брали просто *пальцами*, какъ еще и теперь это дѣлается на Востокѣ. Неизвѣстно только, какого рода ножи употребляли римляне при вкушеніи пицци. Въ нѣкоторыхъ гробницахъ, рядомъ съ остатками вицци, най-

Римская тога. (Статуя одного из сенаторовъ одѣ-
тыхъ въ тогу).

дены и ложки съ черенками изъ слоновой кости, а также ложки. Еще въ одномъ пунктѣ никогда не было недостатка на римскомъ столѣ — это въ *солонкѣ*. Даже въ самыхъ бѣдныхъ домахъ часто встрѣчаются серебряныя солонки, — и на солонку римляне смотрѣли какъ на «священный» сосудъ. Соль употреблялась римлянами не только для приправы нища, но имѣла священное значеніе, смѣшиваясь съ мукою въ жертвоприношеніяхъ (*mola salsa*). Въ богатыхъ домахъ къ обѣденному столу припаивалась серебряная пластинка, и отъ того, когда столъ былъ безъ употребленія для обѣда, онъ могъ служить вмѣсто поставца или буфета (*abacus*). Обѣдающіе садились за столъ въ лучшей и, по крайней мѣрѣ, въ возможно чистой одеждѣ. Широко драпирующая и неуклюжая тогда смѣнялась, на время обѣда, замѣнялась легкою одеждою яркаго блестящаго цвѣта. (Любимыми же цвѣтами римлянъ были: ярко-красный, пурпуровый, фіолетовый, небесно-голубой, зеленый. См. объ этомъ ниже, въ отдѣлѣ объ одеждѣ). Затѣмъ, къ обѣду, римлянинъ одѣвалъ чистыя сандаліи (*soleae*) вмѣсто обычныхъ поношеныхъ башмаковъ. Но какъ скоро гость садился за столъ, рабъ, пришедшій вмѣстѣ съ нимъ изъ дома, снималъ сандаліи съ ногъ своего господина, и присматривалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не былъ позванъ, а этотъ призывъ совершался, когда гости вставали изъ-за стола.

Обыкновенный обѣдъ раздѣлялся на *три* отдѣла, или части. Первый назывался *gustus* или *gustatio*, или, иногда, — *promulsis*, потому что эта часть обѣда предшествовала питью такъ наз. *mulsum*, или вина, подслащеннаго медомъ. Это, впрочемъ, было обычаемъ уже въ позднѣйшее время Рима, и подслащенное медомъ вино служило раздраженіемъ аппетита для по-

слѣдующихъ солидныхъ и питательныхъ кушаній. Последнія большею частью приготовлялись изъ пряныхъ растительныхъ веществъ, каковы: щавель, салатъ, капуста въ разсолѣ, мелкіе огурчики, редиски, грибы и т. под. и къ этому еще часто прибавлялись устрицы и мелкая соленая рыба, напр. сардинки. Яица и яблоки тоже были постоянною принадлежностью обѣда, такъ что у римлянъ образовалась поговорка: «*ab ovo usque ad mala*», которая значила въ буквальномъ смыслѣ: «отъ яицъ до яблока», а въ переносномъ: «отъ начала до конца обѣда». Затѣмъ, послѣ *gustatio* или *promulsis* слѣдовала *cena* въ собственномъ смыслѣ слова, въ старое время имѣвшая простой, безыскусственный характеръ и состоявшая лишь изъ бобовъ и ветчины. Гораций рассказываетъ намъ, что онъ справлялъ такую *cena* въ своемъ сельскомъ помѣстьѣ. Но впоследствіи въ Римѣ къ *cena* прибавлялись еще шесть или семь такъ называемыхъ *fercula*, состоявшихъ изъ известнаго числа блюдъ. Блюда эти помѣщались при носкѣ одно на другое, образуя колонну (что и называлось *fercula*). Затѣмъ, еслибы мы вдались въ подробное описаніе разнообразныхъ блюдъ, употреблявшихся у римлянъ въ эпоху Императоровъ, то никогда не кончили бы. Эти блюда составляли самая разнообразная и дорогая рыба, живность, мясо и проч. Произведенія природы съ отдаленнѣйшихъ концовъ міра служили для стола извѣжженного и обжорливаго римлянина эпохи Императоровъ. Надо отмѣтить только, что обжорство и безвкусіе римлянина въ самой гастрономіи и роскоши поразило бы вообще изящнаго и умѣреннаго грека. Римлянинъ только и мѣтилъ на то, чтобы блюда для его обѣда отличались рѣдкостью, причудливостью, странностью, дороговизною. О деликатности и приличіи римскій

гастрономъ не заботился. Въ числѣ приправъ, мы, между прочимъ, должны упомянуть о сахарѣ (*saccharum*). Это вещество описываетъ древній натуралистъ Плиній какъ «нѣкоторый родъ бѣлой камеди, которую добываютъ изъ аравійскаго и индійскаго тростника». Это вещество хруститъ на зубахъ, и Плиній прибавляетъ, что оно употребляется лишь для медицинскихъ цѣлей. Точно также масло (*butyrum*) рекомендовалось для употребленія преимущественно римскими медиками, въ качествѣ пластыря. Однако же, масло употреблялось и при изготовленіи кушанья, подобно какъ въ южной Европѣ до сихъ поръ употребляется оливковое масло.

Послѣ смѣны различныхъ блюдъ во время *cena*, слѣдовало на нѣсколько времени перерывъ, — время торжественнаго молчанія; въ это время солили муку, приготавливали *mola salsa*; вмѣстѣ съ послѣднимъ дѣлались возліянія домашнимъ богамъ (*lares*) на семейномъ алтарѣ. Въ періодъ же Императоровъ въ это время воздавались почести генію Императора. Затѣмъ слѣдовало нѣчто въ родѣ нашего десерта, — такъ называемый «второй столъ» (*secundae mensae*); обѣдающимъ раздавались плоды и пирожное почти также, какъ у насъ. Пирожное у римлянъ было весьма разнообразныхъ видовъ. Авторы упоминаютъ много названій; но различить разные сорта по названіямъ, конечно, трудно. Наиболѣе обыкновеннымъ было древнее національное римское пирожное *placenta* (лепешка), дѣлавшееся изъ меда и сыра; затѣмъ *lagânium*, нѣчто въ родѣ блина или пряженца. Другіе виды пирожныхъ съ греческими названіями показываютъ, что они заимствованы отъ грековъ и введены позднѣе.

9. **Питье у римлянъ.** — Единственное питье, бывшее въ общемъ употребленіи, это было вино. Несмѣ-

шаннымъ или его рѣдко, потому что это было признакомъ невоздержности и пьянства. Во время обѣда каждый гость смѣшивалъ вино въ своей собственной чашѣ. Рабы въ это время постоянно разносили у стола теплую и холодную воду для примѣси въ вино, и первая была въ большемъ употребленіи, какъ болѣе здоровая примѣсь въ вино, по мнѣнію римлянъ. Однако же иногда примѣшивали въ вино ледъ, или прохлаждали его снѣгомъ. Сосуды для такого охлажденія были особенные, и экземпляры ихъ сохранились до насъ.

Послѣ десерта, или *secundae mensae*, слѣдоваль конецъ обѣда. Но въ періодъ римской извѣженности и роскоши, къ римлянамъ перешель греческій обычай «симпосіума» (συμπόσιον, symposium) или шумной попойки. Римляне называли эту попойку другимъ именемъ—*comissatio*, и устроить часто эти шумныя попойки (*comissationes*) значило «ити на греческій манеръ» (*Graeco more bibere*). Чтобы устроить *comissatio* послѣ обѣда, со столовъ быстро снимались блюда; рабы вносили гирлянды, преимущественно изъ розъ, и увѣнчивали ими каждаго изъ пирующихъ. Приходившіе новые гости немедленно приглашались садиться, чтобы участвовать въ попойкѣ. При этомъ еще метаніемъ диска (баллотировкою) избирался царь или распорядитель попойки (*Rex conviviі* или *arbiter bibendi*). Огромный сосудъ для смѣшиванія вина (*crater*) ставился по срединѣ стола. Вино и вода смѣшивались по указаніямъ распорядителя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если теплая вода (*calda*) предпочиталась для смѣшенія съ виномъ. кратеръ имѣлъ въ центрѣ особое помѣщеніе для горячихъ углей¹⁾. Прекрасные образцы этого рода сосу-

1) Слѣдовательно напоминалъ нашъ русскій самоваръ.

довъ, снабженныхъ крышками, найдены въ древней Помпеѣ. У каждаго гостя имѣлся въ рукахъ бокалъ для питья (*posillum*). Этотъ бокалъ наполнялся изъ большого сосуда особымъ черпакомъ или уполовинкомъ (*cyathus*), вмѣщавшимъ въ себѣ ¹/₁₂ пинты ¹). Распорядители пира слѣдовали обычаю опредѣлять заранѣе сколько черпалокъ или цѣатовъ достанетъ для наполненія всѣхъ бокаловъ. Если пили за чье-либо здоровье, то число наполненія бокаловъ соответствовало числу буквъ въ имени того гостя, за здоровье котораго пили. Сорты винъ были весьма разнообразны. Высоко цѣнились вина: цекубійское, сетинское, фалернское, масикское и каленское. Виноградники для всѣхъ этихъ винъ произрастали въ Кампаніи, или же въ части Лациума, граничившей съ Кампаніей. Любимыя греческія вина, употреблявшіяся у римлянъ, были: тавосское, хіосское и лесбосское. Было въ обычаѣ смѣшивать вина не только съ пряными кореньями, но и съ ароматическими маслами.

10. Общественныя увеселенія. — Римляне гораздо менѣе прилагали заботы къ общественнымъ увеселеніямъ, чѣмъ греки. У грековъ благовоспитанный человѣкъ уже непременно долженъ былъ уметь «пѣть пѣсню съ аккомпаниментомъ на лиръ». Но мы не знаемъ, чтобы подобное правило входило въ планъ воспитанія римлянъ. Заобѣденныя загадки и шутки афинянъ пользовались огромной извѣстностью. Въ Римѣ же эти самыя шутки выродились въ неприличные поговорки, и римскія пирушки (во времена Императоровъ) соединены были съ дебошами. Съ другой стороны, у римлянъ получили особенное развитіе азартныя игры. Правда,

¹) Англійская мѣра емкости, вмѣщающая ¹/₂ галлона.

часто издавались законы противъ этихъ азартныхъ игръ, но безуспѣшно. Были у римлянъ два рода азартныхъ игръ: первый *tesseræ*, напоминавшій современную игру въ кости. Костяные кубы были отмѣчены на каждой изъ 6-ти сторонъ черными точками, отъ одной до шести. Играли обыкновенно двое или трое. Кости для игры высыпались изъ стакаиа (какъ и въ наше время) или рожка (*phimus* или *fritillus*), и высыпаль ихъ обыкновенно игрокъ, получившій наибольшій выигрышъ. На фрескахъ, найденныхъ въ Помпеѣ, мы видимъ много изображеній игроковъ въ кости. Азартный характеръ игры наивно изображается надписями, сдѣланными надъ головами игроковъ. Напримеръ: «*Exsi*» = «*exsii*» («Я пропаль, я проигралъ»). Часто встрѣчаются изображенія двухъ фигуръ, ожесточенно вцѣпившихся другъ другу въ волосы. Это игроки, поссорившіеся за игрою въ кости. Иногда помещается на фрескѣ и фигура хозяина игорнаго дома, или просто хозяина шинка или питейнаго заведенія, разнимающаго ссорящихся и приглашающаго ихъ по крайней мѣрѣ выйти на улицу ¹⁾.

Другой родъ азартной игры у римлянъ назывался *tali* (отъ *talus* — игральная бабка или игральная кость) ²⁾. Сначала это были естественныя кости отъ сставовъ ногъ животныхъ, но потомъ фигуры для этой

¹⁾ Разнимающій вцѣпившихся другъ другу въ волосы игроковъ на одной изъ помпейскихъ фресокъ изображенъ схватившимъ за одежду одного изъ ссорящихся. Надъ головою разнимающаго хозяина надпись:

„*Itis foras rixastis*“. (Убирайтесь же на улицу).

(Прим. перев.).

²⁾ Дѣйствительно, это первоначально и были естественныя кости отъ ногъ животныхъ, напоминавшія наши русскія „бабки“, и ими играли только дѣти.

(Прим. перев.).

игры стали приготовляться изъ весьма разнообразнаго матеріала. Впослѣдствіи фигуры для игры *talus* стали дѣлаться своеобразно. Фигурка не была квадратомъ, но имѣла четыре стороны, потому что два конца округлились. Онѣ отмѣчались цифрами: 1, 3, 4 и 6. Въ игрѣ употреблялись 4 *tali*. Самая большая игра называлась «*Venus*»; низшая игра называлась *canis* (собака). Это игра, представлявшая *четыре очка*. Кромѣ того, игра «*tali*» носила иногда характеръ игры «*tesseræ*», представлявшая высшее число очковъ. Кромѣ этихъ игръ весьма сильно было распространено битье объ закладъ.

Съ самыхъ раннихъ временъ, въ Римѣ былъ обычай приглашать на званый пиръ флейтчиковъ; но въ первое время музыка на пирахъ имѣла лишь религіозное значеніе, въ смыслѣ обряда въ честь домашнихъ боговъ (*lares*). Впослѣдствіи же, съ утонченностью нравовъ и съ роскошью, когда римляне усвоили себѣ разнообразныя роды *музыки* и *тѣнія*,—то и другое совершалось за обѣдомъ уже только для увеселенія, а когда наибольшая испорченность нравовъ вторглась въ Римъ, тогда на пиры стали приглашать разныхъ шутовъ и пантомимовъ, канатныхъ плясуновъ, заклинателей, карликовъ, танцовщицъ-дѣвушекъ, а за тѣмъ и гладіаторовъ.

ГЛАВА IV.

1. **Идея и характеръ римской семьи.**— Мы уже выяснили выше, что семья была основнымъ камнемъ и ключемъ Римскаго государства. Въ известной мѣрѣ эта особенность свойственна и всѣмъ отраслямъ Арійскаго семейства народовъ. Почти въ каждой изъ

этихъ отраслей, государство, какъ изъ ячейки, разро-
стается изъ семьи, — разрастается сначала въ *кланъ*
или колѣно, кланъ или колѣно разрастается въ трибу
и т. д., пока не образуется обширное государственное
цѣлое. При такой организациіи государства, каждый
гражданинъ думаетъ, что онъ связанъ съ другимъ граж-
дашиномъ или узами *родства*, или узами *усыновленія*.
Эти отношенія могутъ видоизмѣняться, но въ сущности
они замѣняются величинами и явленіями эквивалент-
ными. Царь является въ организованномъ такимъ обра-
зомъ государствѣ естественнымъ главою націи, и про-
исхожденіе свое царь ведетъ отъ отца первоначальнаго
семейства (ячейки), изъ котораго развѣтвились другія
семейства. Но уже въ самое раннее время государствъ
этого типа мы находимъ обычай *ограничивать* власть
царя, потому что послѣдній нередъ всѣми рѣшеніями
обязанъ выслушивать мнѣнія другихъ отцовъ (*patres*),
главъ разнообразныхъ клановъ. Дѣла, касающіяся мира
и войны, при такомъ порядкѣ, предлагаются и рѣ-
шаются въ народномъ собраніи, которое представляютъ
собой отцы каждаго семейства, составляющаго государ-
ство. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, наиримѣръ, въ
Греціи, сила и значеніе отца семьи были весьма огра-
ничены. Желаніе дать каждому полновозрастному граж-
данину по возможности полную свободу дѣйствія не
могло развязать узъ, опредѣлявшихъ отношеніе сына
къ отцу и члена клана къ главѣ этого клана. Мы уже
старались показать выше, что замѣнутый римскій союзъ
основывался на совершенной взаимной зависимости (субъ-
ординаціи) составляющихъ его членовъ. Но, съ другой
стороны, въ Римѣ существовала неограниченная власть
главы семейства надъ своими дѣтьми (*Patria po-
testas*). Она была тѣсно снязана съ строемъ римской

государственной жизни. Мы видѣли выше, что было ячейкою Римскаго государства—это была власть главы семьи надъ семействомъ, имѣвшая тенденцію создать стройное государство изъ элементовъ семьи, основанное на томъ же безграничномъ повиновеніи государственной власти,—власти, которая существовала и въ семьѣ въ отношеніяхъ дѣтей къ отцу и жены къ мужу. Какъ полноправный господинъ, глава семейства въ Римѣ и говорилъ, и дѣйствовалъ за свое семейство. Дѣйствія подчиненныхъ ему членовъ его семьи не имѣли бы никакого значенія. Домохозяинъ римскій былъ, затѣмъ, и жрецомъ въ своемъ домѣ и совершалъ молитвенные обряды и жертвы домашнимъ богамъ. (См. ниже). Въ глазахъ римскаго закона, онъ былъ единственнымъ законнымъ владѣльцемъ семейной собственности. Римлянинъ, съ его любовью къ практической устойчивости и твердости, которую мы тоже характеризовали выше, ни за что не хотѣлъ ограничить свою власть какимъ бы то ни было путемъ. По закону, жена была въ рукѣ (*in manu*) своего мужа, и всѣ права, которыя имѣлъ надъ нею въ семьѣ отецъ (когда она жила до замужества въ домѣ отца), переходили къ мужу, если отецъ выдавалъ ее за-мужъ (*in matrimonium dedit*). При выходѣ же за-мужъ дѣвушка совершенно не знала своего выбора, а безусловно подчинялась волѣ отца. Родившіяся отъ нея дѣти были совершенно во власти ея мужа (ихъ отца). Онъ могъ, по произволу, ихъ удерживать у себя или удалить (*suscipere, tollere*), выгнать изъ дому или предать смерти. Безобразныхъ и слабыхъ дѣтей римляне часто топили, и мы знаемъ случаи, что въ римскихъ семействахъ малолѣтнихъ дѣтей удаляли или подкидывали лишь потому, что они «родились въ несчастный день»... Младенцевъ же женскаго пола подкиды-

вали даже слишкомъ часто. Это можно понять уже изъ того, что у римлянъ число женщинъ было *меньше* числа мужчинъ; тогда какъ намъ извѣстенъ непреложный законъ природы, въ силу котораго дѣтей женскаго пола нарождается обыкновенно больше, чѣмъ дѣтей мужскаго пола. Тацитъ, описывая нравы германцевъ, находитъ страннымъ, что у этихъ послѣднихъ не существуетъ предписаній, ограничивающихъ, число рождающихся младенцевъ. Затѣмъ наказаніе грѣха прелюбодѣянія въ древней Италіи длилось недолгое время. Малонаселенность, быть можетъ, больше, чѣмъ какая-либо другая причина, содѣйствовала паденію Римской имперіи, когда лишь коренныя трибы хвалились многочисленностью своихъ семействъ. Суровая логика римскаго ума дала отцу власть надъ жизнью и смертию его дѣтей; въ послѣдніе дни Рима трусливое самоубожденіе заставляло римлянъ пользоваться этимъ правомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Согласно предписаніямъ закона, отеческая власть (*patria potestas*) прекращалась лишь: или со смертію отца, или съ потерей имъ правъ гражданства въ случаѣ ссылки, или актомъ эмансипаціи (отлученія на волю), который отецъ совершалъ надъ своимъ сыномъ. Въ этихъ случаяхъ, сынъ находился въ полной и безусловной власти отца и не могъ имѣть своей собственности. Пусть бы онъ пріобрѣлъ трудомъ и стараніемъ какую-либо собственность, или унаслѣдовалъ ее по закону, — она перешла бы къ семьѣ, т. е. къ отцу, главѣ этой семьи. Лишь въ общественныхъ дѣйствіяхъ, дѣйствіяхъ гражданина, сынъ имѣлъ свободу дѣйствій, могъ поступать такъ, какъ пожелаетъ. По отношенію къ общественнымъ дѣйствіямъ, государство имѣло преимущество или супрематъ надъ авторитетомъ каждаго отца. Этотъ порядокъ вещей въ Римѣ

— 210 —

весьма хорошо характеризуется дошедшимъ до насъ рассказомъ. Во время Второй Пунической войны Фабій Кунктаторъ, старый и опытный полководецъ, получилъ приказаніе служить подъ начальствомъ (исправлять должность поручика въ нашемъ смыслѣ) своего сына, бывшаго въ то время однимъ изъ консуловъ. Сынъ вышелъ на встрѣчу своему отцу, предшествуемому ликторами, шедшими въ обычномъ порядкѣ. Старый полководецъ ѣхалъ верхомъ на лошади, позади ликторовъ; тогда сынъ далъ старику суровое приказаніе «сойди съ лошади!» Отецъ повиновался, и, соскочивъ съ лошади, произнесъ слѣдующія слова: «мое единственное желаніе, мой сынъ, чтобы ты помнилъ твою обязанность (власти), такъ какъ ты римскій консулъ».

2. **Римскія имена.**—Огромное значеніе семьи въ римскомъ государствѣ весьма ясно видно и изъ обычая давать имена римскимъ гражданамъ. Въ Греціи, напримѣръ, каждый гражданинъ имѣлъ свое собственное имя; наиболѣе обыкновенно получалъ онъ имя дѣда, но иногда имя отца; а иногда имя выбиралось, какъ и въ наше время, лишь потому, что оно было благозвучно и казалось «аристократическимъ», особенною же привилегіею пользовались длинныя (длинносложныя) имена. Въ управленіяхъ общественныхъ занятій и для официальныхъ цѣлей обыкновенно прибавлялось имя отца, а въ раннее время—и имя семейства, къ которому принадлежалъ гражданинъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный соперникъ Перикла, Кимонъ, былъ официально извѣстенъ подъ именемъ «*Кимона, (сына) Миллтіада* ¹⁾ *Ла-*

¹⁾ Т. е., на нашъ русскій манеръ, это было бы: „Кимонъ Мильтіадовичъ Лакиадовъ“ изъ рода Лакиадовъ. Такъ дѣйствительно и переводилъ Иліаду Гомера одинъ изъ русскихъ переводчиковъ до Гиддича: „гивъ, о, муза, воспой Ахиллеса Пелеевича!“

κιάδα»; отецъ Мильтіада (это мы должны отмѣтить) оиать-таки назывался Кимономъ, а его дѣдъ Мильтіадомъ. Но въ послѣдствіи въ Греціи утвердился обычай не присоединять къ имени еще и фамильное имя, а присоединять названіе того мѣста въ *демъ* (δῆμη) или общинѣ (приходѣ), по современному понятію, гдѣ жилъ извѣстный гражданинъ. Такъ, ораторъ *Демосоенъ* былъ извѣстенъ въ публичныхъ документахъ подъ именемъ «Демосоена сына Демосоена» (Демосоена Демосоеновича) Пайяніана. Это, для сравненія, мы остановились на Греціи. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Римѣ: разница огромная. Въ Римѣ *фамильное* имя, имя семьи, называлось именемъ (*номен*) по преимуществу. Въ коренныхъ римскихъ фамиліяхъ это имя оканчивалось прилагательною формою *ius*. Это имя патронимическое и соотвѣтствуетъ *прозвищу* (surname) въ Англіи¹⁾. Этимъ именемъ назывался каждый членъ *клана* или племени; для женщины это прилагательное видоизмѣнялось лишь въ женскую форму *ia*. То же правило примѣнялось и къ кліентамъ и отпущеникамъ. Но каждый гражданинъ римскій имѣлъ еще и свой собственный «*praenomen*», нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующій современному христіанскому имени у европейскихъ народовъ. Изъ этихъ *praenomina* только 18 были у римлянъ во всеобщемъ употребленіи, и четыре или пять изъ этого числа были ограничены употребленіемъ въ особенныхъ фамиліяхъ. По поводу римскихъ *praenomina* часто существовали неправильныя мнѣнія и представленія. Нѣкоторыя *praenomina* имѣли, повидимому, отношеніе ко времени или условіямъ рожденія дитяти. Въ древній пері-

¹⁾ Т. е., конечно, не въ одной Англіи, а прозвищу вообще, у всѣхъ современныхъ народовъ.

одъ римской жизни существовалъ обычай обозначать гражданина формально употребленіемъ его собственныхъ *praenomen* и *nomen*, вмѣстѣ съ праеномен его отца. Напримѣръ; Q. Fabius M. F., т. е. «*Quintus Fabius Marci Filius*». Когда же племя (кланъ) возрастало въ числѣ членовъ до высшаго предѣла и раздроблялось на различныя фамиліи, лишь слабо связанныя между собою общими обрядами, въ которыхъ принимали участіе всѣхъ члены клана, — и эти фамиліи различались лишь прозвищами, присвоенными собственному имени клана. Эти прозвища (*cognomina*) часто были лишь шутливыми или насмѣшливыми прозвищами, какъ это выражалось и выражается и въ старинныхъ англійскихъ прозвищахъ; и древніе римляне, повидимому, охотно давали извѣстному человѣку особый ярлыкъ, соотвѣтственно его личной выдающейся примѣтѣ, какъ это дѣлаютъ современные англійскіе школьные мальчики. Нѣкоторыя насмѣшливыя прозвища были, въ то же время, ловкими комплиментами. Такъ двѣ фамиліи племени (клана) *Клавдіевъ* носили *cognomina Pulcher* (милый, красивый) и *Nero* (мужественный). Чаше, однако, насмѣшливыя прозвища выражали физическій или нравственный недостатокъ извѣстнаго лица. Такъ, Titus Maccius, извѣстный комическій поэтъ, носилъ прозвище *Плавта* (*Plautus* — кривоногій). Извѣстный поэтъ Quintus Horatius носилъ прозвище *Flaccus* (вислоухій). Поэтъ Публій Овидій носилъ прозвище *Naso* (толстоносый). Знаменитый же ораторъ Marcus Tullius Cicero получилъ свое *cognomen* скорѣе отъ того факта, что у одного изъ его предковъ была бородавка, похожая на горошину (*cicer*), чѣмъ (какъ думали нѣкоторые) отъ того, что Цицероновъ ранній возрастъ былъ предоставленъ природѣ, какъ ростъ полевого гороха. Прозвище *Cossus* значитъ «смор-

щенный», *Calvus* — плѣшивый, *Cato* — остроумный, догадливый, *Brutus* — тупой или глупый, *Caesar* — вѣроятно крѣико ударяющій). Такія прозвища первоначально давались нѣкоторымъ членамъ фамилии, затѣмъ эти прозвища дѣлались наследственными, и уже придавались съ столь же наивною безотчетностью, какъ и англійскія, не совсѣмъ деликатныя прозвища: Пигговъ, Литтлеевъ, Бэкеровъ или Армстронговъ. Въ формальныхъ официальныхъ документахъ у римлянъ всегда обозначались эти прозвища, — но всегда такъ, что происхождение ихъ было ясно, т. е. эти прозвища помѣщались послѣ означенія собственныхъ именъ. Такъ, официальное обозначеніе Цицерона было: «*Marcus Tullius M. F. M. n. (Marci nepos) Cicero*». Мы можемъ теперь отмѣтить мимоходомъ, судя по этому характеристическому обычаю, что старшему сыну въ Римѣ давался граепотен его отца. Намъ извѣстны случаи, когда эти граепотина писались на надгробныхъ памятникахъ. Одно и то же граепотен можно прослѣдить за цѣлыя пять поколѣній, что сдѣлано, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы показать, что человѣкъ, пенель котораго покоится въ извѣстной гробницѣ, принадлежалъ къ той вѣтви фамилии, которая, за все это время, имѣла своего законнаго главу. Естественно, что граепотен, подобно нашимъ христіанскимъ именамъ, было *именемъ* всего чаще употреблявшимся въ фамилии, и съ особою заботливостью граепотен носился тѣми, которые были чѣмъ-нибудь почтены, или желали быть популярными. *Cognomen* употреблялся въ обыкновенныхъ разговорныхъ сношеніяхъ, *praenomen* же прибавлялся лишь тогда, когда дѣлали къ извѣстному лицу усиленную просьбу или внимательное обращеніе, и собственно пмя (*nomēn*) у римлянъ большею частью вышло изъ употребленія, исключая случаевъ формального

привѣтствія. При Императорахъ старія правила употребленія именъ особенно пренебрегались. При этомъ употребляли и *praenomen* вмѣсто собственнаго имени, какъ, на примѣръ, но отношенію къ императорамъ Каю и Титу, а также и *cognomen*, замѣнявшій мѣсто *praenomen* для наименованія фамиліи, какъ это имѣло мѣсто при названіи Нерона. Наконецъ, впоследствии, произошло до того полное смѣшеніе этихъ названій, что мы встрѣчаемъ гражданъ, носившихъ до *тридцати* именъ, нагроможденныхъ одно на другое, безъ малѣйшей даже попытки подчинить эти имена какому-либо порядку. Но что особенно должно быть отмѣчено нами въ этомъ пунктѣ по отношенію къ римской жизни, въ сравненіи особенно съ греческой, такъ это то обстоятельство, что въ Греціи гражданинъ былъ извѣстенъ большею частью подъ своимъ индивидуальнымъ именемъ, свойственнымъ не въ индивидуальномъ смыслѣ ему, а цѣлой извѣстной фамиліи, къ которой онъ принадлежалъ.

Совершенно то же самое правило существовало и по отношенію къ римскимъ женщинамъ. Въ ранній періодъ Рима, женщины были извѣстны лишь какъ принадлежащія къ такой-то и такой-то фамиліи, на примѣръ, къ фамиліи Фабіевъ, Валеріевъ и Эмилиевъ. Если, на примѣръ, двѣ женщины принадлежали къ дому Фабіевъ, то онѣ различались эпитетами «старшей» и «младшей» Фабіи (т. е. женщины). Уже въ эпоху Императоровъ, когда римскія женщины разными путями достигали ббльшей свободы и преимуществъ, онѣ получали и *cognomen*, а иногда даже два.

3) **Римскіе браки.**—Въ Римѣ существовали *два* главные вида заключенія браковъ. Въ одномъ случаѣ женщина совершенно освобождалась отъ власти (*manus*)

надъ нею отца и переходила подъ власть мужа; въ другомъ случаѣ она, и вышедши замужъ, все-таки оставалась подъ властью отца. Первый родъ брака былъ свойственъ по преимуществу первому періоду, но въ позднѣйшій періодъ онъ вышелъ изъ употребленія. Бракъ перваго рода могъ быть совершаемъ троякимъ образомъ: или совершался особый религіозный обрядъ *confarreatio*, причемъ долженъ былъ присутствовать главный первосвященникъ и жрецъ Юпитера (*Flamen Dialis*). (См. ниже). Здѣсь же должно было присутствовать нѣсколько гражданъ въ качествѣ свидѣтелей; при этомъ торжественно преломлялась лепешка изъ священной муки (*far*) и вкушалась невестою и женихомъ; затѣмъ уже совершался обрядъ брака чрезъ *usus*, причемъ жена переходила подъ законную власть мужа и жила съ нимъ 12-тъ мѣсяцевъ, не оставляя домъ мужа на время, которое бы продолжалось въ совокупности болѣе трехъ дней. Наконецъ, послѣ этого слѣдовалъ бракъ, чрезъ покупку или приобрѣтеніе невесты (*coemptio*); въ силу этого обряда отецъ формально продавалъ свою дочь жениху; дочь же въ это время давала согласіе на это, въ присутствіи свидѣтелей. Но эти три формы, равно какъ слабая форма брака, впоследствии сдѣлавшаяся болѣе употребительною, различались, повидимому, только въ глазахъ закона, потому что остальная часть брачныхъ церемоній была совершенно одна и та же. Сначала обрученный приходилъ и совершалъ «выкупъ» или «покупку» невесты, что выражалось словами (между отцомъ невесты и женихомъ): «*Spondes ne?*» — «*Spondeo*». (Объщаешься ли торжественно? — Объщаюсь торжественно). При этихъ знаменательныхъ словахъ, какъ бываетъ и въ наше время, отъ жениха невестѣ вручалось кольцо, въ видѣ зало-

(Сним. съ одною изъ фресковъ Помпеи).

Снаряженіе римской невѣсты передъ обрядомъ брака. Невѣста одѣта въ тунику съ открытыми рукавами, въ столу съ *instila*, или вѣшивкою внизу, и въ легкую паллу. Служанка, убирающая невѣсть голову, одѣта въ столу, снабженную рукавами, и паллу.

га, что онъ сдержитъ свое слово. Существовалъ также обычай дѣлать невѣстѣ (со стороны жениха) значительное число цѣнныхъ подарковъ, и всѣ они, въ совокупности, считались залогомъ вѣрности (*arra, arrha* и *arrhalo*)¹⁾. Но эти подарки брались назадъ, въ случаѣ, если бы свадьба, почему бы ни было, не состоялась. Но если назначалась свадьба, то утромъ, еще до восхода солнца, совершались торжественныя ауспиціи или авгурами, или прорицателями по внутренностямъ животныхъ (*haruspex*). (См. о нихъ ниже). Невѣсту одѣвали въ бѣлую тунику и голову ея покрывали покрываломъ ярко-краснаго цвѣта (*flammeum*). Волосы ея тщательно разбивались на 6-ть прядей или локоновъ (*crines*). На макушкѣ волосы собирались въ остроконечный пучекъ и завязывались лентами. (См. рисунокъ). Затѣмъ гости собирались въ домѣ отца невѣсты, ауспиціи торжественно провозглашались, произносились слова брачнаго контракта въ присутствіи свидѣтелей. Языкъ намъ указываетъ, однако, различія относительно формы совершенія брака, смотря по тому, были ли женихъ и невѣста патриціанскаго или плебейскаго сословія. Въ патриціанскихъ фамиліяхъ бракъ имѣлъ форму *confarreatio*, въ плебейскихъ фамиліяхъ имѣлъ форму *coemptio*. Послѣ того бывали произнесены торжественныя слова; тогда одна изъ провожатыхъ женщинъ со стороны невѣсты—нѣчто въ родѣ нашей свахи (*pronuba*), которая непремѣнно должна быть уже замужнею женщиной²⁾ и вмѣстѣ другомъ

¹⁾ То и другое, и третье выраженіе значитъ *здатокъ*. См. въ ком. *Плавта*.

²⁾ Названіе *pronuba* носила у римлянъ и богиня Юнона (— Гера).

дома родителей невесты—возлагала свои руки на плечи брачущейся пары и вела эту пару къ домашнему алтарю, гдѣ приносилось жертвоприношеніе древнимъ римскимъ богамъ. Въ жертву приносились при этомъ: корова, поросенокъ, овца; и когда *auspex* (или гада-тель по внутренностямъ животныхъ) произносилъ обыч-ныя слова молитвы (формулу)— женихъ и невеста обхо-дили вокругъ алтаря, взявъ другъ друга за руки. Когда же исполнено было жертвоприношеніе, всѣ при-сутствовавшіе при этомъ гости выражали свое благо-желаніе восклицаніями: «*feliciter!*» (счастливо), и тотчасъ же начиналось брачное пиршество. Когда на-ступала ночь, невесту, съ кажущимся усиліемъ, выры-вали изъ рукъ матери, и тогда процессія съ невестою торжественно и весело направлялась къ дому жениха. Впереди несли факелы и играли въ флейты. Кто бы ни встрѣтился на пути, присоединялся къ этой процессіи и соединялъ свои клики торжества въ честь брачу-щихся. Вся эта торжественная процессія и самый об-рядъ восклицаній носилъ названіе *Talassio*, можетъ быть въ честь древняго бога брака ¹⁾). Распѣвавшіеся при этомъ пѣсни не всегда были приличнаго свойства. Женихъ во время этой процессіи кидалъ орѣхи въ толпу мальчиковъ-зѣвакъ, всегда собиравшихся въ подобныхъ случаяхъ. Это значило, что дни беззаботнаго дѣтства и юности для жениха миновали навсегда. Когда эта процессія подходила къ дому жениха, невеста мазала

¹⁾ Богъ брака *Talassus* или *Talasso*—Гименей, *ὁμίναιος*. Этимологія слова, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ *ὄμιλος*— пѣсня, по мнѣнію другихъ—отъ *ὄμιλον*, а это, въ свою оче-редь, отъ санскритскаго *ju*—связывать, соединять. От-сюда латин. *jungo*. Слѣдоват. Гименей—„богъ союза“.

особой мазью дверной косякъ и обвивала его вокругъ шерстью. Затѣмъ невѣсту переносили черезъ порогъ. Это дѣлалось для того, чтобы она избѣжала недобрыхъ предзнаменованій и вліянія злыхъ божествъ. Недоброе же предзнаменованіе было тогда, если бы невѣста, переходя порогъ, споткнулась. Въ атриумѣ дома мужъ привѣтствовалъ свою молодую жену, торжественно объявляя ее участницею въ «огнѣ и водѣ» его дома. «Огонь и вода» — это эмблемы того, что у мужа и жены съ этого момента должно быть *все общее*. Слѣдующій затѣмъ день посвящался вторичному брачному торжеству (*repotia*)¹⁾. Это торжество справлялось уже въ домѣ мужа, и молодая жена при этомъ первую жертву богамъ того семейства, въ которое она была принята. И съ момента этого жертвоприношенія она считалась уже римскою *матроною* (*matrona*) и получала всѣ тѣ права и преимущества, которыми пользовались римскія матроны.

4. Положеніе женщинъ въ Римѣ. — Положеніе замужней женщины въ Римѣ было совершенно другое, чѣмъ, напримѣръ, въ Афинахъ или въ Іонійско-греческихъ государствахъ. Женщина въ Римѣ не заключалась въ особое женское отдѣленіе, въ родѣ *Гинскейона*, но была полною хозяйкою и распорядительницею дома и вмѣстѣ работницею, только почетною. Она пряла и ткала вмѣстѣ съ своими дочерьми и дѣвушками-прислужницами (*ancillae*). Но она, въ то же время, не

¹⁾ Значеніе *repotia* прекрасно объясняетъ Фестъ: „*Repotia postridie nuptias apud novum maritum coenantur, quia quasi reficitur potatio*“. (*Repotia* справляется послѣ брачнаго торжества у молодого бракосочетавшагося, потому что здѣсь какъ бы возобновляется попойка).

исправляла черныхъ работъ, въ родѣ, напримѣръ, перемальванія зерна или стряпни. Ей дозволялось выходить изъ дома, чтобы дѣлать визиты сосѣдямъ, или принимать сосѣдей въ гости. Она сопровождала своего мужа на общественныя увеселенія, на игры, на театры. Если римская матрона шла по улицѣ, то всякій встрѣчный прохожій былъ обязанъ дать ей дорогу. Оскорбившій женщину признавался достойнымъ смертной казни. Мы знаемъ, что римскія женщины принимали весьма живое и горячее участіе въ дѣлахъ своей страны. Въ Римѣ мужъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ спрашивалъ совѣтовъ своей жены. Для Рима характеристично то—какъ это бываетъ и въ наше время во многихъ европейскихъ государствахъ—что высшій штандартъ и высшая степень чистаго и неиспорченнаго языка и произношенія въ обыденномъ разговорѣ принадлежитъ именно женщинамъ. Въ Римѣ, какъ и въ наше время, женщины до тонкости, точности и изящества развивали обыденный разговорный языкъ. Римскіе писатели древняго періода выражаютъ радость, что они живутъ въ сообществѣ женщинъ простыхъ, строгихъ, важныхъ, трезвыхъ, любящихъ простоту и несложность жизни. Но въ періодъ Императоровъ подобную простоту жизни и простыхъ женщинъ едва лишь можно было найти въ сельскихъ домохозяйствахъ. Но женщины въ Римѣ, подобно мужчинамъ, искали вообще скорѣе почестей и почета, чѣмъ теплыхъ сердечныхъ привязанностей. Въ дѣлѣ образованія онѣ не были столь наивны и невѣжественны, какъ жены, напримѣръ, афинскихъ гражданъ; но у нихъ очень мало было искусства быть пріятными; онѣ были грубы и отличались рѣзкою претензіей на власть и распоряженіе. Во время всеобщаго упадка римской добродѣтели, которой обязано было быстрое преуспѣяніе Рес-

публики и могущества Рима, — во время упадка древних римских вѣрованій, — этотъ упадокъ нашель свое наибольшее выраженіе въ римскихъ женщинахъ. Свобода выродилась въ распущенность и необузданность. Разводъ браковъ сдѣлался чрезвычайно легкимъ и весьма обычнымъ явленіемъ. Древняя простота жизни выродилась въ крайнее нерадѣніе и роскошь. Мы знаемъ нѣсколько прекрасныхъ, трогательныхъ рассказовъ о высокой добродѣтели, цѣломудрій и честности римскихъ женщинъ, даже въ періодъ глубокаго нравственнаго упадка при Императорахъ. Но это были исключенія; общее же правило женской распущенности существовало во всей силѣ. Императоръ Августъ дѣлалъ большія усилія, чтобы исправить это печальное положеніе вещей. Ни что не помогало, — особенно же потому, что дворъ и самое семейство Августа не отличались чистотою нравовъ, чтобы подать примѣръ другимъ. По смерти Августа положеніе дѣлъ становилось все хуже и хуже.

5. Воспитаніе дѣтей. — Отецъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на свою полную собственность, особенно же въ первый періодъ римской жизни. Съ этой точки зрѣнія, новорожденное дитя, какъ пріобрѣтеніе цѣнной собственности, приносило отцу большое удовольствіе. Однако же, въ ранній періодъ римскаго развитія часто были случаи подкидыванія новорожденныхъ дѣтей, безъ различія, былъ ли то сынъ или дочь, если ребенокъ былъ слабо развитъ или безобразенъ. Съ другой стороны, подкидываніе дѣтей женскаго пола всегда было у римлянъ въ обычаѣ. Судьба этихъ подкинутыхъ дѣтей часто была весьма плачевна, если они не умирали преждевременно отъ нерадѣнія пріютившихъ ихъ; ихъ подбирали, обыкновенно, бездушные торгаши и спекулянты, которые, вскормивъ ихъ, продавали въ рабство.

Огромная часть изъ нихъ дѣлались попрошайками-нищими, или же ихъ эксплуатировали для цѣлей попрошайничества, причемъ—съ цѣлю возбужденія состраданія—ихъ страшно обезображивали, какъ отчасти дѣлается еще и теперь въ Италіи. Чѣмъ безобразнѣе ребенокъ, тѣмъ больше можно было выпросить, въ сопровожденіи его, денегъ. Если ребенокъ бывалъ подкинутъ отцомъ, то часто его поднимала мать или старалась понасть въ кормилицы къ поднявшему ребенка—это часто случалось въ древнее время Рима,—то мать заступала ему мѣсто кормилицы и заботилась о немъ, причемъ мать уже нарочно старалась выслѣживать, гдѣ подкинетъ ребенка отецъ и кто подниметъ его ¹⁾). Впослѣдствіи кормилицы (*nutrices*) были явленіемъ весьма обычнымъ въ Римѣ.

Мать въ Римѣ прилагала всѣ заботы о первоначальномъ воспитаніи дѣтей. А это первоначальное воспитаніе было чрезвычайно просто и состояло преимущественно во внушеніи ребенку хорошихъ привычекъ, чѣмъ въ передачу знаній, а тѣмъ болѣе—въ обремененіи головы ребенка знаніемъ. Дѣтей приучали любить свое отечество, уважать его законы, быть правдивыми, чистыми и честными и въ словахъ, и въ поступкахъ, отдавать должное боговъѣніе домашнимъ божествамъ и исполнять обязанности, требуемыя государствомъ, и, въ особенности, повиноваться распоряженіямъ власти, безъ ропота или прекословія. Когда же мальчикъ начиналъ

¹⁾ Эти случаи аналогичны съ трогательнымъ библейскимъ разсказомъ о младенцествѣ Моисея, когда мать нарѣкши выслѣживала—кто возьметъ брошеннаго ребенка, причемъ мать Моисея дѣйствительно попала въ кормилицы. „Соблуди ми отрока сіе и воздой ми е; азъ же воздамъ ти мзду“—сказала ей дочь Фараона.

подростать, заботу о немъ принималъ уже отецъ; отецъ, по возможности, не выпускалъ мальчика изъ глазъ; ходилъ вмѣстѣ съ нимъ на полевые работы, или же водилъ его съ собою на форумъ и объяснялъ происходившія тамъ государственныя занятія гражданъ Рима; далѣе — училъ его ѣздить верхомъ, плавать, владѣть оружіемъ и растолковывалъ употребленіе этого оружія на войнѣ. Одно время даже былъ обычай, что отцы возили съ собою мальчиковъ-сыновей въ засѣданіе сената; но этотъ обычай былъ отмѣненъ вслѣдствіе того, что матери обыкновенно разспрашивали, до подноготной, своихъ сыновей, о чемъ отцы ихъ разсуждали въ сенатѣ.

Что касается тѣлесныхъ упражненій для мальчиковъ, то у римлянъ эти упражненія значительно различались отъ греческихъ — и именно рѣзко различались въ одномъ пунктѣ. Тогда какъ греки упражняли тѣло мальчика для того, чтобы доставить ему красоту, гибкость и стройность, тогда какъ для греческаго молодаго атлета было величайшею честью остаться побѣдителемъ на публичныхъ играхъ, — римскія тѣлесныя упражненія имѣли цѣлю приготовить мужественныхъ, крѣпкихъ, выносливыхъ воиновъ. Красота формъ тѣла, грація движеній и проч. стояли для римлянина на послѣднемъ планѣ. Мужество и неустранимость въ битвѣ — вотъ что уважалось согражданами, и вотъ къ чему римлянинъ стремился! Такимъ образомъ все воспитаніе мальчика у римлянъ направлялось къ тому, чтобы сдѣлать изъ него твердаго, неутомимаго, закаленнаго бойца. Отецъ училъ сына немного читать, писать и ариметикѣ, сообщалъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о законахъ, преданія о родной странѣ, въ родѣ первоначальныхъ элементарныхъ свѣдѣній объ исторіи. Это уже былъ максимумъ знаній для

молодаго римлянина. Однако же, школы существовали въ Римѣ, повидимому, съ самаго ранняго періода. Такъ, мы читаемъ о Виргиніи, ходившей въ школу, находившуюся на форумѣ въ 450 г. до Р. Хр. Можетъ быть, не многимъ позднѣе упоминается о школахъ, существовавшихъ въ другихъ городахъ Италіи. Въ этихъ старинныхъ римскихъ школахъ дѣвочки и мальчики, повидимому, учились вмѣстѣ; однакоже предметовъ изученія для дѣвочекъ было нѣсколько больше, чѣмъ для мальчиковъ, потому что прибавлялось еще обученіе пѣнію старинныхъ отечественныхъ балладъ. Баллады эти были написаны такъ назыв. «сатурніанскимъ» стихотворнымъ размѣромъ (*versus saturnicus*)¹⁾. Эти старинныя баллады распѣвались во время праздника не только, впрочемъ, дѣвочками, но и мальчиками, а также гостями. Въ этомъ отношеніи произошла большая перемена послѣ Первой Пунической войны, когда Римъ вошелъ въ сношеніе съ Греціей, хотя и прежде римляне уже учились по-гречески, благодаря вліянію грековъ, поселившихся въ Южной Италіи и Сициліи. Но послѣ Первой Пунической войны греки поселились уже въ самомъ Римѣ и наплѣ здѣсь весьма радушный пріемъ въ качествѣ учителей, воспитателей и развивателей литературнаго вкуса, особенно же въ домѣ знаменитаго Циціона и его друзей. Теперь уже стали преподаваться въ школахъ и первыя элементарныя свѣдѣнія по литературѣ. Самую старинную учебную латинскую книгою

¹⁾ Авторъ сопоставляетъ эти старинныя римскія пѣсни' написанныя сатурніанскимъ размѣромъ съ старинными англійскими пѣснями, или балладами, въ родѣ:

„The queen was in her parlour, eating bread and honey“. (Царица сидѣла въ своей гостиной и ѣла хлѣбъ и медъ).

Примѣч. персв.

былъ, по всей вѣроятности, переводъ «Одиссеи» Гомера, сдѣланный «сатурническими» стихами, и этотъ переводъ принадлежалъ *Ливію Андронику*, греку-вольноотпущеннику *Марка Ливія*, получившему, вслѣдствіе этого, *nomen (Livius.)* Переводъ «Одиссеи» сдѣланный Андроникомъ, былъ конечно грубый, шероховатый переводъ, но онъ всетаки достигалъ своей цѣли — ознакомленія грубоватыхъ и необтесанныхъ римлянъ съ свѣжестью и изяществомъ формъ греческой поэзіи. Въ то же самое время, или нѣсколько позднѣе, жили ранніе поэты собственно уже римскіе: *Невій*, *Эній* и *Плавтъ*, и ихъ произведенія сдѣлались также предметомъ изученія въ римскихъ школахъ. Теперь греческій языкъ сдѣлался уже общимъ предметомъ изученія, и вошло въ обычай покупать греческихъ рабынь въ кормилицы къ дѣтямъ. Затѣмъ, мы знаемъ, что на обязанности римскихъ рабовъ лежало: наблюдать за мальчиками. Рабъ провожалъ мальчика и въ школу и встрѣчалъ его изъ школы (сравни греческаго раба παιδαγωγός). Изъ этого послѣдняго греческаго термина образовалось у римлянъ слово *paedagogus* для рабовъ, сопровождавшихъ дѣтей въ школы. Само собою разумѣется, что этотъ рабъ долженъ быть наученнымъ кое-чему, кромѣ своего роднаго языка, чтобы могъ преподавать ввѣренному ему мальчику первоначальныя правила. Дѣйствительно, Варронъ говоритъ въ этомъ смыслѣ: «*Instituit paedagogus, docet magister*» (первыя наставленія преподаетъ педагогъ (нѣстунъ) въ смыслѣ раба, а учитъ учитель). Ясно при томъ, что рабъ-педагогъ не только преподавалъ ввѣренному ему мальчику моральныя правила, но и элементарныя свѣдѣнія. За тѣмъ, понятно, что такимъ путемъ рабъ-педагогъ приобрѣталъ огромное вліяніе на ввѣреннаго ему мальчика, и по этому-то вы-

боръ педагога-раба долженъ былъ падать на раба вѣрнаго, честнаго, и требовалъ большой осторожности. Первая школа въ Римѣ, въ которой начала изучаться греческая литература, была основана въ 197 г. до Р. Хр., греческимъ грамматикомъ *Кратесомъ* (Κρατῆς). Последній прибылъ въ Римъ въ качествѣ посланника Аттала, царя пергамскаго. Но въ Римѣ онъ случайно переломилъ ногу, и, во время леченія, занялся уроками «грамматики», преподавая ихъ римлянамъ. Но подъ названіемъ «грамматики» нужно было разумѣть и греческую литературу. Кратеса слушали римляне съ жадностью. Имя его вскорѣ сдѣлалось популярнымъ. Около этого же времени въ нѣкоторыхъ частныхъ римскихъ домахъ явились греческіе *туторы*, или учителя. Знаменитые римляне того времени (историки) писали исторію по-гречески. Нѣкоторыхъ шутокъ въ знаменитыхъ комедіяхъ Плавта нельзя и понять безъ знанія греческаго языка. И это служитъ доказательствомъ, что греческій языкъ получилъ въ то время право гражданства даже въ низшихъ слояхъ населенія.

6. ШКОЛЫ ВЪ РИМѢ.—Обученіе въ обыкновенныхъ римскихъ школахъ долгое время ограничивалось ознакомленіемъ лишь съ самыми элементарными предметами, напримѣръ, обученіемъ: *читать, писать, ариѳметикъ*, вмѣстѣ съ первоначальными уроками по литературѣ. Такіе писатели, какъ Ливій, Невій и Энній, правда, еще годились во время дѣтства Горация (спустя сто лѣтъ послѣ смерти Эннія); но уже языкъ этихъ писателей тогда сильно устарѣлъ. Рѣчи Цицерона, обыкновенно, составляли предметъ изученія въ школахъ уже при жизни оратора.

Затѣмъ, творенія Вергилія и Горация, вскорѣ послѣ смерти поэтовъ, вошли въ составъ школьныхъ учебни-

ковъ и уже съ тѣхъ поръ не вытѣснялись изъ школы. Но, быть можетъ, лишь въ одной столицѣ Рима изучалась греческая литература. Въ пользу этого предположенія говоритъ не малое число фактовъ. Такъ, мы узнаемъ, что отецъ поэта Горація, употребившій массу трудовъ и денегъ для воспитанія и обученія своего единственнаго ребенка, привезъ его, когда ему минуло 12-ть лѣтъ отъ роду, изъ родного города Венузии въ Римъ для обученія тамъ. Мальчики у римлянъ обыкновенно посылались въ школу, когда имъ было уже около 7-ми лѣтъ отъ роду. Ихъ сопровождали, если отцы того желали, — особаго рода рабы (*capsarii*), которые несли за мальчикомъ его книги и таблицы для письма; по часту ихъ носили и сами мальчики, какъ объ этомъ рассказываетъ намъ Горацій, и только они поручались надзору особаго раба, носившаго имя *pedisequus*. Чаше всего зданіе школы состояло лишь изъ нижняго этажа, и входъ въ это помѣщеніе былъ съ улицы, какъ это бываетъ еще и по-сей день на Востокѣ. Чтенію на родномъ языкѣ обучали въ одномъ классѣ, при чемъ мальчики, протяжнымъ, пѣвучимъ голосомъ, повторяли за своимъ учителемъ названія буквъ, потомъ слоги и, наконецъ, цѣлыя слова. Самый трудъ обученія былъ гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ въ наше время, потому что древне-латинскія слова произносились точно такъ, какъ и писались. Что касается письма, то нельзя сказать, чтобы римляне были большіе каллиграфы: каракули, оставшіяся до насъ на стѣнахъ Помпеи, доказываютъ что, писавшій подобныя каракули, вѣроятно, съ трудомъ разбиралъ самые склады. Въ ранній періодъ книги въ Римѣ были рѣдки и дороги. Уже въ періодъ Императоровъ тщательно обученные грамотѣ рабы покупались книгопродавцами для

занятія перепискою книгъ, и обиліе этихъ рабовъ-переписчиковъ (копировщиковъ) было такое, что книги у римлянъ въ позднѣйшій періодъ были дешевы, даже много дешевле, чѣмъ въ наше время, при всѣхъ удешевленіяхъ книгопечатанія. Для письма мальчики-ученики употребляли сначала досечки, покрытыя воскомъ, и на этихъ досечкахъ буквы выводились особымъ заостреннымъ инструментомъ (*stilus*); обученіе начиналось съ копировки буквъ, уже начерченныхъ учителемъ, и часто учитель двигалъ и управлялъ рукою копирующаго мальчика, водилъ по линіямъ, уже начерченнымъ ¹⁾. Когда обученіе достигало нѣкоторого успѣха, то мальчиковъ заставляли писать уже не на досечкахъ, а на бумагѣ (*charta*), выдѣланной изъ *папируса* (*papyrus*) ²⁾. На этой бумагѣ писали тростниковыми перья-

¹⁾ У насъ на Руси въ прежнихъ сельскихъ школахъ, гдѣ учителями были пономари и отставные солдаты, этотъ способъ обученія письму тоже былъ общераспространеннымъ.

Примѣч. перев.

²⁾ *Cyperus papyrus*—растеніе изъ семейства осоковыхъ (*Cyperaceae*), издавна въ обиліи росло въ болотахъ южной Европы, Сиріи и Египта. Соломенный стебель этого растенія до 8—12 высоты. Собственно бумага приготовлялась изъ прилистниковъ, находившихся на нижней части ствола (*pelliculum*), по свидѣтельству Теофраста. Эти прилистники растягивали на гладкомъ ровномъ столѣ и склеивали вмѣстѣ, такъ что листъ былъ склеенъ изъ нѣсколькихъ прилистниковъ папируса. Когда склеенные прилистники высыхали, на нихъ получалась возможность писать чернилами. Въ Египтѣ, преимущественно производившемъ папирусъ, различалось нѣсколько его родовъ: а) *священный* или *іератическій*, служившій, для письма священныхъ книгъ у жрецовъ; б) *Ливійскій* названный такъ въ честь Ливіи, жены Октавіана—Августа (онъ былъ 127 дюймовъ ширины); в) *эмпоретическій* обыкновенный продажный папирусъ (въ 6 дюйм. ширины);

ми. Бумага, употреблявшаяся въ школахъ была, конечно, не изъ высокихъ сортовъ (высшій сортъ былъ *falpiā*), и притомъ эта школьная бумага употреблялась для писанія счетовъ и отчетовъ, или для переписки книгъ, которыхъ нельзя было найдти у книгопродавцевъ. Особенное стараніе прилагалось, что бы копируемое учениками содержало въ себѣ или стихи, или пословицы, содержащія въ себѣ какія-либо назидательныя уроки, — каковой характеръ носятъ, на примѣръ, и наши прописи. Скорость письма, повидимому, цѣнилась въ Римѣ выше, чѣмъ чистота письма, и уже во времена Цицерона въ Римѣ было введено нѣчто въ родѣ стенографіи. Проворство и быстрая сообразительность въ счетѣ также весьма уважались, и существовали особые учителя ариометики, учившіе бойко и быстро считать и рѣшать въ умѣ ариометическія задачи. Вообще счетъ «въ умѣ» — ариометическая сообразительность безъ помощи знаковъ — пользовались въ Римѣ огромнымъ уваженіемъ.

7. Наказанія. — Розги были у римлянъ въ весьма частомъ употребленіи — съ самыхъ раннихъ временъ. Плавтъ рассказываетъ намъ, что если учащійся мальчикъ пропускалъ при чтеніи только одну букву, такъ ему

г) *Фаннійскій*, изобрѣтенный Панніемъ, имѣвшимъ свою фабрику для выдѣлки папируса въ Египтѣ (10 дюйм. ширины). Фаннійскій, или паниійскій папирусъ отличался толщиною, прочностью и былъ бѣлѣе, чѣмъ другіе сорта. Онъ былъ тѣмъ же, что брестольская бумага въ наше время. Время изобрѣтенія въ Римѣ папируса для письма относятъ ко времени Александра Великаго. Говорятъ, что Кассій Гемина нашелъ въ одной гробницѣ книги *Нумы*, написанныя на папирусной бумагѣ, и съ этихъ поръ этотъ писчій матеріалъ вошелъ въ общее употребленіе.

Примѣч. перев.

уже полосовали все тѣло до синихъ и багровыхъ полосъ, или, какъ говорятъ англичане, онъ былъ разрисованъ какъ разноцвѣтно-полосатый салонъ няньки («striped just like his nurse's cloak»). Поэтъ Марціалъ же говоритъ, какъ объ одномъ изъ величайшихъ неудобствъ городской жизни, — о томъ, что еще до пѣнія пѣтуха воздухъ оглашался «норкою» мальчишекъ въ школахъ и ихъ отчаянными криками. Знаменитый школьный преподаватель своего времени, *Квинтиліанъ* (около 70—90 до Р. Хр.), высказывалъ самый горячій и энергическій протестъ противъ обычая безчеловѣчно пороть школьниковъ, — каковое увѣщаніе гуманнаго римлянина едва ли было успѣшно. Фрески на Помпейскихъ стѣнахъ изображаютъ намъ и еще интересный видъ наказанія, называемаго англичанами «Horsing» и состоявшаго въ томъ, что провинившагося сажали, для позора, на деревянную лошадь. Это уже чисто вестминстерскій обычай.

8. Школьные праздничные дни.— Собственно въ Римѣ было лишь два законныхъ праздника въ году, въ которые не было ученія въ школахъ. Это — *разъ* было въ декабрѣ, въ праздникъ «*Saturnalia*», время общихъ увеселеній, въ которыхъ участвовали даже и рабы. *Второй* праздникъ для школъ былъ въ мартѣ и назывался *Quinquatria*. Это былъ праздникъ въ честь *Минервы* (*Minerva* = Аѳинѣ-Палладѣ) продолжавшійся отъ 19-го—25. Этотъ послѣдній праздникъ считался окончаніемъ школьнаго курса. Въ это же время мальчики городскихъ школъ приносили въ школу плату за ученіе; дѣлали особый подарокъ (*Minerval*) учителю и приносили особый даръ, чтобы пріобрѣсть покровительство богини (Минервы). Въ сельскихъ школахъ плата вносилась не въ это время, а каждый мѣсяцъ. Затѣмъ, для сельскихъ школъ, четыре лѣтніе мѣ-

сяца, время сбора маслинъ и винограда, были временемъ отдыха, въ родѣ нашихъ каникулъ. Мы не знаемъ существовалъ ли подобный же обычай и для городскихъ школъ, напр. для школъ Рима. Но мы знаемъ, что лѣтомъ, отъ августа до сентября, климатъ въ Римѣ былъ крайне нездоровъ (что имѣетъ значеніе и по-сіе время); поэтому, по всей вѣроятности, на это время, римскихъ школьняковъ, по крайней мѣрѣ дѣтей богатыхъ родителей, отпускали на дачи и приморскія виллы, гдѣ жили ихъ родители. Марціалъ, дѣйствительно, говоритъ о римскихъ школьникахъ, что они учились охотно, если пользовались отдыхомъ загородной жизни.

9. Положеніе школьнаго учителя въ Римѣ.— Почетъ, которымъ пользовался въ Римѣ школьный учитель, много зависѣлъ отъ его личныхъ дарованій и характера. Мы знаемъ много случаевъ, что сдѣлавшіе какой-либо важный житейскій промахъ, или обанкротившіеся дѣлались учителями мальчиковъ и конечно исполняли свою, поистинѣ ломовую неблагодарную, работу лишь за ничтожную плату или за ничтожный кредитъ. Но часто и люди съ хорошей репутаціей и лучшаго пошиба тоже весьма бѣдно награждались за свои учительскіе труды. Такъ называемые «*Literatores*», или, по нашему, пожалуй профессора литературы, были увѣшаны до кончиковъ ножныхъ пальцевъ разнообразными познаніями, впрочемъ слишкомъ мелочными и скрупулезными, такъ что они могли бы возбудить въ насъ смѣхъ;—они знали все, что можно было знать относительно характера греческихъ и латинскихъ эпическихъ пьесъ и трагедій. Идя обѣдать или въ термы, подобный литераторъ твердилъ имя кормилицы Анхиза, повторялъ давно зазубренное названіе родины какой-нибудь снохи Анхемола, годы рожденія и смерти какой-нибудь Ацес-

ты; подробное число стычекъ, бывшихъ между Эгеемъ, предводителемъ троянцевъ, и сицилійцами; и за этотъ варварскій трудъ они получали годовую плату гораздо меньшую, чѣмъ въ наше время получаетъ какой-нибудь жокей самага низшаго покроя ¹⁾). Надо прибавить къ этому соперничество грековъ, переселившихся въ Римъ въ качествѣ учителей, что ужъ никакъ не могло содѣйствовать поднятію низкаго уровня платы за школьное обученіе. Но за то громадно отличалось отъ положенія обычныхъ учителей положеніе класса риторовъ (учителей риторики), особенно же знаменитыхъ. Къ нимъ-то мы сейчасъ же и перейдемъ.

10. Школы риторики въ Римѣ.—Сила краснорѣчія, ораторское искусство, всегда имѣла большое значеніе въ Римѣ, значеніе гораздо большее, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ свободномъ государствѣ. Что-бы научиться ораторскому искусству, особеннаго труда, собственно говоря, не требовалось, потому что знаменитыхъ ораторовъ-учителей было много. Разсадникъ этихъ ораторовъ сначала былъ въ Сициліи, затѣмъ, когда въ Римъ переселились греки-учители риторства, то они нашли себѣ въ вѣчномъ городѣ самый радушный пріемъ, и учителей риторства оказалось много. Это было то время Рима, когда одно оружіе и воинскія доблести уже были недостаточны для проложенія пути къ чести и славѣ. Появились эффектные, широкіе, громкіе политическіе процессы—и процессы эти появились вслѣдствіе дурнаго управленія со стороны римской знати провинціями ²⁾). Въ Римѣ съ этихъ поръ установился обычай,

¹⁾ О дурномъ вознагражденіи учителей, въ Римѣ см. Сатиры Ювенала VII и VIII.

²⁾ Напоминаемъ читателямъ хотя-бы знаменитый процессъ Верреса, гдѣ обвинителемъ является Цицеронъ.

что-бы каждый молодой римлянинъ хорошаго происхожденія, послѣ окончанія курса въ школѣ литературы и подъ надзоромъ особеннаго тьютора, изучалъ ораторское искусство у греческихъ учителей и по греческимъ образцамъ. Въ Римѣ существовали также и латинскіе профессора риторики, но, по общему правилу, они не могли быть блестящими знатоками въ ней. Въ риторической школѣ учениковъ заставляли говорить рѣчи, *за* и *противъ*, одну сторону противъ другой, при чемъ каждой давалось предполагаемое дѣло для защиты. Огромное вниманіе обращалось на то, приводиль-ли молодой ораторъ свои собственныя доказательства и какъ, въ какомъ порядкѣ ихъ располагалъ, выбиралъ-ли соотвѣтствующій данному положенію языкъ, умѣлъ-ли употреблять къ мѣсту всякія украшенія и фигуры рѣчи; какъ повышалъ и понижалъ голосъ; могъ-ли достигнуть, при этомъ, надлежащихъ эффектовъ; обращалось также вниманіе на движеніе глазъ начинающаго оратора, на жесты и тѣлодвиженія. Цицеронъ, въ своемъ сочиненіи «*Объ ораторѣ*» (*De oratore*), находитъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ правилахъ, усвоенныхъ риторическими школами, — правилахъ, какъ недостаточно-практичныхъ; но несомнѣнно, что уже развившаяся въ своемъ характерѣ школа дала опредѣленное направленіе и извѣстный характеръ цѣлымъ поколѣніямъ римскихъ ораторовъ, столь изобиловавшихъ въ Римѣ въ послѣдній періодъ Республики; и самъ Цицеронъ изучалъ ораторское искусство и теоретически, и практически, весьма прилежно. Собственно настоящее время развитія и процвѣтанія этихъ риторическихъ школъ имѣло свои опредѣленные періоды, затѣмъ былъ уже періодъ паденія этого благороднаго искусства, періодъ безцвѣтности и

надутости ¹⁾); но въ періодъ Имперіи риторикѣ еще учили въ обыкновенныхъ школахъ; даже для мальчиковъ существовали особые учителя, тщательно выслушивавшіе ихъ громкое декламированіе.

11. Высшее образованіе въ Римѣ. — Высшее образованіе молодыхъ римлянъ, принадлежавшихъ къ богатому и вліятельному обществу, достигалось въ большей части греческихъ городовъ на Востокѣ, особенно же въ Аѳинахъ. Эти города представляли учрежденія, соотвѣтствующія университетамъ, развившимся впоследствии. Въ особенности же высшая школа Аѳинская могла назваться первымъ университетомъ обширной Римской имперіи. Еще долго спустя послѣ того, какъ періодъ свободы и славы погасъ въ Аѳинахъ, этотъ городъ все-таки оставался убѣжищемъ и очагомъ для образованія писателей и учителей всѣхъ частей образованнаго міра. Здѣсь поочередно господствовали четыре великія системы философіи, которыя всѣ находили для себя въ Аѳинахъ гостепріимное убѣжище и преподавались выдающимися и блестящими учеными, и философскія ученія эти толпами стекалось слушать римское юношество. Правда, поэтъ Вергилій, какъ мы уже знаемъ, изучалъ философію въ Римѣ, однако, все-таки, подъ руководствомъ греческаго учителя, и въ одномъ изъ своихъ наиболѣе прелестныхъ маленькихъ стихотвореній Вергилій рассказываетъ намъ о радости, съ какою онъ возвращался отъ пустыхъ и бесплодныхъ споровъ въ риторической школѣ къ занятіямъ философіей. Но Гораций, для полученія высшаго образованія, отправлялся въ Аѳины. Тоже сдѣлалъ Цицеронъ, его сынъ, его племянникъ, — ко-

¹⁾ См. объ этомъ: *Tacitus* „*Dialogus de oratoribus*“.

роче—всѣ тѣ, которые были въ состояніи располагать временемъ и средствами жить въ такомъ цвѣтущемъ центрѣ древняго образованія, какъ Аѳины.

12. **Положеніе рабовъ въ Римѣ.**—Уже съ самаго начала Римской исторіи намъ становится извѣстнымъ существовавшее тамъ рабство, такъ же какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, которыхъ мы только знаемъ. Но и въ ранній періодъ Римской исторіи число рабовъ въ Римѣ было весьма значительно. Если и сами граждане съ помощію своихъ сыновей воздѣлывали малый участокъ земли, на которомъ они жили, то уже и здѣсь была, хотя бы небольшая, потребность въ помощи рабовъ и маленькая сумма денегъ для покупки ихъ. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени, каждая битва, которую выигрывали римскіе легіоны, доставляла имъ, въ видѣ плѣнныхъ, значительное число рабовъ для гражданъ. Когда же богатство Рима стало возрастать до огромныхъ размѣровъ, рабы въ большомъ изобиліи стали доставляться въ Римъ изъ всѣхъ другихъ странъ тогдашняго міра, а въ послѣднее время — даже и изъ каждой провинціи Имперіи. Между тѣмъ, въ дѣлѣ рабства, или въ обращеніи съ рабами, римляне никогда не опускались такъ низко, какъ, на примѣръ, въ близкое къ намъ время, рабовладѣльцы Южныхъ штатовъ Америки, когда одна часть страны производила рабовъ, какъ особую производительную статью, для того, чтобы наполнить рынки другой части страны. Но рабы естественно, какъ это было въ Римѣ, — доставлялись изъ бѣднѣйшихъ частей Имперіи къ болѣе богатымъ, въ центры богатства и роскоши. Такъ, мало-по-малу, рабы въ Римѣ возросли въ числѣ — до неслыханнаго множества, и, благодаря отчасти этому обстоятельству, старые землевладѣльцы страны были вскорѣ истреблены, а

ихъ скромные участки были поглощены обширными земельными владѣніями (*Latifundia*) оптиматовъ, или благородныхъ; отчасти же это произошло отъ чрезмѣрнаго увеличенія роскоши въ Римѣ. Мы находимъ, что въ эпоху Имперіи едва-ли былъ какой-либо бѣдный человѣкъ, который, однако же, не имѣлъ бы своего раба. Горацій говоритъ о себѣ, что онъ жилъ уже чрезвычайно просто и бѣдно; однакоже и ему, когда онъ одинъ обѣдалъ дома, прислуживали за столомъ *трое* рабовъ. Что касается богатыхъ римскихъ оптиматовъ (благородныхъ), то вовсе не было необычнымъ явленіемъ, если они владѣли 10,000 или даже 20,000 рабовъ, а иногда даже болѣе!..

13. **Домохозяйство по отношенію къ рабамъ.** — Домохозяйство, по отношенію къ рабамъ, носило названіе *фамиліи* (*Familia*), и это слово весьма различно (по значенію) отъ нашего современнаго подобнаго слова. Такъ, напримѣръ, Цезарь упоминаетъ о фамиліи, заключавшей въ себѣ цѣлыхъ 10,000 душъ. Вообще фамилія римская раздѣлялась на *два* части: 1) *Familia urbana* и 2) *Familia rustica*. *Familia urbana* (т. е. рабы, принадлежащіе городскому жилищу господина), жила въ городскомъ домѣ господина, и въ нее включались всѣ рабы, которыхъ держали лишь для роскоши и на-показъ. Въ послѣдніе дни Римской республики и при Императорахъ, эти фамиліи были чрезвычайно многочисленны и исправляли весьма разнообразныя обязанности. *Одни* изъ нихъ смотрѣли за внутренностью жилища и утварью, *другіе* исправляли обязанности въ кухнѣ и прислуживали за столомъ, *третьи* прислуживали во время одѣванія и туалета господина или госпожи. Затѣмъ, на обязанности *четвертыхъ* было сопровождать своего господина при его

выѣздѣ куда-либо, при всѣхъ появленіяхъ его въ обществѣ; этотъ эскортъ рабовъ обязанъ былъ нести господина въ носилкахъ, разгонять проходившую толпу въ узкихъ улицахъ, чтобы очистить путь этимъ носилкамъ. Та же самая категорія рабовъ обязана была припоминать своему господину имена его знакомыхъ и кліентовъ, или бѣгать по различнымъ порученіямъ. Но въ каждомъ богатомъ домѣ были еще рабы, и часто въ весьма значительномъ числѣ, изъ которыхъ составлялась свита, употреблявшаяся для специальныхъ работъ въ домохозяйствѣ; они сопровождали также домохозяина на банкеты, званые обѣды и на форумъ. Не малая, а напротивъ — большая, часть домохозяйства исполнялась рабами и большая часть увеселеній и развлеченій для домохозяина реализировалась этими же рабами. Рабы исполняли обязанности клерковъ, секретарей, копиистовъ, библіотекарей, чтецовъ, актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ всѣхъ родовъ, или шутовъ. Огромная часть мануфактурной индустріи въ Римѣ отправлялась рабами, и это было, разумѣется, большимъ ущербомъ для бѣдныхъ гражданъ, которые лишены были возможности заработать хотя что-нибудь честнымъ трудомъ. Иногда рабы исполняли двойную обязанность. Такъ, Аттикъ, извѣстный другъ Цицерона, былъ одинъ изъ рабовъ его, изъ числа *pedisequi*; но онъ былъ весьма искусенъ въ копировкѣ книгъ и чтеніи вслухъ и занималъ у Цицерона мѣсто домашняго секретаря. Но, разумѣется, такіе случаи не были общимъ правиломъ; общимъ правиломъ было то, что каждый рабъ исполнялъ свою собственную обязанность (такъ, напримѣръ, въ и англійской Индіи всѣ обязанности подѣлены между рабами-туземцами).

14. Сельскіе рабы въ Римѣ (*Familia ru-*

stica).—Familia rustica—эта категория рабовъ приносила римлянамъ огромную пользу. Римляне всегда были искусными фермерами и сельско-хозяевами, и уже по этому могли извлекать всевозможную пользу изъ сельскихъ рабовъ. Впервыхъ, эксплуатируемые такимъ образомъ рабы, въ первый періодъ римской жизни, обрабатывали поля домохозяевъ и произращали имъ зерновой хлѣбъ. Это было, конечно, до завоеванія римлянами Сициліи и Африканскихъ провинцій. Послѣ этихъ завоеваній зерновой хлѣбъ шелъ въ Римъ преимущественно изъ этихъ провинцій. Аналогичный этому примѣръ можетъ представить современная Англія. Большая часть потребляемаго ею хлѣба доставляется ей изъ-за границы, но Англія за-то усердно занимается другою хозяйственною отраслюю—скотоводства и овцеводства. Такъ же точно было и въ Римѣ: воздѣлываніе земель и скотоводство всегда были нужны древней Италіи, и всегда были нужны соотвѣтствующіе этому работники. Сельскіе римскіе рабы, поэтому, въ позднѣйшій періодъ, сдѣлались надзорщиками надъ стадами, состоявшими изъ быковъ, овецъ и свиней. Затѣмъ, еще и кромѣ воздѣлыванія полей для хлѣбовъ, въ древней Италіи всегда занимались воздѣлываніемъ маслины и виноградниковъ; стало быть, для рабовъ «*Familia rustica*» всегда работы было вдоволь. Собственно виноградные и масличные участки чаще сдавались на аренду или же особымъ предпринимателямъ по контракту, и тогда эти послѣдніе должны были высылать въ поле для сбора маслинъ и винограда своихъ собственныхъ рабовъ.

Рабъ, которому поручень былъ надзоръ за своими собратьями въ сельскихъ работахъ, назывался *viliicus* или *actor*; въ отсутствіе господина онъ былъ полнымъ

руководителемъ и распорядителемъ всѣхъ работъ. Но часто, именно въ томъ случаѣ, если поземельные сельскіе участки были слишкомъ большіе, *vilicus* состоялъ еще подъ контролемъ «свободнаго» агента-собственника, носившаго названіе *procurator*. Естественно, что работы, возлагаемыя на сельскихъ рабовъ, были гораздо тяжеле и труднѣе, чѣмъ работы городскихъ рабовъ, и самое положеніе сельскихъ рабовъ было гораздо хуже. Можно понять это уже изъ того, что самымъ тяжкимъ наказаніемъ для городского раба была высылка его въ сельскія работы и причисленіе къ толпѣ сельскихъ рабовъ. Эта черта имѣетъ поразительную аналогію съ обычаями, бывшими въ недавнее время въ періодъ рабства въ Штатахъ Южной Америки. И тамъ домашніе рабы, за провинность, отсылались на хлопчатобумажныя плантаціи.

15. Обращеніе римлянъ съ рабами.— Говоря вообще, римляне обращались съ своими рабами гораздо хуже, чѣмъ греки. Правда, что и греки часто позволяли себѣ, но отношенію къ рабамъ, неразумныя и безчеловѣчныя жестокости, особенно въ неумѣренномъ требованіи отъ нихъ работъ, часто совершенно безъ всякаго чувства обязанности и долга, какія естественно связываютъ человѣка съ человѣкомъ ¹⁾. Но если и древній грекъ, по природѣ болѣе мягкій и гуманный, смотрѣлъ на рабовъ не выше, чѣмъ на рабочій скотъ, напр., муловъ и лошадей, то все-таки у грековъ положеніе рабовъ, въ общемъ уровнѣ, было легче. Черты тяжести положенія раба у римлянъ легко понять изъ самаго существа римскаго характера. Римлянинъ по природѣ

¹⁾ Достаточно вспомнить, какъ греческіе рабы задыхались отъ испареній въ рудникахъ. (См. „Древне-Греческая жизнь“ Магаффи).

быль твердъ и, вмѣстѣ, жестокъ, безжалостенъ, менѣе снисходителенъ къ состраданію, чѣмъ грекъ. Онъ легко могъ выносить видъ терзаемаго человѣческаго тѣла и даже увеселяться этимъ, какъ мы замѣчаемъ въ періодъ полного упадка римскихъ нравовъ, когда кровь гладіаторовъ лилась въ циркахъ и амфитеатрахъ. Вѣдь и къ себѣ самому римлянинъ былъ строгъ и суровъ и не щадилъ себя, гдѣ дѣло касалось исполненія долга; уже поэтому онъ не могъ щадить рабовъ. Греку законъ запрещалъ убивать раба, или третировать его съ положительною жестокостію. Но римлянинъ-господинъ уже рѣшительно могъ дѣлать съ своимъ рабомъ что ему угодно, какъ и со всякою вещью, какъ со всякимъ видомъ собственности. Мы знаемъ, правда, изъ римской исторіи нѣкоторые примѣры, гдѣ произвольные владѣльцевъ были ограничиваемы и получали достойное возмездіе; но это были чистыя случайности. Такъ, на примѣръ, во время Августа богатый римлянинъ Ведій Полліонъ (V. Pollio), страстный охотникъ до морскихъ миногъ¹⁾, когда рабъ чѣмъ-нибудь провинялся передъ нимъ, то онъ бросалъ его въ акваріумъ, или садокъ, наполненный морскими миногами, чтобы *кормить рыбъ живымъ человѣческимъ мясомъ!*.. Разъ императоръ Августъ обѣдалъ у Полліона, когда одинъ изъ прислуживавшихъ рабовъ разбилъ дорогой хрустальный кубокъ. Разгнѣванный Полліонъ велѣлъ, по обыкновенію, бросить виновнаго раба въ садокъ къ миногамъ. Пораженный этимъ и тронутый жалостію къ рабу, Августъ просилъ о его про-

1) Это „*Petromyzon Marinus*“ Линнея. Какъ и многія другія породы рыбъ, составлявшія предметъ гастрономіи, римляне держали эту рыбу въ огромныхъ садкахъ.

щеніи. Но когда Полліонъ упорно сопротивлялся, то императоръ велѣлъ разбить въ дребезги всѣ хрустальные бокалы въ домѣ Полліона и наполнить ими садокъ. Можно понять, до такой степени легко и безцеремонно совершались подобныя жестокости, если даже присутствіе Императора не останавливало Полліона отъ ихъ осуществленія. Но въ болѣе ранній періодъ Рима, когда еще господствовала первобытная простота нравовъ, положеніе рабовъ было, конечно, гораздо лучше, и на раба смотрѣли какъ на члена семейства. Онъ ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, хотя и за особымъ столомъ; онъ участвовалъ также, почти на ступени товарища, во всѣхъ дневныхъ работахъ своего хозяина. Но, съ другой стороны, даже и въ этотъ періодъ, если было и меньше варварской жестокости, то было не меньше, а пожалуй больше, безчувственной суровости. Въ періодъ Императоровъ изученіе греческой философіи произвело благодѣтельное вліяніе по крайней мѣрѣ на лучшій классъ римскаго общества. До проникновенія преобразующаго и очеловѣчивающаго вліянія философіи, до какой степени были грубы и безчувственны были даже лучшіе римляне—доказывается тѣмъ, что знаменитый Катонъ (настоящій образчикъ древняго римлянина-владѣльца) провозглашалъ какъ моральное правило, что рабъ долженъ постоянно или «*работать*», или «*спать*». Средняго между этими двумя состояніями, въ родѣ отдыха, минутной «*far niente*», Катонъ для раба даже и придумать не могъ. Даже (по Катону) и въ праздничные дни (*feriae*) для рабовъ все-таки должна быть непрерывная работа. Если же рабъ сдѣлался боленъ, то это значить, что онъ «слишкомъ много съѣлъ». Обыкновенной человѣческой болѣзни, по Катону, для раба даже и допустить нельзя. Смѣеть онъ, бестія, хворать какъ че-

ловѣкъ!.. ¹⁾ Катонъ, говоря о своемъ сельскомъ хозяйствѣ—упоминаетъ даже, что однажды, за негодностью, онъ дешево продавалъ разный рабочій скотъ, опарши- вѣвшихъ овецъ, изломанныя телѣги и сбрую, вмѣстѣ съ престарѣлыми и заболѣвшими рабами!.. Плутархъ, извѣ- стный греческій философъ, описавшій жизнь Катона спустя 250 лѣтъ послѣ его смерти, говоритъ слѣдую- щее: «Въ моемъ сужденіи о немъ, я долженъ отмѣтить его чрезвычайно суровый нравъ, какой только можетъ имѣть человѣкъ по отношенію къ своимъ служащимъ, поступаая съ ними, какъ съ стадомъ животныхъ, прого- няя ихъ и продавая, когда они состарѣются, и питая мысль, что уже не можетъ быть дальнѣйшаго отноше- нія между однимъ человѣкомъ и другимъ, какъ только можно извлекать пользу изъ того, изъ кого можно из- влекать... Что касается меня, — это уже прибавляетъ про себя Плутархъ—то я столь же не въ состояніи про- дать моего рабочаго вола, по случаю его старости, какъ— и еще конечно тѣмъ менѣе—продать бѣднаго престарѣ- лаго человѣка за какую-нибудь мелкую монету и та- кимъ образомъ изгнать его изъ родной земли, оторвавъ его отъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ долгое время и къ которому онъ привыкъ. Вѣдь, это бесполезно, какъ для продавца, такъ и для покупателя»... Однако, не смо- тря на такое мнѣніе Плутарха, доказывавшее высокій уровень тогдашняго нравственнаго образованія въ луч- шихъ людяхъ Рима, — положеніе рабовъ и во время

¹⁾ Припомнимъ здѣсь поразительную аналогію и на- шихъ прежнихъ русскихъ возрѣній на крѣпостныхъ лю- дей вообще и на дворянъ въ особенности,—аналогію, ко- торая выражается въ устахъ г-жи Простаковой, по пово- ду болѣзни дворовой дѣвки:

„Лежить! Ахъ, она bestia—какъ будто она благородная!“
(Фонъ-Визинъ).

Плутарха было не лучше. Но крайпей мѣръ, за это время, мы знаемъ много ужасныхъ исторій о жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи съ рабами. Вообще существуетъ странный законъ, по которому, люди хотя и *знаютъ*, что они *должны дѣлать* (т. е. ясно различаютъ идеаль и требованія долга), но, тѣмъ не менѣе, поступаютъ подло, низко и безчеловѣчно ¹⁾. Во времена Плутарха (начало II в. по Р. Христ.) существовала уже поговорка, что каждый человѣкъ *«имѣетъ столько враговъ, сколько у него рабовъ»*. Но мы этому не должны удивляться, какъ скоро узнаемъ, какимъ образомъ рабовъ часто третировали въ это время. Во многихъ частяхъ Римскаго государства существовалъ обычай отправлять на работы рабовъ *скованными*. На ночь эти несчастные располагались въ широкихъ баракахъ, называемыхъ *«ergastula»*, отчасти построенныхъ подъ землю и освѣщавшихся лишь весьма узкими окнами, расположенными отъ пола тамъ высоко, что никто изъ находящихся въ подробномъ помѣщеніи не могъ

¹⁾ Конечно, бываютъ и исключенія. Но вообще нужно сказать, что нравственная высота какого-либо ученія все еще не доказываетъ, что люди, припльшіе это ученіе, непременно сдѣлаютъ соответственный нравственный прогрессъ. Человѣкъ, по странному противорѣчію своей природы, обыкновенно въ этомъ случаѣ употребляетъ софізмъ: нужно стремиться къ духовному совершенству, а физическое благосостояніе *презирать*. Но замѣчательно, что этотъ моральный принципъ на практикѣ примѣняется лишь къ бѣдному, подавленному и поработченному классу общества. Отъ этого-то, моральное улучшение человѣчества, даже отъ всѣхъ идеалистическихъ ученій, — взятыхъ вмѣстѣ — сравнительно говоря, весьма ничтожно.

Примѣч. перевод.

выглянуть въ окно. Существовалъ еще въ Римѣ обычай привязывать привратника-раба у дверей на цѣпь, какъ собаку!.. Затѣмъ, во всѣхъ большихъ домахъ существовалъ особый рабъ *silentarius*, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы поддерживать глубокое молчаніе въ толпѣ его сотоварищей-рабовъ. При этомъ, за самый слабый звукъ голоса, изданный кѣмъ-либо, за капшель или чиханье, онъ жестоко проходилъ по спинамъ своихъ собратьевъ ударами плети или хлыста. Пятались рабы самою скудною и грубою пищею. Катонъ говоритъ, что, въ придачу къ мѣсячнымъ раціонамъ рабовъ, состоящимъ изъ хлѣба въ зернѣ (которое они должны были молотъ сами) имъ выдавалось еще извѣстное количество завялыхъ и полугнилыхъ маслинъ, да и эти маслины рабы должны были подбирать сами, подъ деревьями; иногда рабамъ, особенно если они работали большою партіей, раздавали по малой порціи соленой рыбы и уксусу. Но и эти скудныя пищевыя порціи часто урѣзывалъ въ свою пользу приставленный къ рабочимъ рабамъ рабъ-надсмотрщикъ виликъ (*vilicus*). Последний былъ часто просто безчеловѣченъ къ своимъ собратьямъ. Изъ обуви и одежды рабамъ выдавались на два года плащъ и пара деревянныхъ башмаковъ, туника же, изъ грубой ткани, выдавалась на годъ. Признакомъ экономіи и разумнаго домохозяйства было то, что римскій фермеръ или самъ хозяинъ отдавалъ уже изношенное рабами платье вилику, и тотъ выдѣлывалъ изъ этого тряпья пѣчто въ родѣ нашихъ разноцвѣтныхъ спивныхъ или штучныхъ одѣялъ (*centones*) ¹⁾. Теперь

¹⁾ Отсюда въ послѣдствіи произошло названіе „кентона“, или поэмы, безтолково и безсвязно выкроенной изъ разнородныхъ лоскутковъ, или платіатически выкроенной изъ разныхъ чужихъ мѣстъ.

о наказаніяхъ. Наказанія, налагавшіяся на римскихъ рабовъ, были часты, страшны, жестоки и разнообразны. За малые уже проступки рабовъ сѣкли гибкимъ прутомъ (*virga*) или же связкою лозъ изъ вяза (*ulmei*), что соотвѣтствовало нашему пучку березовыхъ розогъ. Еще болѣе жестокія наказанія налагались ударами плети, бича (*scutica*) или ремня (*lorum*), напоминающаго приспомятнный «cowhide» (полоса изъ бычачьей шкуры) недавнихъ южно-американскихъ рабовладѣльцевъ. Но всего страшнѣе для римскихъ рабовъ былъ *кнутъ ременный* (*flagrum* или *flagellum*) (отсюда *flagellatio*), оканчивавшійся узлами на концахъ, часто снабженный намѣсто этихъ узловъ острыми косточками или крючками (*stimuli*), которые раздирали и рвали живое тѣло, вырывая куски мяса... Подъ ударами этого страшнаго орудія наказанія, рабы перѣдко умирали, и этому нечего удивляться. Чтобы во время наказанія рабы не могли брыкаться или сопротивляться, ихъ часто вѣшали, привязывая къ ногамъ огромныя тяжести. Другаго рода наказаніе представляла *furca*, сдѣланная изъ дерева и представлявшая собою форму латинской буквы V. Ее накладывали на затылокъ раба и къ ней привязывали руки. Словомъ: насчетъ разнообразныхъ видовъ и степеней тѣлеснаго наказанія римляне были родоначальниками и учителями послѣдующей Европы. Мы еще не упоминали о другомъ особомъ видѣ наказанія рабовъ, уже всегда оканчивавшагося смертью. Это былъ *крестъ*, вертикальный столбъ съ поперечною перекладиною, на которой растягивали руки сдѣлавшаго преступленіе раба, предварительно подвергнутаго наказанію ремненнымъ кнутомъ съ *stimulus*-ами. Крестъ это было страшное и отвратительное орудіе смерти для рабовъ ¹⁾.

¹⁾ Рабовъ распинали за преступленія въ родѣ разбоя или

Для насъ въ христіанскомъ мірѣ это отвратительное, и вселявшее въ древнемъ мірѣ общее омерзѣніе, орудіе сдѣлалось святыней, символомъ всепрощающаго примиренія и любви, — символомъ искупленія¹⁾. Въ древнемъ Римѣ даже великосвѣтская матрона съ такимъ же хладнокровнымъ достоинствомъ отсылала преступнаго раба на распятіе, съ какимъ въ Средніе вѣка крѣпостники умерщвляли своихъ крѣпостныхъ. Рабыни-служанки, прислуживавшія римскимъ матронамъ, преимущественно при ихъ туалетѣ, разумѣется, не составляли исключенія по отношенію къ жестокости обращенія. Римскіе писатели откровенно разсказываютъ объ этомъ любопытные и поучительные, съ точки зрѣнія сравнительной морали, примѣры. Такъ, при туалетѣ какой-либо римской дамы, достаточно было, чтобы залетавшая косу дѣвица-рабыня неосторожно дернула хоть одинъ волосъ или неудачно раскрасила брови, чтобы госпожа насквозь проколола ей ладонь острою длинною иглою, нарочно употре-

воровства, соединеннаго съ грабежемъ, или, чаще, цѣлаго ряда грабежей, за крамолу и возстаніе противъ господъ и противъ правительства; таково было, напримѣръ, возмущеніе рабовъ подъ предводительствомъ Спартака. Таковъ былъ іудейскій разбойникъ *Вар-Аббасъ* (Варавва), который былъ отпущенъ на волю, по случаю праздника Пасхи, вмѣсто осужденнаго Іисуса Христа. Рабовъ-возмутителей, воровъ и бунтовщиковъ, распинали для того, чтобы, по выраженію Ренана, заставить „сгнить растянутыми на деревѣ тѣ руки, которыми рабъ не умѣлъ дѣлать лучшее употребленіе“.

¹⁾ „Съ тѣхъ поръ какъ Великій Рабби изъ Назарета, съ высоты этого позорнаго орудія казни, потрясъ и преклонилъ передъ Собою весь міръ“. (Прекрасное выраженіе *I. Шерра* въ его „*Eine Komödie der Weltgeschichte*“).

Прим. перем.

блявшеюся для этой цѣли. Часто, когда,—особенно въ періодъ римской распущенности нравовъ,—велико-свѣтская римская дама собиралась на условленное «rendz-vous» и была недовольна раскраскою щекъ и носа, какъ служанка подвергалась жестокому наказанію, детали котораго, правда, для насъ не совсѣмъ ясны,—но которое состояло между прочимъ въ томъ, что дѣвушкѣ госпожа обнажала грудь и колола и царапала и грудь, и лицо страшно-длинною и острою иглою. На это намекаетъ, между прочимъ, поэтъ Овидій, когда говоритъ: «Противна и отвратительна для меня женщина, которая царапаетъ ногтями и иглою лицо своей горничной, прокалываетъ ей руку острой иглою, и эта несчастная, обливаясь кровью и слезами, произнося въ дугѣ проклятій, все-таки продолжаетъ убирать ей волосы» ¹⁾). Сенека, въ своемъ письмѣ къ Луцилію, радуется, какъ по поводу отраднѣхъ исключеній, но поводу тѣхъ людей, которые по человѣчески обращаются съ рабами.

Но смертная казнь, кромѣ крестной, употреблявшейся, какъ мы упомянули выше, въ исключительныхъ случаяхъ, была собственно рѣдка и эта относительная рѣдкость смертной казни для рабовъ объясняется тѣмъ, что въ интересахъ самого господина было заботиться о здоровьѣ рабовъ, потому что, вѣдь, этимъ сохранялась рабочая сила; но вообще нужно сказать, что положеніе рабовъ въ Римѣ было въ громадной степени болѣе *безнадежно*, чѣмъ въ Греціи, и это еще тѣмъ болѣе, что бѣгство для римскаго раба было трудно, почти невозможно. Въ Греціи, напримѣръ, при ея раздробленности на малыя госу-

¹⁾ Если у насъ въ прошломъ вѣкѣ, въ періодъ крѣпостного права, были наводящія ужасъ и отвращеніе Салтычихи, то нечего удивляться, что въ Римѣ подобныя Салтычихи существовали сплошь и рядомъ. *Прим. черев.*

дарства, рабу не представлялось особаго труда бѣжать въ другое сосѣднее государство. Въ мирное время, въ Греціи, бѣжавшаго раба еще можно было открыть, найти; но въ военное время къ этому не представлялось никакой возможности. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что когда спартанцы овладѣли Декеліей, крѣпостью въ Аттікѣ, то къ нимъ бѣжало 20,000 рабовъ, и они получили свободу. Подобныя бѣгства въ громадной Имперіи, подобной Римской, были невозможны. Въ Римѣ, какъ скоро бѣжалъ у кого-либо рабъ, тотчасъ же отправлялось въ сосѣдніе города подробное описаніе чертъ лица бѣглеца. Затѣмъ о бѣгствѣ каждаго раба прокламировалось публичными выкликами на площадяхъ; за поимку бѣглеца предлагалось вознагражденіе, и уже никто не осмѣливался дать ему пріютъ, скрыть его. Когда бѣглый былъ пойманъ, ему выжигали на лбу раскаленнымъ желѣзомъ большую букву, *F*, что означало *Fugitivus* (бѣглый), и уже до конца жизни его подвергали самымъ тяжкимъ работамъ, иногда же заковывали на всю жизнь въ цѣпи. Въ Римѣ недавно былъ найденъ ошейникъ, который, конечно, послѣ когда-то рабъ на своей шеѣ. На ошейникѣ этомъ еще ясно виднѣлась латинская надпись: «Fugi: tene me: cum revocaveris me d (omino) m (eo)Zonino, accipis solidum». Переводъ этой надписи: «Я бѣжалъ. Держи меня. Если возвратишь меня моему господину, Зонину, то получишь солидъ» (т. е. около 5 р. 50 коп.).

16. Свободные люди въ Римѣ.— Мы уже видѣли, что жизнь римскаго раба, принадлежавшаго къ *Familia rustica*, была такъ безнадежна, какъ только можно себѣ представить. Во всю свою жизнь онъ получалъ лишь самую скудную порцію ежедневной пищи и самое жалкое, возбуждавшее въ постороннихъ сле-

зы состраданія, жилище. Онъ постоянно подвергался отъ своего господина ударамъ кнута или рвущаго мясо ремня. Если господинъ оставлялъ его въ покоѣ и давалъ зажить ранамъ, то, взамѣнъ этого, ему полосовалъ спицу свой же братъ, *vilius*, или рабъ-управитель *Familia rustica*. Единственный шансъ получить свободу для этого раба состоялъ лишь въ томъ, чтобы убѣжать въ пустынные лѣса и сдѣлаться бандитомъ, или же присоединиться къ одному изъ тѣхъ рискованныхъ возстаній, которыя всегда бывали въ Римѣ, когда рабство становилось уже совершенно невыносимымъ, и которое римляне подавляли, — если это удавалось, — всегда съ безпощадною жестокостью. Но участь городскихъ римскихъ рабовъ (*Familia urbana*) была значительно лучше: они могли надѣяться на счастье впереди, на выходъ изъ рабскаго состоянія. Если господинъ былъ добръ по природѣ, то рабу разрѣшалось имѣть свои собственныя маленькія сбереженія, собственность (*peculium*). Кромѣ того, часто городскихъ рабовъ отпускали на волю, или на все теченіе времени жизни раба, или насколько онъ захочетъ, или на время жизни господина. Разъ такимъ образомъ рабъ былъ поставленъ на свои собственныя ноги, онъ нерѣдко дѣлался римскимъ гражданиномъ. Этого рода граждане, вольноотпущенные изъ рабства, назывались просто *свободными людьми*, *libertini*, въ противоположность настоящимъ римскимъ гражданамъ, и хотя на нихъ обыкновенно смотрѣли свысока, но они, время отъ времени, благодаря личнымъ талантамъ, возвышались до важныхъ степеней и положеній въ государствѣ. Притомъ рабы въ Римѣ не всегда уже принадлежали къ низшей расѣ, какъ, напримѣръ, негры въ Америкѣ. Часто рабами были просвѣщенные, высоко-образованные и богатые познаніями греки, если они попадали въ плѣнъ

и были продаваемы. Мы знаемъ, что и знаменитый Платонъ нѣкоторое время былъ рабомъ, а потому нечего удивляться, что въ Римѣ рабы весьма часто были образованнѣе своихъ господъ. При Императорахъ подобные рабы возвышались до громаднхъ почестей, богатствъ и вліянія, благодаря личному покровительству и часто дружбѣ Императоровъ. Многіе изъ нихъ дѣлались губернаторами, (или проконсулами) провинцій, многіе начальствовали флотомъ, многіе бывали облечены неограниченною властью и въ самомъ Римѣ, на время отсутствія Императора. Все это были *Libertini*. Но въ послѣдствіи число этихъ *Libertini* возрасло до громадной степени, и отъ того они, въ огромномъ числѣ случаевъ, дѣлались зависимыми отъ своихъ прежнихъ владѣтелей, жили въ ихъ сосѣдствѣ, или же получали пропитаніе отъ добровольныхъ раздачъ зернового хлѣба со стороны государства. Они-то чаще всего и образовывали въ послѣдствіи постоянно увеличивавшуюся въ числѣ толпу лѣнтяевъ, дармоѣдовъ и оборванцевъ, вѣчно шлепавшихся по улицамъ Рима. Институтъ рабства сдѣлался, дѣйствительно, величайшимъ проклятіемъ всѣхъ государствъ, гдѣ существовало рабство, истинною язвою, портившею и подтчаивавшею его корни, отравлявшею его здоровые соки. Но о Римѣ это нужно сказать преимущественно. Проклятіе это ушло на Римъ всею своею тяжестью, и множествомъ путей, которые мы здѣсь, разумѣется, не имѣемъ мѣста указывать и разъяснять, какъ это ни интересно, — именно институтъ-то рабства и привелъ къ неизбѣжному паденію Римскую имперію.

Въ заключеніе параграфа, намъ нужно еще упомянуть, что у римлянъ существовали различныя виды отпущенія рабовъ на волю, или *manumis-*

sio: а) *manumissio vindicta*; б) *manumissio censu* и в) *manumissio testamento*. Первый видъ дарованія рабу свободы символически совершался прикосновеніемъ жезла или легкимъ ударомъ по головѣ раба, отпускаемаго на волю. При этомъ, свободу объявлялъ присутствовавшій тутъ ликторъ. Господинъ же раба водилъ кругообразно рукою вокругъ головы отпускаемаго, и провозглашалъ: «этотъ человѣкъ отнынѣ свободенъ», а затѣмъ слѣдовало формальное объявленіе рабу свободы особымъ магистратомъ или чиновникомъ. *Manumissio censu* состояло въ томъ, что раба, по просьбѣ его господина, вносили въ списки гражданъ. Тутъ уже не было особыхъ торжественныхъ церемоній. *Manumissio testamento* состояло или въ томъ, что господинъ въ кругу своихъ друзей (*inter amicos*) объявлялъ извѣстнаго раба свободнымъ, или объявлялъ эту волю особымъ письмомъ (*per epistolam*), или выражалъ эту свою волю *per mensam*, т. е. приглашалъ отпускаемаго раба къ своему столу, или же объявлялъ его свободнымъ на смертномъ одрѣ, или же называлъ раба сыномъ (*filius*) хотя бы и безъ формальнаго акта усыновленія (*sine adoptione*). Всѣ эти отпущенія на волю, лишены торжественныхъ обрядовъ, впрочемъ, не давали отпускаемому полныхъ гражданскихъ правъ, а ставили отпущенника подъ особое покровительство претора, не освобождая его, притомъ, отъ обязательныхъ отношеній и къ прежнему господину, а освобождая лишь отъ рабской службы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Какъ видимый признакъ «свободы», вольноотпущенникъ (*Libertinus*) носилъ тогу и особую шляпу (*pilleus*); затѣмъ онъ получалъ родовое имя (*nomen gentis*) своего прежняго господина, а теперешняго патрона. По отношенію къ истори-

ческому развитію государственныхъ правъ вольноотпущенниковъ, нужно отмѣтить, что еще въ 312 г. до Р. Хр. Appius Claudius Coecus включилъ вольноотпущенниковъ въ трибы и далъ имъ право голоса въ народныхъ собраніяхъ; но уже въ 304 г. К. Ф. *Пуллианъ* (*Rullianus*) изгналъ всѣхъ вольноотпущенниковъ изъ городскихъ трибъ и уменьшилъ число ихъ голосовъ въ народныхъ собраніяхъ до минимума.

17. Матеріалы для одеждъ у римлянъ.— Въ періодъ Республики римляне одѣвались, большею частію, въ одежды, приготовленныя изъ *шерсти*, хотя льняныя одежды въ этотъ ранній періодъ и не были римлянамъ вовсе незнакомы. Ленъ культивировался издавна во многихъ мѣстахъ Италіи. Его пряли и ткали для разныхъ домашнихъ цѣлей и отчасти для одеждъ. Нѣкоторые изъ итальянскихъ трибъ, впрочемъ, и постоянно носили льняныя одежды, подобно іонійцамъ-грекамъ. Въ самомъ же Римѣ льняная ткань употреблялась лишь для приготовленія короткаго шжняго платья, въ родѣ нашихъ подштанниковъ (*subligacula*), а также подвязокъ, или бандажей, которые носили вокругъ поясицы, льняная же ткань употреблялась и для приготовленія головныхъ уборовъ. Хлопокъ былъ извѣстенъ римлянамъ лишь въ формѣ индійскаго *мыслина* (*carbasa*); обычай носить одежды изъ этого матеріала введенъ, впрочемъ, лишь въ послѣднее время римской жизни и одежда эта все-таки считалась роскошью. Что касается шолка, то онъ не былъ введенъ въ общее употребленіе до времени послѣднихъ Императоровъ¹⁾. Но уже въ періодъ Республики шолковыя

¹⁾ И шолкъ въ Римѣ, все-таки, былъ сравнительно дорогъ, такъ что единица вѣса шолка буквально равнялась въ цѣнѣ единицѣ вѣса *золота*. *Прим. перев.*

матеріи были введены въ Римъ съ Востока, и иногда полковья одежды носили богатые римлянки уже и въ это время. Еще рано, во времена Аристотеля, который умеръ въ 322 г., коконы шелковичнаго червя были привезены изъ Китая на о-въ Косъ, и здѣсь развилась фабрикація весьма тонкихъ прозрачныхъ полковыхъ одеждъ, именовавшихся *косскими одеждами* (*Coae vestes*). Впоследствии косскія одежды введены и въ Римъ, и мода на такія одежды сдѣлалась общою и придавала особый характеръ расточительности римлянъ. Общимъ правиломъ, все-таки, нужно считать то, что до Императоровъ и мужчины, и женщины въ Римѣ преимущественно носили шерстяныя одежды.

18. Мужская одежда у римлянъ.—Общею типическою одеждою римскаго мужчины была *тога* (*toga*). Она представляла широкій кусокъ матеріи, обыкновенно около 15-ти футовъ длины и 10-ти футовъ ширины, и, поэтому, тога не была квадратною, подобно греческому плащу или иматиону. Края тоги были, повидимому, округлены, такъ что этотъ родъ одежды имѣлъ форму нѣсколько овальную. Когда же тога скидывалась, то она складывалась въ длину, на двѣ половины; однако складывалась она въ аккуратъ посрединѣ, такъ что одна половина складки была шире, чѣмъ другая. При надѣваніи тоги, одинъ конецъ ея накидывался на лѣвое плечо, и накидывался такъ, что съ передней стороны почти касался земли; длиннѣйшая половина тоги проходила съ задней стороны подъ правымъ плечомъ, оставляя его непокрытымъ и снова перекидывалась черезъ лѣвое плечо, образуя красивую характеристическую складку на передней части корпуса, на груди, и оставляя свободный конецъ тоги висящимъ сзади, на спинѣ. Складку тоги, обыкновенно, дѣлали съ большою

заботливостью и аккуратностью, для того, чтобы насколько возможно вполне закрыть правую сторону корпуса и, по возможности грациознѣе, свѣсить тогу на передней части. Затѣмъ, конецъ тоги, который первымъ свѣшивался внизъ подъ складкою, повидимому вынимался и просовывался между складками, такъ что отъ этого и цѣлое гармонически драпировало тѣло и всѣ детали были на своихъ мѣстахъ. Въ ранній періодъ Рима тога была единственною одеждою, которую граждане носили поверхъ *subligaculum*. Повидимому, въ этотъ ранній періодъ тога носилась и мужчинами, и женщинами безразлично, и притомъ днемъ и ночью. И такъ, *toga* и *subligaculum*, нижнее платье подъ нею—это древній типъ римской одежды. Но даже и въ позднѣйшее время кандидаты, выбиравшіеся на государственную службу, а также и любители старины, въ родѣ Катона Младшаго, носили этотъ же родъ одежды. Затѣмъ явился обычай носить подъ тогою родъ рубашки, называемый *туника* (*tunica*). Туника дѣлалась такъ, что сшивали два куска матеріи по обѣимъ сторонамъ. Рукавовъ она или не имѣла вовсе, или же весьма короткіе. Ношеніе туники съ длинными рукавами, достигавшими кисти руки, во времена Цицерона считалось признакомъ изнѣженности; но затѣмъ этотъ родъ туники вошелъ въ общее употребленіе. Затѣмъ, еще часто носили римляне родъ фуфайки съ рукавами, плотно обтягивавшей тѣло и называемой *subucula*. Ее носили подъ туникой. Иногда эта одежда въ носкѣ употреблялась даже больше, чѣмъ туника. Императоръ Августъ, бывшій весьма чувствительнымъ къ холоду, говорятъ, въ зимнее время носилъ цѣлыхъ четыре туники, да еще и субукулу. Туника, подобно тогѣ, всегда приготавливалась изъ бѣлошерстяной матеріи. Но на туникахъ, носимыхъ сенато-

Статуя одного изъ римскихъ сенаторовъ, одѣтаго въ тогу.

рами, на передней части шла сверху до низу пурпуровая полоска или кайма. На туникахъ, носимыхъ богатыми гражданами, также шли сверху внизъ двѣ узкія пурпуровыя полоски.

Тога была обыкновенною римскою одеждою для выхода изъ дома (см. фигуру, одѣтую въ тогу, на рисункѣ). Тогу всегда надѣвали при выходѣ на форумъ. Но тогу запрещено было носить рабамъ и иностранцамъ. Римскіе мальчики, въ періодъ молодости, до 17-ти лѣтъ носили тогу съ пурпуровою каймою, называемую *toga praetexta*. Когда же они достигали 17-ти лѣтняго возраста, то ихъ отцы или друзья отводили ихъ на форумъ, чтобы показать ихъ одѣтыми въ бѣлую тогу. Это значило, что мальчики достигли полного гражданскаго возраста и включались въ число римскихъ гражданъ. Виргилій говоритъ о римлянахъ, какъ о «владыкахъ міра, какъ о народѣ, посящемъ тогу». Но тога все-таки была одеждою громадной, связывающей, тяжелой; а потому употребленіе ея все болѣе и болѣе ограничивалось лишь формальными случаями. Бѣдный классъ народа, обыкновенно, довольствовался одною туникой. Но въ холодъ или въ непогоду народъ надѣвалъ поверхъ туники еще *paenula*. Это былъ безрукавый плащъ, застегивавшійся сверху до низу, плотно прилежавшій къ тѣлу и болѣею частью дѣлавшійся изъ темнаго цвѣта толстой матеріи, подобной фризю, или изъ кожи. Былъ еще у римлянъ и болѣе широкой плащъ, но совершенно такого же покроя, особенно же отличавшійся болѣе широкими рукавами. Онъ назывался *sagum*. Его почти исключительно носили солдаты и промышленный людъ, въ родѣ фермеровъ. *Sagum* краснаго цвѣта носили полководцы, и тогда онъ назывался *paludamentum*. Богатый людъ носилъ также верхнюю одежду,

называвшуюся *lacerna*. Это было болѣе изящное видоизмѣненіе сагума, и наверху *lacerna* иногда снабжалась особымъ капоромъ или чепцомъ (*cucullus*). *Lacerna* была широкая одежда и носилась уже поверхъ тоги. *Lacerna* приготовлялась изъ матеріи яркихъ и свѣтлыхъ цвѣтовъ, и потому ее носили чаще для украшенія; но во времена Цицерона *лацерна* уже имѣла мало почета, и Августъ настоятельно запретилъ носить эту одежду въ форумѣ. *Laena*, по своей формѣ и покрою, была похожа на *sagum*, но она часто дѣлалась еще съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ, напоминавшимъ *paenula*. Въ послѣднее время эту одежду стали дѣлать изъ тонкой матеріи пурпуроваго цвѣта. Всѣ эти одежды надѣвались тогда, когда римлянинъ выходилъ на улицу. Внутри же своего жилища римлянинъ, повидимому, ничего не носилъ кромѣ туники: это было правиломъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда садились обѣдать и когда надѣвались свѣтло-раскрашенныя одежды, а въ тоже время употреблялась и легкая удобная одежда, называемая *synthesis*. Любимые цвѣта для этой одежды были: алый, пурпуровый, небесно-голубой, фіолетовый и зеленый.

19. Женскія одежды у римлянъ. — Собственно присвоенное римскимъ матронамъ одѣяніе составляла *stola*. Это была длинная туника, достигающая до пятъ, снабженная короткими рукавами, кругомъ довольно плотно прилегающая къ талии. Затѣмъ неизменною принадлежностью *стола* была фалбала или обшивка (койма) — (*instita*) на нижнемъ краю ея. Подъ *стола*ю женщины носили еще нижнюю тунику (*subucula*) и плотно застегивающуюся одежду (*fascia*). Обыкновенною женскою одеждою для выхода на улицу была *palla*. Когда *стола* была надѣта, то *палла* драпировала тѣло такимъ

Римлянка одѣтая въ столу. Статуя Видурин, ж ены Бальба.

же образомъ, какъ и тогда у мужчины; но дѣвушки и женщины-иностранки, не имѣвшія права носить столу, прилаживали къ своей паллѣ пѣчто похожее на греко-дорическій хитонъ (см. «Древне-Греческ. жизнь»). Квадратной формы бѣлая одежда складывалась вдоль (или съ одной стороны) такъ, что складка составляла одну треть ея. Затѣмъ эта одежда застегивалась по-верхъ плечъ, такъ что сложенная часть одежды свѣшивалась на грудь. Лѣвая же сторона оканчивалась складкою одежды, исключая тѣхъ случаевъ, когда лѣвая рука могла свободно проходить между платьемъ и застежкою. Правая сторона была открыта, насколько, впрочемъ, позволяли это застежка и поясъ. Но тогда какъ дорическія дѣвушки ничего уже не носили кромѣ хитона, римскія дѣвицы носили подъ нимъ еще тунику.

20. **Покровъ для головы и обуви.**—Въ обыденной жизни шляпъ или шапокъ римляне не носили, ни мужчины, ни женщины. Но рабочій, дѣловой классъ носилъ шляпы съ широкими полями (*petasus caesia*) для защиты отъ солнечнаго зноя. Для этой же цѣли и подобныя же шляпы надѣвали зрители театральныя представленій, исполнявшихся подъ открытымъ небомъ. Самое названіе этихъ шляпъ заимствовано изъ Греціи. Собственно же оригинальную римскую шляпу (*pileus*), сдѣланную изъ войлока и плотно надѣвавшуюся на голову, повидимому, носили только рабы и ремесленники. Если женщины выходили изъ дому, то онѣ всегда надѣвали покрывало, и мы знаемъ, что одинъ римлянинъ даже развелся съ женою, когда она явилась въ общественное собраніе безъ покрывала. Однако же покрывало римскія женщины носили преимущественно вовсе не вслѣдствіе того мотива, по которому носятъ его женщины нашего времени на Востокѣ, т. е. не для

того, чтобы скрыть лицо, а для того, чтобы защититься от знойнаго солнца, котораго лучи подъ итальянскимъ небомъ дѣйствительно вредны, особенно же для слабыхъ отъ природы глазъ, такъ же, какъ особенно вредно дѣйствуетъ знойное солнце Египта.

Башмаки (*calcei*) составляли тоже важную статью римскаго одѣянiя, и обувь различалась смотря по рангу лицъ, ее носившихъ. Консулы, напримѣръ, носили *красные* башмаки (*mulleus*); сенаторы носили черные, завязывавшіеся четырьмя ремнями и въ подъемѣ украшенные серебряными изображеніями полумѣсяца. Обыкновенные же римскіе граждане носили черные башмаки, пожалуй, не совсѣмъ несходные съ нашими. Бѣдный же классъ римскаго населенiя и рабы носили деревянные башмаки, подобные *sabot* современныхъ французскихъ крестьянъ или «*clog*», столь распространеннымъ въ Англiи въ Ланкастейрѣ. Однако же башмакъ *calceus* составлялъ общее правило и носился вмѣстѣ въ тогою. Внутри же жилища было принято носить не башмаки, а сандаліи (*soleae*). Послѣдніе состояли изъ кожаной подошвы, прикрѣплявшейся къ ногѣ ремнемъ, который проходилъ между большимъ пальцемъ ноги и прикрѣплялся къ другому ремню, проходившему отъ другаго конца подошвы вокругъ лодыжки. За обѣдомъ эти сандаліи снимались и гости обыкновенно возлежали съ совершенно босыми ногами (см. выше о триkliniумѣ).

21. Украшенiя.— Мужчины римскіе большею частью имѣли обычай носить на рукахъ кольца и перстни. Въ ранній періодъ эти перстни были просто желѣзные. Потомъ сенаторы, а въ послѣдствіи и всѣ богатые люди, принадлежащіе къ сословію всадниковъ (*equites*), носили золотые перстни. Въ періодъ Императоровъ вошло въ обычай носить за-разъ нѣсколько перстней, снабжен-

ныхъ драгоцѣнными каменьями и весьма изящною рѣзью. Эти перстни употреблялись и какъ печати. Большая часть изъ нихъ сохранилась до насъ и цѣнится весьма высоко. Съ другой стороны римскія благородныя дамы и дѣвицы блистали самыми разнообразными видами украшеній, обдѣланныхъ разнаго рода драгоцѣнными каменьями. Ошейники, серьги, браслеты, броши, цѣпочки и перстни выставляли на показъ богатство той дамы, которая ихъ носила; но часто эти же украшенія доводили до совершенной чухотки кошелекки мужей. Изъ драгоцѣнныхъ камней алмазъ въ то время цѣнился выше всего; но мы знаемъ также о безмѣрповсокихъ цѣнахъ, которыя платились въ то время за жемчуги и смарагды. Дѣти свободныхъ родителей носили на шеѣ нѣчто въ родѣ медальона, имѣвшаго круглую форму или форму сердца. Эта вещьца дѣлалась изъ чистаго золота и называлась *bulla*. Но это украшеніе должно было снять, вмѣстѣ съ *toga praetexta*, лишь мальчикъ достигалъ полнаго возраста (17-ти лѣтъ—возрастъ мужества). Эта *bulla*, впрочемъ, служила не только украшеніемъ, но и талисманомъ, «отворотнымъ» средствомъ противъ «дурнаго глаза». Тотъ же молодой человекъ, кто не имѣлъ средствъ носить «золотую буллу», носилъ замѣсто ея на шеѣ узелокъ простой кожи, тоже отъ дурнаго глаза.

22. **Ворода и волосы.**—Касаясь этого предмета, мы должны сначала отмѣтить, что римляне древняго періода имѣли право и обычай носить длинныя бороды и волосы. Первый изъ римлянъ, ежедневно брившій бороду, *по модѣ*, былъ Сципіонъ Африканскій. Затѣмъ, послѣ его, до Императора Адріана, у римлянъ было въ обычаѣ коротко подстригать волосы и брить бороду и усы. Императоръ же Адріанъ отпустилъ бороду для то-

го, чтобы скрыть нѣкоторые шрамы на лицѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ придворные послѣдовали примѣру Императора. Впрочемъ самый обычай брить бороду допускалъ *четыре исключенія*: а) бѣдный классъ народа не имѣлъ возможности тратить время на ежедневное бритье въ цирюльняхъ; затѣмъ римскіе *денди* временъ Цицерона предпочитали скорѣе подстригать бороду, чѣмъ брить, и оттого назывались *bene barbati*; затѣмъ б) философы и нѣкоторые поэты имѣли обычай носить бороду, какъ знакъ своей профессіи; затѣмъ, наконецъ, в) всѣ классы римскаго общества (мужчины) отращивали волосы и бороду въ періодъ какой-либо печали, траура. Бороду всѣ шли подстригать (*tondere*) или брить (*radere*) бритвою (*novacula*) обыкновенно въ цирюльни, которыя были въ древнемъ Римѣ (да и теперь еще таковъ характеръ цирюленъ въ Италіи) любимымъ мѣстомъ сходбища всѣхъ праздношатающихся вралей и болтуновъ.

23. **Погребальные обычаи у римлянъ.** — Нигдѣ честолюбіе и гордость истыхъ и чистокровныхъ гражданъ Рима не выражались съ такою ясностью и рельефностью, какъ въ погребальныхъ обычаяхъ и образахъ. Какъ скоро умирающій римскій гражданинъ не пускалъ послѣдній вздохъ, его глаза закрывали его друзья или родственники, и какъ скоро глаза были закрыты, всѣ присутствующіе въ комнатѣ соединяли свои голоса въ одинъ кликъ (*conclamabatur*), произнося и *призывая* имя умирающаго. Если же онъ молчалъ и это молчаніе доказывало смерть, то приступали къ возданію послѣдняго долга его тѣлу. Поставщики погребальныхъ принадлежностей или, по нашему, гробовщики, *libitinarii*, потому что они отправляли свою обязанность въ храмѣ *Венеры Либитинской* (*Venus Libi-*

tina) получали приказаніе изготовить все нужное для погребенія. На лицевой сторонѣ дома, гдѣ находился умершій, libitinarii прикрѣпляли вѣтку или кустъ кипариса или пиніи. Это для того, чтобы незнающіе о случаѣ смерти не могли взойти въ домъ, гдѣ находился умершій, и слѣдовательно оскверниться. Тѣло умершаго выставляли въ атриумъ, ногами къ выходу изъ дома. Одѣвали покойнаго въ тогу или въ простую, или въ вышитую пурпуровыми полосками, какую носилъ покойный, если онъ былъ римскій магистратъ, соотвѣтственно своему рангу. Когда наставалъ день погребенія, то особый провозглашатель или *преконъ* (*praeco*) приглашалъ народъ присутствовать на погребеніи слѣдующими словами:

«Вотъ гражданинъ (*Quiris*) скончался. Если кому изъ васъ угодно проводить гробъ *его* (т. е., напримѣръ, Тиція, сына Люція), то часъ для этого насталъ. Его выносятъ сегодня изъ его дома».

Похороны въ Римѣ совершались не передъ утреннимъ разсвѣтомъ и восходомъ солнца, какъ въ Афинахъ, а считалось для этого приличнымъ и всякое время дня. Погребальная процессія открывалась всегда шедшими впереди флейтчиками, барабанчиками и трубачами. Музыка была плачевная, трогаящая за живое, потрясающая. Она выражала горе и плачь по умершемъ, намекала на его славу и честность служенія отечеству. За музыкантами слѣдовали женщины - плакальщицы (*praeficae*). Ихъ обыкновенно занимали протяжно завывать плачевныя пѣсни по умершемъ (*neniu*) и вычислять его добродѣтели. Въ позднѣйшій періодъ въ погребальныхъ шествіяхъ участвовали и актеры и распѣвали речитативомъ соотвѣтствующія мѣста изъ поэтовъ. Напѣвъ, однако, не

былъ печальнымъ, что странно съ нашей точки зрѣ-
 нія — а примѣливались веселые жесты и буффонады.
 Это бывало особенно тогда, когда умирали кто-либо изъ
 знатныхъ и благородныхъ. Если предки умершаго были
 знатны и занимали курульня кресла (*sellae curules*),
 вмѣстѣ съ погребальной процессіей несли обыкновенно
восковыя маски фамильнаго атріума (*imagines* — такъ
 назывались маски), часто почернѣвшія и законтѣвшія отъ
 времени, но въ которыхъ все-таки можно было узнать чер-
 ты предковъ и воскресить въ воображеніи ихъ память.
 Маски эти обыкновенно стояли въ атріумѣ каждаго дома,
 въ особыхъ нишахъ. Маски несли въ процессіи наемные
 актеры, которые или шли пѣшкомъ, или ѣхали верхами на
 лошадахъ, въ одеждахъ, которыя они носили при жизни
 умершаго; а за ними слѣдовали ликторы. Мысль этого
 несенія масокъ предковъ была, повидному, та, что
 предки олицетворялись провожающими своего потомка
 до его гроба. Вся эта процессія шла впереди, а за нею
 слѣдовали носилки съ покойнымъ, окруженныя трофея-
 ми, когда-либо пріобрѣтенными имъ на войнѣ или въ мир-
 ныхъ состязаніяхъ. Дѣти, родственники, друзья, кліенты
 покойнаго и вольноотпущенники сопровождали печаль-
 ныя носилки, и всѣ были одѣты въ трауръ — мужчины
 съ покрываломъ на головахъ, женщины же при этихъ про-
 цессіяхъ (и только въ этихъ случаяхъ) были *безъ покрывала*.
 Наконецъ, процессія достигала *Форума*. Тѣло
 умершаго ставили передъ переднею частью *ростры*.
 Вокругъ тѣла торжественнымъ полукругомъ ставили
 изображенія его предковъ; полукругомъ же становились
 и статуи предковъ, сидящія въ своихъ курульныхъ
 креслахъ. И въ это время сынъ умершаго или его бли-
 жайшій родственникъ произносилъ рѣчь, въ которой
 восхвалялъ подвиги тѣхъ предковъ покойнаго, восковыя

лица которыхъ были обращены къ нему, и затѣмъ переходилъ къ похваламъ покойнику, доказывая, что онъ явился достойнымъ сыномъ предковъ столь великаго и знатнаго дома. Затѣмъ процессія вновь двигалась съ мѣста и продолжала шествіе къ городскимъ воротамъ вдоль одной изъ большихъ и важныхъ дорогъ, пересѣкавшихъ городъ. Рядомъ съ городскимъ валомъ, въ сторонѣ отъ фамиліной гробницы, въ это время уже готовъ былъ погребальный костеръ для сожженія тѣла. Тѣло клали на костеръ, окропляли его благовоніями, увѣчивали свѣжими гирляндами, какъ послѣдними знаками нѣжпой привязанности и прощанія навсегда... Тогда, отвернувъ лицо, ближайшій родственникъ умершаго факеломъ зажигалъ костеръ. Пламя обхватывало его и густой дымъ облакомъ разстилался по воздуху, при унылыхъ звукахъ роговой музыки и флейтъ и громкихъ завываніяхъ плакальщицъ. Когда костеръ съ тѣломъ сгоралъ до тла, то пепель собирали и смѣшивали его съ виномъ. Затѣмъ его высушивали въ кускѣ ткани, клали въ погребальную урну и помещали въ нишу фамиліной гробницы. Вслѣдъ за тѣмъ жрецъ тоекратно окроплялъ плакальщиковъ очистительною водою и отпускалъ ихъ, произнеся съ особою торжественностью: «*jlicet*» (можете идти). Тогда произносилось передъ прахомъ послѣднее «*прости*» (*vale*), и процессія возвращалась въ городъ. Похоронное празднество (*silicenum*) совершалось встарину у гробницы, но позднѣе — въ домѣ умершаго. Въ его честь и память иногда совершались игры, особенно гладіаторскіе бои. Часто тѣло погребалось въ особомъ гробѣ (*arca*), вмѣсто сожженія; но и въ этомъ случаѣ въ существенныхъ чертахъ церемонія была та же самая. Въ случаѣ, если покойникъ былъ бѣденъ, похороны были, конечно, гораздо

проще и часто безъ церемоніи. Тѣло сожигалось на особо для этого назначенномъ участкѣ земли, на *Аквилинскомъ холмѣ* (см. планъ Рима), и, чтобы избѣжать издержекъ, похороны часто происходили ночью.

Г Л А В А V.

РИМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

1. **Жизнь въ городѣ.**—Выше, въ предшествовавшихъ главахъ, мы попытались изобразить домашнюю жизнь римлянъ. Мы наблюдали за римляниномъ во время обѣда, во время *far niente* въ баняхъ, и въ его упражненіяхъ. Мы познакомились, затѣмъ, съ отношеніями римлянина къ его женѣ, дѣтямъ, рабамъ. Теперь мы будемъ наблюдать римскаго гражданина внѣ его дома, очага, въ его гражданской и общественной жизни; попытаемся также ознакомиться и съ отношеніями римлянина къ его согражданамъ. Но сначала нельзя не оговориться, что общественныя дѣла, по отношенію къ среднему классу гражданъ, занимали у римлянъ далеко менѣе важное мѣсто, чѣмъ это было въ греческихъ городахъ, подобныхъ блестящимъ и оживленнымъ Афинамъ. Мы, однако, этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы общественная жизнь у римлянъ занимала вообще незначительное мѣсто. Несомнѣнно, что великая борьба между патриціями и плебеями подняла духъ партій и интересъ къ общественнымъ дѣламъ весьма высоко, и такъ какъ благородное и плебейское сословіе равно спорили или боролись всегда около какого-либо центрального пункта, и боролись со страстностью и энергіей, то уже это обстоятельство дѣлало ихъ борьбу предметомъ величайшаго интереса. Важно для насъ еще и то, что

римлянинъ ни когда слишкомъ не заботился о препирательствахъ ради самыхъ препирательствъ, и этимъ-то объясняется интересующее насъ обстоятельство, что римлянинъ обыкновеннаго пошиба, не надѣясь на свои личныя ординарныя силы, предоставлялъ вести ихъ руководящимъ государственнымъ ораторамъ, часто отличавшимся дѣйствительно великими талантами, исключая лишь нѣкоторыхъ случаевъ, когда и народъ, *en masse*, толковалъ на форумѣ. Кромѣ того, судебныя мѣста у римлянъ, — (мы знаемъ, что мѣста подобнаго рода у грековъ въ огромной степени поглощали дѣятельность гражданъ), — какъ мы увидимъ ниже, существовали или совершенно безъ *жюри* (присяжныхъ) или же съ *жюри*, но выбранныхъ исключительно лишь изъ богатыхъ классовъ общества. Далѣе и городская-то жизнь у римлянъ очень мало уподоблялась городской жизни у грековъ. Въ древній періодъ, особенно, бѣльшая часть римскихъ гражданъ жила не въ городѣ, а вѣ его, въ своихъ фермахъ или помѣстьяхъ, въ 10-ти или 12-ти миляхъ отъ Рима; да они даже рѣдко и являлись въ городъ, исключая какихъ-либо важныхъ случаевъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ случаевъ были «народныя собранія» (*comitia*), собиравшіяся или для выбора магистратовъ, или для проведенія законовъ, или для рѣшенія вопросовъ о мирѣ и войнѣ. Собраній этихъ было *три* рода: въ *первое* изъ нихъ (*comitia curiata*) допускались только патриціи; во *второе* (*comitia centuriata*) допускались всѣ граждане; однакоже, когда доходило до вотированія какого-либо вопроса, то дѣло получало такой видъ, что голоса представителей древнихъ родовъ и богатыхъ людей получали въ вотированіи несравненно бѣльшій вѣсъ. чѣмъ голоса людей, не принадлежащихъ къ древнимъ родамъ, и бѣдныхъ гражданъ. Въ *третье* собраніе

(*comitia tributa*) приходили всѣ граждане, и они вотировали какой-либо вопросъ, раздробляясь на группы, уже не сообразуясь при этомъ ни съ богатствомъ, ни со знатностью рода, но служа представителями известной части страны, въ которой каждый имѣлъ свой участокъ земли. На первый разъ кажется, что, подобно тому, какъ это было и въ нашей древней англійской исторіи, *при выборахъ въ отдѣльныхъ графствахъ*, — не всякій изъ имѣющихъ участки земли допускался къ праву вотировки въ *comitia tributa*, но послѣ известныхъ, соединенныхъ съ этимъ, ограниченій. Перемены во влияніи этихъ собраній въ высшей степени любопытны въ исторіи Рима, и стоятъ весьма внимательнаго чтенія и изученія. Но что важно для насъ отмѣтить, особенно передъ концомъ Римской республики, — такъ это-то, что главная забота ея состояла въ выборѣ магистратовъ. Римляне, по какой-то несчастной прихоти судьбы, никогда не нападали на мысль — которая лишь одна дѣлаетъ возможнымъ народоправительство въ обширной странѣ — это предоставить въ пользу самихъ представителей разбирательство и рѣшеніе вопросовъ по выборамъ. Было еще довольно естественнымъ явленіемъ, когда правительство Рима право являться и лично говорить и вотировать въ народныхъ собраніяхъ распространяло только лишь на самый городъ и на область, окружающую городъ на нѣсколько миль. Но когда римскіе граждане оказались разсѣянными въ каждой части Италіи, тогда стало яснымъ, что народныя собранія могутъ быть посѣщаемы лишь весьма малою частью гражданъ. И вотъ поэтому-то сила и влияніе въ народныхъ собраніяхъ попала въ руки тѣхъ, кто жилъ въ самомъ городѣ или вблизи его. Тогда-то практика установила обычай сходиться не въ регулярныя собранія (*comitia*), а, такъ

сказать, въ частные митинги, или подраздѣленія собраній (*contiones*), въ которые (какъ это бываетъ и у насъ, въ нашихъ англійскихъ общественныхъ митингахъ) всякій, кому было угодно, гражданинъ или иностранецъ, рабъ или свободный, могъ занимать свое мѣсто и аплодировать или свистать, какъ и сколько душѣ угодно. Конечно, не много было въ Римѣ людей, подобныхъ Сципіону Младшему. Этотъ послѣдній, присутствуя когда-то на одномъ изъ подобныхъ древне-римскихъ митинговъ (*Contiones*) воскликнулъ громко: «Молчать-же! Отребье, пасынки и подонки Итали! Вы думаете, я боюсь, когда кричить тотъ, кого я, какъ раба, могу отправить, въ цѣпяхъ, на рынокъ для продажи!» Но все-таки вожаки партій, выразители общественнаго мнѣнія въ Римѣ, во все не пренебрегали и рыночной чернью¹⁾, а напротивъ — старались заручиться ея поддержкою; и даже величайшія и важнѣйшія дѣла въ Римскомъ государствѣ рѣшались именно на подобныхъ собраніяхъ въ «*Contiones*». Люди, старавшіеся осуществить что-либо, или въ своихъ личныхъ интересахъ, или во имя идеи гуманности, всегда заручались расположеніемъ «крикливой» рыночной черни. Мы легко можемъ понять поэтому, что всѣ серіозные споры и препирательства политическаго характера, происходившіе въ Римѣ, были всегда далеко не успокоительнаго характера для квіетизма и сибаритизма римской знати; и утопавшіе въ роскоши сибариты были, конечно, весьма рады, когда въ эпоху Имперіи «*Contiones*» народа и римской рыночной черни были лишены всякаго реального значенія и обратились въ одну пустую формальность.

2. **Выборы.**—Но во времена Цезаря и Цицерона

¹⁾ „Рыночная чернь.“ — это выраженіе Цицерона.

чрезвычайно важный интерес римской жизни сосредоточивался на выборах. Причина этого огромного значенія выборовъ была двойкая: старинное *различіе* между *патриціями* и *плебеями* уже совершенно выдохлось, замерло по отношенію ко всѣмъ практическимъ цѣлямъ. Возникъ *новый* классъ благородныхъ (*nobiles*), состоявшій изъ тѣхъ людей, отцы и дѣды которыхъ занимали важныя должности въ государствѣ. Быть избраннымъ въ какую-либо изъ наиболѣе значительныхъ магистратуръ для каго-либо, даже быть принятымъ въ число сенаторовъ, — для всего этого нужно было непремѣнное условіе: принадлежать къ указанному новому сословію «*nobiles*». И затѣмъ, съ другой стороны, римскія провинціи были совершенно и безусловно управляемы этими *nobiles*, которыхъ посылалъ для этого провинціального управленія сенатъ, послѣ — однако — годоваго исправленія этимъ посланнымъ должности консула или претора. Эти провинціальные управители, хотя-бы они были даже справедливы и честны, не могли удержаться отъ искушенія наживать на этихъ теплыхъ мѣстахъ богатства, такъ какъ къ этому представлялись всевозможныя удобства. А въ періодъ римской испорченности провинціальные управители просто грабили провинціи. Сколько могли взять, вымучить, выжать, — они выжимали и вымучивали изъ несчастныхъ провинціаловъ. Только одного могли опасаться и опасались эти люди: опасности судебного преслѣдованія за злоупотребленія по возвращеніи въ Римъ. Но, въ періодъ распущенности римскихъ правовъ, суды смотрѣли снисходительно и оправдывали не только подкуны и взятки, а еще и худшія преступленія. Мы знаемъ, что одинъ благородный римлянинъ хвасталъ, какъ онъ разжился лишь въ *трехъ-годичное* управленіе провинціей. За *первый*

годъ управленія онъ получилъ столько, что могъ уплатить свои громадныя долги; во *второй* годъ нажилъ большіе излишки; въ *третьей* годъ составилъ себѣ такое состояніе, которое обезпечивало всю его остальную жизнь. И вотъ, теперь, когда римскому народу предложено было руководиться въ политикѣ своими любимыми вождями, — эти вожди твердо и прочно захватили въ свои руки операцію выборовъ — вѣдь это и была цѣль ихъ стремленій!.. Въ то время, когда Римъ былъ занятъ упорною борьбою за свое существованіе съ такими врагами, каковы были Пирръ, самниты или Ганнибалъ, тогда мало было причинъ опасаться, что военная сила государства не будетъ ввѣрена честнымъ и искуснымъ вождямъ. Это обусловливалось уже самою силою вещей. Мы знаемъ, впрочемъ, одинъ случай изъ Римской исторіи, когда магистратъ (чиновникъ), предсѣдательствовавшій на выборахъ, отказался принять (одобрить) голосованіе народа за кандидата, котораго считалъ неспособнымъ, пригласилъ этого кандидата отпираться всячь, а народъ пригласилъ подавать голоса въ пользу новаго лучшаго кандидата. Но когда получила развитіе и окрѣпла Римская Имперія, когда опасность отъ вѣнскихъ враговъ, повидимому, сдѣлалась гораздо меньше, тогда народныя выборы стали опредѣляться, большею частью, популярностью кандидата; популярность же эта часто просто пріобрѣталась искусственно, или, безъ дальнихъ церемоній, путемъ подкупа. Немного спустя послѣ Второй Пунической войны уже явилась въ Римѣ настоятельная потребность издать законъ противъ подкуповъ. Но уже утвердившееся въ практикѣ злоупотребленіе искоренить было невозможно, какъ скоро у богатыхъ людей вошло въ привычку *покупать* голоса народа. Послѣ этого,

законъ издавался за закономъ, и одинъ другого строже; но все-таки въ результатѣ оказалось то, что это лишь научило изобрѣтательныхъ и вмѣстѣ безнравственныхъ людей и негодяевъ обходить законъ, и злоупотребленіе посредствомъ подкуповъ ни когда не господствовало въ Римѣ съ такою силою, какъ въ послѣдніе дни Республики.

3. **Собирание голосовъ.** — Если римлянинъ желалъ выборовъ въ магистратуру, то ему необходимо было обходить представителей народа (*ambire*), чтобы заручиться голосованіемъ. Самое дѣйствіе этого исканія голосовъ выражалось существительнымъ *ambitus* или *ambitio* (обходъ, обхождение). Отъ этого слова у всѣхъ европейскихъ народовъ произошло слово *ambition*, получивъ, конечно, совершенно другое значеніе. Этотъ ищущій голосовъ для выборовъ гражданинъ являлся въ форумъ, на Марсово Поле, или же на другія мѣста общественныхъ собраній. Одѣтъ онъ былъ въ особую бѣлую чистую тогу (*candida*) и отсюда онъ носилъ названіе *candidatus*. Его окружали при этомъ влиятельныя друзья (*deductores*); за нимъ слѣдовала толпа кліентовъ или бѣдныхъ гражданъ (*sectatores*). Кандидатъ ходилъ вокругъ и жаль руки будущихъ вотирущиковъ и просилъ ихъ поддержки при подачѣ голосовъ. Такое пожиманіе руки носило специальное названіе *prensatio*. При этомъ особый рабъ (*nomenclator*) произносилъ ему имена тѣхъ (изъ вотирующихъ), которыхъ онъ не могъ знать — для того чтобы обратиться къ нимъ надлежащимъ образомъ — съ просьбою о поддержкѣ. Когда привилегіи римскаго гражданства были распространены на всю Италію, тогда представилось необходимымъ объѣзжать италійскіе провинціальныя города, для того, чтобы въ каждомъ изъ этихъ городовъ

заручиться вотировкою гражданъ. Самъ Цицеронъ, въ то время, когда искалъ консульства, думалъ отправиться для этой цѣли (собиранія голосовъ) въ колоніи Цизальпинской Галліи. По обыкновенію, каждый гражданинъ имѣлъ надежду, что его земляки (одного съ нимъ города) поддержать его на выборахъ, тѣмъ болѣе, что ищущій должности, на практикѣ, уже всегда дѣлалъ затраты на народныя празднества и увеселенія и вообще на пожертвованія для народа. Угощеніе и задабриваніе гражданъ было, правда, запрещено различными законами; но эти законы весьма часто «обходили» — и тутъ уже былъ *ambitus*, только въ другомъ смыслѣ. Было уже довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ Римѣ, что кандидатъ на общественныя должности давалъ предварительно общественныя увеселительныя зрѣлища, игры, банкеты, передъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, покажѣсть домогающійся не дѣлался формально «кандидатомъ» и часто предварительно онъ занималъ какую-нибудь низшую должность. Изъ этихъ должностей *эдилство* давало наибольшіе шансы и удобства для успѣха, и это потому, что должности эдила преимущественно искали послѣ общественныхъ увеселеній (см. ниже), и вообще такія частныя лица имѣли болѣе средствъ заплатить за издержки на общественныя увеселенія, чѣмъ само государство; иногда и преторъ давалъ ту же самую сумму.

4. **Вотированіе** (подача голосовъ). — День для выборовъ былъ утверждаемъ магистратомъ, который и предсѣдательствовалъ на этихъ выборахъ, дѣйствуя при этомъ, обыкновенно, соотвѣтственно указаніямъ и желанію сената. *Comitia centuriata*, — собранія, въ которыхъ избирались высшіе магистраты или чиновники, обыкновенно имѣли мѣсто въ *Campus Martius*, внѣ городскихъ стѣнъ (см. планъ Рима). Въ *Comitia*

tributa, собиравшіяся тоже въ Campus Martius, иногда же въ Фогий'ѣ или въ циркѣ (см. планъ). Въ этихъ собраніяхъ избирались *трибуны* и *эдилы* и вообще менѣе важные и значительные магистраты. Самое «Марсово Поле» (Campus Martius) раздѣлялось на четыре отдѣла (*saepta*), по которымъ трибы или центуриіи подавали свои голоса. Для этой цѣли, прежде всего, у входа въ каждый отдѣлъ трибы ставили военнаго чиновника, и послѣдній спрашивалъ гражданъ: въ пользу кого они вотируютъ, и, послѣ разспроса, ихъ вотированіе отмѣчалось на спискахъ кандидатовъ. Отмѣтка состояла въ томъ, что вкалывали пунктъ или точку на досчечкѣ (*tablinum*) противъ имени того лица, за котораго идетъ вотированіе, такъ что встрѣчающееся у поэта Горация выраженіе *punctum ferre* пужно понимать въ смыслѣ «пріобрѣтать вотированіе». Однакоже, впослѣдствіи, уже закономъ было предписано подавать голоса посредствомъ шаровъ. При этомъ способѣ вотирования каждый подающій голосъ получалъ особую бѣлую досчечку (бланкѣ) (*tabella*); на ней онъ и писалъ имя кандидата, за котораго онъ вотировалъ. Подаваніе голосовъ сосчитывали, и результатъ подачи публично сообщался предсѣдательствовавшимъ магистратомъ.

5. Почести, присвоивавшіяся магистратамъ. — Магистраты (чиновники) въ Римѣ раздѣлялись на разные классы и виды, и каждому виду были присвоены своя власть и свое уполномочіе. Но, можетъ быть, мы удобнѣе представимъ жизнь римскую, на примѣръ во времена Цицерона, если приведемъ здѣсь характеристику тѣхъ почестей, которыя получали магистраты. На примѣръ, неотъемлемый спеціальныи знакъ магистеріальной власти состоялъ въ сопровожденіи *лж-*

торами (Lictores) имѣющаго эту власть. Ликторами же назывались чиновники втораго порядка, шедшіе впереди какого-либо магистрата, для того, чтобы очистить ему дорогу въ многочисленной толпѣ на улицѣ и передавать другимъ его приказанія. Эти ликторы всегда были одѣты въ національную римскую тогу. Въ лѣвой рукѣ они носили знаменитые *Fasces*, покоившіеся на плечѣ. Эти *Fasces* были связки или пучки изъ вязовыхъ прутьевъ, прикрѣпленныхъ къ центральной оси. Эти пучки были знаками права магистрата «высѣчь» или даже «обезглавить» своихъ оскорбителей. Они были также орудіями, которыми совершалось наказаніе. Только внутри стѣнъ города магистраты не имѣли надъ гражданами права жизни и смерти, и самый знакъ этого права, сѣкиру, отнимали отъ пучка *Fasces*, когда ликторы шли по улицамъ Рима. Консулы и лица, облеченныя властью консула (*pro consule*), командирюемые для управленія какою-либо провинціею, сопровождались каждый 12-тью ликторами, когда они шли по улицамъ. Преторъ, по общему правилу, имѣлъ *шесть* ликторовъ, но когда онъ былъ въ Римѣ, то имѣлъ право сопровождаться только *двумя* ликторами. Эдилы же вовсе не сопровождали ликторы, исключая случаевъ, когда они производили судебныя рѣшенія, и для насъ представляется удивительнымъ, что самые высшіе магистраты въ Римѣ, цензоры, не имѣли права имѣть *ни одного* ликтора. Затѣмъ, магистраты имѣли свои особенныя почетныя сѣдалища; высшіе магистраты имѣли такъ называемыя *Sellae curules*, — названіе, объясняющееся тѣмъ, что это кресло сначала номѣщалось въ колесницѣ (*Currus*); но впоследствии, когда, по тѣсной застройкѣ Рима, было уже трудно двигаться по его улицамъ, *Sella curulis* стала представлять собою лишь

сѣдалище особой парадной формы (см. выше). Плебейскіе трибуны (*tribuni plebis*) имѣли право сидѣть лишь на особой формы скамьѣ (*subsellium*), на которой эти трибуны садились вмѣстѣ. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на специальное право возсѣданія магистрата въ то время, когда граждане стояли въ его присутствіи. Объ одеждѣ магистратовъ мы говорили выше; но здѣсь мы должны прибавить, что, напримѣръ, нолководецъ, послѣ какой-либо блестящей побѣды, не только имѣлъ право надѣть на себя обшитую пурпуромъ тогу (*toga picta*) и тунику, украшенную фигурами, вышитыми золотомъ (*tunica palmata*), но даже бралъ въ руку скипетръ изъ слоновой кости, имѣвшій на верхушкѣ изображеніе орла, — птицы, посвященной Юпитеру, а также надѣвалъ на голову лавровый вѣнокъ.

6. Судебныя присутствія и судебныя засѣданія. — Въ самое раннее время римской жизни, на царя смотрѣли какъ на отца народа; и царь имѣлъ надъ гражданами ту же самую власть, какую имѣетъ отецъ надъ членами своей семьи. Онъ наказывалъ преступленія, заботился о благѣ государства, какъ цѣлаго, или же о частныхъ членахъ его, соотвѣтственно своимъ собственнымъ идеямъ справедливости; и если его карающая нарушителей закона власть была, до извѣстной степени, ограничена, то это было лишь благодаря обычаямъ его предковъ, которые (обычаи) имѣли для него силу закона. Онъ могъ даровать аппеляцію на свой судъ къ гражданамъ, собиравшимся въ общественныхъ собраніяхъ (въ комиціяхъ); но это еще не даетъ основанія думать, что онъ былъ обязанъ даровать право на такую аппеляцію. Въ случаяхъ легкихъ обидъ онъ опредѣлялъ сумму штрафа, которую обязанъ былъ за-

платить обидившій потерпѣвшему. Если же оскорбленіе было важное или тяжкое, то онъ могъ *исключить* преступника изъ священнаго круга гражданъ, объявить его «преданнымъ» или посвященнымъ (*sacer*) илзшимъ богамъ и предать его смерти тѣмъ средствомъ, которое покажется ему лучшимъ; это, разумѣется, видоизмѣнялось, смотря по природѣ преступленія. Онъ могъ собрать совѣтъ изъ нѣкоторыхъ старшихъ гражданъ (*senatores*) или передать судъ извѣстнаго дѣла депутатамъ, избраннымъ изъ этихъ сенаторовъ. Изъ этой комисиіи выбирались двое, называвшіеся *quaestores parricidii*, которыхъ обязанность была преслѣдовать, ловить и представлять суду убійцъ, а также и другихъ преступниковъ. Послѣ изгнанія царей, царская обязанность *суда* въ засѣданіяхъ перешла къ *консуламъ*; но однимъ изъ самыхъ древнихъ законовъ Римской республики было предусмотрѣно, что здѣсь возможна была аппеляція къ цѣлому составу гражданъ, въ случаѣ, если жизнь гражданъ была въ опасности. Въ то же самое время утвердился обычай, по которому консулъ долженъ былъ опредѣлять норму судебныхъ воззрѣній по отношенію къ другимъ гражданамъ, дѣйствовавшимъ въ качествѣ судебныхъ депутатовъ. Въ наше время мы должны тщательно и наиболѣе ясно различать то, что въ современныхъ законахъ извѣстно подъ именемъ преступленій *гражданскихъ* и *уголовныхъ*. Линія между этими двумя областями судопроизводства въ то время не была проведена такъ рѣзко и рѣшительно, какъ у насъ; но мы можемъ вообще сказать, что *первая* группа судебныхъ дѣлъ (т. е. гражданскій процессъ) содержала въ себѣ тѣ виды правонарушеній, вслѣдствіе которыхъ искали себѣ удовлетворенія частные граждане; *вторая* группа заключала въ себѣ всѣ правонаруше-

нія, наказываемыя магистратами, какъ преступленія противъ государства. Для уголовныхъ преступленій судьями были *квесторы*,—это собственно въ дѣлахъ, касающихся *жизни* гражданина, касающихся его *сарит* (голова), касающихся его безопасности и благосостоянія. Въ этомъ отношеніи намъ нужно припомнить, что гражданину, сдѣлавшему уголовное преступленіе, присуждалась та же *потеря головы*, т. е. лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ, какъ будто онъ дѣйствительно терялъ съ своихъ плечъ «голову». Повидимому, судьи этой *первой* категоріи (*quaestores*) разсматривались, какъ представители царскаго или консульскаго авторитета, и, слѣдовательно, апелліація на ихъ рѣшеніе должна была направляться къ народному собранію. Такимъ образомъ дѣло было обсуждаемо въ *трехъ* различныхъ собраніяхъ и *одинъ* разъ въ *четвертомъ* собраніи (народномъ, гдѣ подавались мнѣнія: нужно или нѣтъ утвердить рѣшеніе магистрата?). Но съ теченіемъ времени произошла перемѣна въ самомъ положеніи этихъ категорій судебныхъ инстанцій. Впослѣдствіи процессъ апеллірованія къ народу—это сдѣлалось тогда, когда въ государствѣ возросло число гражданъ,—сдѣлался весьма неудобнымъ и неловкимъ. На квесторовъ, которые (позднѣе), при умноженіи числа гражданъ, были избираемы народомъ, стали смотрѣть какъ на магистратовъ, стоящихъ за пользу и интересы народа. Поэтому-то, вспомошествоваемые *собраніемъ* (*consilium*) сенаторовъ, квесторы подвергали своему тщательному разсмотрѣнію все, чтѣ предлагалось имъ, и постановляли свой приговоръ относительно этого предложеннаго, и этотъ приговоръ разсматривался какъ сужденіе *народа*, произнесенное устами представителей этого народа, такъ что уже дальнѣйшая апелліація,

помимо квесторовъ, была невозможна. Затѣмъ послѣдовала другая переменѣна, по поводу которой нѣкоторые писатели думаютъ, что она касалась реальнаго положенія квесторовъ. Уголовныя наказанія, налагавшіяся квесторами, часто были легки (ничтожны), и выручаемы ими деньги съ громаднымъ избыткомъ вознаграждали бремя службы, которое они несли для государства. Кроме того, за ихъ службу шли огромные доходы и изъ другихъ ресурсовъ; и въ то время, когда Римское государство сдѣлалось богаче, финансовое управленіе сдѣлалось важнѣйшею частью квесторскихъ обязанностей. Затѣмъ, когда Римъ велъ войны въ какой либо отдаленной странѣ, квесторы присутствовали въ арміи, въ качествѣ казначеевъ и раздатчиковъ жалованья солдатамъ, а также и въ качествѣ судей. Далѣе, нѣкоторое время, въ Римѣ былъ обычай назначать спеціальныхъ коммиссіонеровъ, также называвшихся «квесторами», для того, чтобы, отъ имени римскаго народа, изслѣдовать важнѣйшія дѣла и пронести по нимъ приговоры, рѣшаемые въ совѣтѣ (*consilium*). По этотъ планъ сдѣлался также неудобнымъ для общаго употребленія въ то время, когда число гражданъ римскихъ возросло, и тогда, вмѣсто назначенія спеціальныхъ коммиссіонеровъ и совѣта (*consilium*) для каждаго отдѣльнаго случая, были учреждены постоянныя коммиссіи (*quaestiones perpetuae*). Первая изъ такихъ постоянныхъ коммиссій была учреждена въ 149 г. до Рождества Христова, для изслѣдованія дѣйствій губернаторовъ, грабившихъ свои провинціи, и затѣмъ были созданы другія подобныя же спеціальныя коммиссіи, для того, чтобы каждая изъ нихъ обслѣдовала особую категорію правонарушеній. Эти коммиссіи, дѣйствительно, были представительни-

цами общаго народнаго собранія, и на ихъ вердикты уже не было и не могло быть апелляціи. Сначала члены подобныхъ комиссій были избираемы изъ сенаторовъ; затѣмъ, вслѣдствіе реформы *Гайя Гракха*, ихъ избирали изъ сословія богатыхъ торговцевъ, которые назывались всадниками (*equites*); но, послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ, было окончательно установлено, чтобы они избирались частью изъ сенаторовъ, частью изъ всадниковъ, а частью и изъ сословія мелкихъ чиновниковъ, называвшихся *tribuni aerarіi*. Начальникъ или руководитель всякаго судебного разслѣдованія собственно выбирался изъ преторовъ. Но когда число этихъ судебныхъ комиссій уже сильно возросло, то мѣсто претора часто было замѣщаемо особымъ депутатомъ, называемымъ *judex quaestionis*. Нѣкоторые изъ гражданъ являлись въ этомъ случаѣ въ качествѣ прокурора, или государственнаго прокурора, возбуждавшаго искъ. И это было весьма обыкновеннымъ явленіемъ, особенно по отношенію къ молодымъ честолюбивымъ людямъ, желавшимъ практиковаться и отличиться въ краснорѣчій и сдѣлать себѣ въ политической сферѣ имя, управлять, затѣмъ, какою-либо провинціею (по образу извѣстнаго грабительскаго управленія) или, путемъ подкупа, сдѣлаться кандидатомъ. Что касается пожилыхъ людей, то эти послѣдніе ограничивали себя, большею частью, ролью защитниковъ въ судебныхъ процессахъ, въ которыхъ, въ качествѣ обвиненныхъ, фигурировали ихъ друзья или знакомые. Поэтому-то большая часть рѣчей Цицерона была произнесена въ судебныхъ собраніяхъ, исключая тѣхъ рѣчей, — относящихся къ началу карьеры Цицерона, — въ которыхъ великій ораторъ, имѣя нѣчто въ родѣ прокурорской инициативы, обвинялъ какое-нибудь лицо, возмутившее общество злоупотребе-

ніями. Таковы, напримѣръ, рѣчи Цицерона противъ извѣстнаго *Верреса* (*Веррины*, *Orationes Verrinae*). Нѣкоторые римскіе граждане призывались говорить рѣчи въ защиту какого-либо обвиняемаго, и мы находимъ иногда трехъ или четырехъ адвокатовъ (*patroni*), принимавшихъ участіе въ судебной защитѣ. Существовалъ въ Римѣ законъ, запрещавшій давать адвокату денежное вознагражденіе; но, повидимому, этотъ законъ часто обходился, нарушался, и впослѣдствіи, когда въ Римѣ громадно развилась адвокатура, она сдѣлалась не только источникомъ политическаго вліянія и силы, но и весьма значительныхъ богатствъ. Вотированіе или подача голосовъ производилось баллотировкою (шарами). Приговоръ суда надъ виновнымъ во многихъ случаяхъ состоялъ въ томъ, что онъ «*лишался огня и воды*» (въ своемъ отечествѣ), т. е. это значило, что онъ долженъ былъ быть изгнанъ изъ Италіи и переставалъ быть *гражданиномъ Рима*.

Постоянныя судебныя комиссіи были принаровлены къ наказаніямъ за важныя преступленія. Цѣль ихъ была—кара. Наиболѣе скорую (безъ особыхъ проволочекъ и формальностей) юрисдикцію — подобную юрисдикціи полицейскихъ магистратовъ въ Англій—имѣли, конечно, въ дѣлахъ меньшей важности, *triumviri capitales*. Это были военные чиновники высокаго ранга, присоединявшіеся своею дѣятельностью къ дѣятельности претора или консуловъ, для того, чтобы наблюдать за безопасностью города во время ночи,—для того, чтобы ловить и арестовывать ночныхъ воровъ и грабителей и предупреждать случаи пожаровъ. Эти чиновники сначала назывались *triumviri nocturni*; впоследствии они избирались народомъ и получали судейскія полномочія. На рабовъ и припельцевъ они имѣли власть на-

лагать наказанія, въ силу своего собственнаго авторитета. На форумѣ находился особый столбъ, называвшійся *Columna Maenia*, или *C. Menia* (для краткости его называли просто *Columna*). Здѣсь преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію, бичевали особые, приставленные для этого, экзекуторы, находившіеся въ службѣ триумвировъ (*triumviri capitales*). Передъ бичеваніемъ особый глашатай громко прочитывалъ существо преступленій обвиненныхъ и состоявшійся о нихъ приговоръ. Но когда дѣло представлялось особенно важнымъ, когда граждане были поражены или возмущены преступленіемъ, тогда они требовали перенесенія дѣла въ высшій трибуналъ, наименованній англійскіе магистраты, въ которыхъ судятъ заключенныхъ преступниковъ при посредствѣ *суда ассизовъ* (присяжныхъ ¹⁾).

¹⁾ Чтобы имѣть отчетливое понятіе о засѣданіяхъ ассизовъ въ Англій, нужно имѣть, хотя въ общихъ чертахъ, знакомство съ англійскими судебными установленіями. Лорды, главные судьи Англій, по два вмѣстѣ, сопровождаемые при томъ 4-мя адвокатами, ежегодно объѣзжаютъ два раза (въ февралѣ и мартѣ и лѣтомъ—въ іюль и августѣ) всѣ графства, останавливаясь въ главныхъ городахъ судейскихъ округовъ (въ Англій этихъ округовъ 6, въ Валлисѣ 4), куда на это время съѣзжаются всѣ главнѣйшіе помѣщики даннаго графства. Эти суды называются также *обяздными* судами (*Circuit-Courts*). Установлены они при королѣ Генрихѣ II Плантагенетѣ, еще въ половинѣ XII в., какъ для допроса и выслушанія на мѣстѣ тяжущихся и свидѣтелей, такъ и для рѣшенія разныхъ споровъ и для надзора за оглавленіемъ правосудія шерифами и мировыми судьями. Вотъ эти-то засѣданія страпствующиыхъ судей и называются *ассизами*; самые же судьи эти называются *Itinerant Judges*; продолжаютъ эти засѣданія по нѣскольку дней, для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и для

7. Гражданскіе иски.—Если какой-либо римскій гражданинъ заявлялъ обвиненіе на другаго гражданина, обвиненіе въ томъ, что преступленіе было направлено на него лично, тогда судъ и самый судебный процессъ уже совершенно отличался отъ того, который уже былъ нами описанъ. Здѣсь намъ нѣтъ возможности входить подробно въ детали римскаго законодательства; однако же, изученіе этого законодательства представляется весьма интереснымъ и имѣетъ огромное значеніе, потому что идеи римскаго законодательства въ вопросахъ, касающихся собственности, наслѣдства, а также разныхъ личныхъ соглашеній (контрактовъ), имѣли громадное вліяніе на законодательства всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Но все-таки, при всей громадной обширности этого предмета, намъ слѣдуетъ сдѣлать объ немъ лишь нѣсколько замѣчаній, только для характеристики того, какъ вообще велись въ Римѣ гражданскіе процессы. Мы уже видѣли выше, что въ криминальномъ отношеніи вся сила суда (въ первый періодъ римской жизни) заключалась въ царѣ, въ его власти, въ его авторитетѣ, а затѣмъ—въ авторитетѣ консуловъ; а затѣмъ, въ вспомоствованіе имъ, присоединился особенный депутатъ, который и обсуживалъ все дѣло, велъ весь процессъ. Но потомъ, въ болѣе поздній періодъ римской жизни, веденіе частныхъ или гражданскимъ дѣлъ при-

приложенія большой печати (the Great Seal) къ рѣшеніямъ, во имя короля, особыхъ пяти родовъ дѣлъ. Приговоры этихъ объѣздныхъ судовъ = рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ *во второй инстанціи* суда. Поэтому апелляціи подаются: либо въ очередные вестминстерскіе суды, либо въ верхнюю палату парламента. Въ Шотландіи и Ирландіи упомянутые объѣзды производятся только председателями уголовныхъ судовъ Эдинбурга и Дублина.

Прим. перев.

няло существенно отличный характеръ. Самый ходъ процесса, самое дѣйствіе, были раздѣлены на *два* части, существенно различныя между собою. Въ первой части процесса на первомъ планѣ стояло предсѣдательство магистрата (судебнаго чиновника), который, въ позднѣйшее время римской жизни, всегда былъ преторъ. Этотъ послѣдній соблюдалъ, чтобы судебный процессъ шель въ строго соотвѣтственной ему формѣ. Впослѣдствіи, главная роль въ этомъ процессѣ перешла къ третейскому или мирному *судьѣ (judex)*, который долженъ былъ изслѣдовать всѣ частныя вопросы даннаго факта, и затѣмъ, соотвѣтственно строгому изслѣдованію, произнести свое рѣшеніе. *Первая* часть процесса называлась: быть *in jure*—*вторая* быть *in judicio*. Въ раннее время Рима, въ періодъ Республики, истецъ долженъ былъ произносить свою жалобу извѣстными фразами, по строго и точно опредѣленной формулѣ, какъ предписывала буква закона. Напримѣръ: въ источникахъ мы читаемъ объ одномъ римскомъ истцѣ, который возбудилъ процессъ по поводу убытковъ, причиненныхъ соседомъ его винограднику. Но искъ его былъ отвергнутъ, потому что законъ, по своей буквѣ, не имѣлъ въ виду охраненія виноградника, какъ собственности, а имѣлъ въ виду лишь охраненіе деревь. Такъ узка и суха была и у римлянъ юридическая казуистика, особенно въ первое время!.. Это было въ то время, когда фразы для законныхъ формулъ составляли секретъ патриціанскаго сословія, такъ что далеко не всегда можно было найти истцу удовлетвореніе въ легальной формулѣ, помимо присутствія патриція. И этотъ порядокъ вещей тяготѣлъ надъ Римомъ еще два вѣка послѣ изгнанія царей, и такой порядокъ вещей прекратился лишь тогда, когда *Гней Флавій (Gnaeus Flavius)*, писецъ или клеркъ

знаменитаго цензора *Аппія Клавдія*, съ дозволенія, или можетъ быть и вовсе безъ дозволенія, своего господина, написалъ ясный образецъ формуль закона, которые и прочиталъ во всеуслышаніе на форумѣ и сдѣлалъ эти формулы общедоступными и общепонятными. Немного же спустя послѣ этого, совершилась великая и важная реформа даже и въ самомъ способѣ веденія судебныхъ дѣлъ, и вмѣсто того, чтобы—какъ бывало прежде—истецъ обязанъ былъ избирать и составлять собственный отчетъ своего дѣла *legis actio*, подъ своей собственной отвѣтственностью, теперь уже преторъ, выслушивая жалобщика или истца, самъ давалъ исходъ дѣлу посредствомъ извѣстной опредѣленной *формулы (formula)*, произносившейся передъ судомъ. Самая древняя форма римской процедуры была, какъ говорятъ, *sacramento*. Изъ этихъ двухъ частей процесса каждая оставляла въ рукахъ суда извѣстную денежную сумму, которая видоизмѣнялась смотря по количеству собственности, подлежавшей спору, что составляло залогъ или поруку (*sacramentum*), что вообще процессъ велся правильно. Тогда уже переходили къ суду, и мирный или третейскій судья давалъ свое рѣшеніе; выигравшій судебный процессъ получалъ обратно свой залогъ; но у потерявшаго процессъ залогъ конфисковался, когда дѣло доходило до платежа судебныхъ издержекъ. Были въ Римѣ въ употребленіи и другіе способы судопроизводства; но главною чертою во всѣхъ этихъ способахъ было то, что предсѣдательствующій магистратъ могъ отмѣнять законъ, примѣняющійся къ данному случаю, и, повидимому, этотъ магистратъ велъ передъ судомъ искъ по своему образцу и своему уразумѣнію, и затѣмъ относился, по поводу даннаго дѣла, къ третейскому или мирному судѣ, чтобы тотъ рѣшилъ, которая изъ сто-

ронъ права, какъ по положенію дѣла, такъ и фактамъ. Иногда, когда самое дѣло было многосложно и затруднительно, преторъ не рѣшался отсылать его къ простому третейскому судѣ, но отсылалъ его суду Ста мужей (*Centumviri*), которые, повидимому, избирались народомъ, и притомъ въ важныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Когда же римскій гражданинъ вступалъ въ тяжбу съ какимъ нибудь иностранцемъ, то это дѣло переносилось въ особый специальный второстепенный судъ, къ такъ называемымъ *рекуператорамъ* (*recuperatores*), и здѣсь процессъ былъ уже свободенъ отъ скучныхъ утомительныхъ формальностей обычнаго римскаго процесса, и часто случалось, что римскіе граждане предпочитали въ своихъ искахъ обращаться скорѣе къ суду рекуператоровъ, чѣмъ къ институту настоящихъ судей.

Можно вообще сказать, какъ мы уже видѣли, что римскія судебныя учрежденія имѣли, во всѣхъ отношеніяхъ, тотъ практическій характеръ, какого слѣдовало ожидать отъ учрежденій народныхъ. Несомнѣнно, что во многихъ важныхъ криминальныхъ процессахъ эти судьи рѣшали дѣла неудовлетворительно и компромитировали судъ. Что касается до института жюри или присяжныхъ, то у римлянъ эти послѣдніе или были уже слишкомъ снисходительны, потому что происходили изъ того же класса, къ которому принадлежалъ обвиняемый, или они были склонны къ взяточничеству и подкупамъ въ самой безстыдной и безцеремонной формѣ, — или же часто они подчинялись партіямъ и мятежнымъ политическимъ мотивамъ. Съ другой стороны, римскіе гражданскіе суды, когда они были уже свободны отъ несправедливыхъ патриціанскихъ привилегій, дѣйствовали весьма хорошо. Законы, во имя которыхъ они

дѣйствовали, были ясны и опредѣленны, и если часто въ нихъ преобладала формальная сторона, то, все-таки, въ нихъ былъ характеръ равенства и безиристрастїя. Для высшихъ классовъ римскаго общества, изъ которыхъ выходили все магистраты, третейскіе суды и адвокаты, эти суды были превосходною начальною школою, превосходнымъ введеніемъ въ область практическаго знанія закона и публичной судебной защиты. Но за то низшіе классы римскаго общества ни когда не принимали въ гражданскихъ судахъ какого-либо участія, и уже совершенно лишены были того, чтò составляло самое могучее средство воспитанія въ Греціи, особенно же въ Аѳинахъ...

Теперь мы, въ нашемъ изложеніи, должны перейти къ той формѣ римской общественной жизни, которая одна составляла всю чарующую прелесть для низшихъ слоевъ римскаго народа временъ Императоровъ. Поэтъ Ювеналь говоритъ о римскомъ народѣ своего времени: «Народъ, который нѣкогда давалъ изъ своей среды полководцевъ, магистратовъ, воиновъ и все, подобное этому, теперь уже *удерживается отъ этого*, и если къ чему этотъ народъ страстно и ревностно привязанъ, такъ это къ двумъ вещамъ: къ *хлѣбу* и *играмъ въ циркѣ* (panem et circenses!).

Къ описанію этихъ-то увеселеній въ Римѣ мы и перейдемъ.

8. Общественныя игры и увеселенія въ Римѣ. — Какъ извѣстно, публичныя пародныя увеселенія существовали въ Римѣ съ самыхъ раннихъ временъ; однакожь то, чтò намъ разсказывается объ играхъ Ромула — не можетъ быть вѣрнымъ въ той формѣ, въ которой дошелъ до насъ подобный разсказъ. Игры и состязанія въ циркѣ не могли существовать до времени Тарк-

винія Приска. Этотъ послѣдній осушилъ для этой цѣли болотистую долину, лежавшую между холмами *Палатинскимъ* и *Авентинскимъ*, (см. планъ Рима), и здѣсь-то, постепенно, началъ устраиваться циркъ; до этого же времени въ Римѣ, не было даже попытки учрежденія бѣговъ или другихъ игръ подобнаго рода. Подобно многимъ другимъ нововведеніямъ и переменамъ, цирковыя увеселенія, повидимому, заимствованы Римомъ отъ сѣверныхъ сосѣдей, отъ этрусковъ, хотя весьма многое въ этомъ отношеніи представляется подражаніемъ однороднымъ греческимъ празднествамъ. Намъ, съ нашей точки зрѣнія, кажется страннымъ, когда мы узнаемъ, что первоначально для древнихъ ристалищныя игры были средствомъ умилостивленія боговъ; и дѣйствительно такое значеніе ристалищныя состязанія имѣли преимущественно въ честь земныхъ (хтоническихъ) божествъ, или производительныхъ силъ земли. Сама земля, сами эти производительныя силы, могли, съ точки зрѣнія древнихъ, даровать людямъ или же лишить ихъ обилія плодовъ, обилія жатвы и скота. Поэтому-то мы видимъ, что ристалищныя игры совершались у древнихъ часто во время моровой язвы или голода.

Большой циркъ въ Римѣ (*Circus Maximus*, см. планъ) простирался около 600 ярдовъ въ длину и 200 ярдовъ въ ширину*). Имѣя общую форму круглую или овальную, онъ представлялъ рядъ сидѣній для зрителей. Передняя часть этихъ рядовъ сидѣній или скамей была сдѣлана изъ камня и предназначалась для сенаторовъ и всадниковъ. Скамьи задняго ряда были деревянные и назначались для помѣщенія всѣхъ вообще, не осо-

*) Т. е. такъ какъ ярдъ=3 фут., то, на русское измѣненіе, длина цирка будетъ равняться $257\frac{1}{7}$ саж., а ширина $85\frac{6}{7}$ саж.

бенно чиновныхъ, граждапъ. При Юліи Цезарѣ циркъ въ Римѣ вмѣщаль 150,000 народа; впоследствии, когда циркъ былъ отстроенъ послѣ пожара, онъ могъ уже вмѣщать въ себя, по извѣстіямъ авторовъ, заразѣ до 250,000 зрителей. На одномъ концѣ цирка были устроены особыя помѣщенія, окруженныя рѣшетками. Это были стойла для лошадей (*carceres*). Отъ этой черты состязавшіяся колесницы одновременно начинали бѣгъ. Ниже центра находился низкій валъ (*spina*) украшенный статуями, колоннами, алтарями и пирами. На каждомъ концѣ цирка находился ристалищный поворотъ (*meta*), обозначавшійся тремя соединенными вмѣстѣ столбами, вокругъ которыхъ должны были обѣзжать колесницы. Обыкновенное протяженіе бѣга для каждаго раза (*missus*) равнялось 7-ми оборотамъ цирковой колесницы, т. е. почти болѣе 3-хъ англійскихъ миль; на каждомъ концѣ низкаго вала (*spina*) находились 7-мь большихъ шаровъ, имѣвшихъ, впрочемъ, болѣе овальную форму и помѣщенныхъ на колоннахъ. Послѣ каждой исполненной части пространства бѣга, одинъ изъ этихъ шаровъ снимался, такъ что всѣ зрители сразу могли знать, сколько пространства состязающіеся пробѣжали и сколько еще остается бѣжать.

Игры введены были въ Римѣ Тарквиніемъ Прискомъ, въ честь тѣхъ божествъ, которымъ онъ построилъ большой храмъ на Канитолійскомъ холмѣ въ честь Юпитера, Юноны и Минервы. Эти игры назывались *Ludi Romani* или *Ludi Magni*, и сначала онѣ продолжались лишь *одинъ* день, потомъ до *пяти* дней, начиналъ съ сентября (4 мѣсяца). Но кромѣ сейчасть названныхъ, существовали еще и другія игры, въ честь различныхъ боговъ и богинь. Наиболѣе значительныя изъ нихъ *Megalasia* = *Ludi Megalenses* въ честь Великой

атери боговъ, Цибелы, бывшія въ началѣ и *Floralia* въ концѣ апрѣля, и *Ludi Apollinares*, въ ранней періодъ справлявшіяся въ іюль. Во время Августа учреждены регулярныя общественныя игры, продолжавшіяся до 66 дней въ году. Но при послѣднихъ Императорахъ продолженіе и число праздниковъ въ Римѣ возрасло еще болѣе, такъ что при Маркѣ-Авреліи игры занимали уже 135 дней въ году. Но кромѣ этихъ игръ были еще игры, учреждавшіяся полководцами, по обѣтамъ, вслѣдствіе какого-либо успѣха—(*Ludi votivi*) или же учреждались сенатомъ во время разныхъ опасностей и бѣдствій—(*Ludi Imperativi*). Существовали еще погребальныя игры, учреждавшіяся по поводу смерти какого-нибудь знаменитаго мужа. Такъ, римляне обладали массою средствъ получать удовольствія, которыми они постоянно наслаждались. Если игры исполнялись съ необычайною пышностью, то городъ наводнялся посѣтителеми, пришедшими со всѣхъ концовъ Италіи и изъ отдаленныхъ провинцій. Такъ, во время триумфа Юлія Цезаря стеченіе народа въ Римъ было до того велико, что многихъ въ толпѣ раздавили до смерти. Собственно *общественныя* игры раздѣлялись на три разряда: а) *Ludi Circenses* (игры въ циркѣ); б) *Ludi Scaenici* (увеселенія въ театрѣ); в) *Munera Gladiatoria*, гладіаторскія зрѣлища, обыкновенно дававшіяся въ амфитеатрѣ.

9) **Игры въ циркѣ.**—Попытаемся изобразить сцену въ циркѣ въ одинъ изъ дней праздника Римскихъ игръ, въ періодъ Имперіи. Извѣщеніе было дано уже заблаговременно. Судебныя засѣданія заперты. Сенатъ отложилъ свои текущія дѣла, нѣкоторые изъ юристовъ и государственныхъ людей весело послѣдовали примѣру Цицерона и промѣняли нездоровый

воздухъ римскаго сентября на свѣжій прохладный вѣтерокъ Тускуланума или Пренесте и другихъ благословенныхъ праздничныхъ уголковъ Италіи (въ окрестностяхъ Рима). Но зато мѣста этихъ удалившихся на загородныя виллы гражданъ были болѣе чѣмъ съ избыткомъ замѣщаемы и наполняемы тѣснившеюся толпою иностранцевъ. Еще задолго до часа, когда начиналъ брежжиться день, волнующіяся толпы народа уже тѣснились къ верхнимъ рядамъ цирка. Какъ ни былъ обширенъ циркъ, но все-таки онъ былъ тѣсенъ сравнительно съ громадною массою желающихъ видѣть игры. Мужчины и женщины сидѣли въ циркѣ рядомъ, но рабы не допускались туда. На каждое представленіе мужчина долженъ былъ явиться въ тогѣ римскаго гражданина, носить которую рабы, какъ мы уже знаемъ, не имѣли права. Время, предшествовавшее представленію, проводилось въ оживленныхъ разговорахъ, касавшихся шансовъ состязанія, качествъ лошадей и проч. Послѣднія извѣстія о силѣ и крѣпости лошадей перебѣгали изъ устъ въ уста и оживляли собравшихся. То здѣсь, то тамъ слышались сожалѣнія, что не удастся видѣть самый разгаръ ристалища. Здѣсь находились и такъ называемые *Locarii*. Это извѣстный классъ людей, которые, занявъ заблаговременно выгодное мѣсто въ циркѣ, перепродавали это мѣсто за болѣе высокую, а иногда и за весьма высокую цѣну, и выручали иногда такую сумму, что обезпечивали себѣ пропитаніе на цѣлую недѣлю. Когда толпа желающихъ взять мѣста въ циркѣ быстро возрастала, то для *designatores* (можетъ быть, соотвѣтствующимъ нашимъ капельдинерамъ) представлялась масса работы — вводить желающихъ на мѣста, къ которымъ они привыкли и, быть можетъ, абонировали, если переносить

дѣло на наши современные понятія. Бывали такіе случаи, когда какой-нибудь несчастный осмѣливался втѣспиться въ ряды мѣстъ, назначенныхъ для всадниковъ. Тогда этого «*rauge diable*» прогоняли съ мѣста на мѣсто, пока ему, снабженному приличнымъ числомъ нишковъ и подзатыльниковъ, не удавалось наконецъ пріютиться на самыхъ верхнихъ рядахъ, гдѣ уже нужно было стоять на ногахъ. Современникъ Ювенала и поэтъ Марціаль весьма юмористично рассказываетъ намъ случай въ этомъ родѣ. Самый нижній рядъ сидѣній въ циркѣ (*Podium*), содержавшій мѣста для сенаторовъ, различныхъ магистратовъ, весталокъ-дѣвственницъ, иностранныхъ пословъ и другихъ почетныхъ лицъ, — и этотъ всегда бывалъ наполненъ отъ одного конца до другаго, какъ говорится, «биткомъ-набитъ». Звукъ музыки достигалъ до ушей всей огромной толны. Зрѣлище бывало до такой степени импонирующее, что, казалось, будто и сами боги Рима «сходили съ своихъ капитолійскихъ высотъ», чтобы участвовать въ увеселеніяхъ сената и римскаго народа. Но вотъ въ главныя ворота цирка, прилежація къ карцерамъ (*carceres*) или стойламъ, толпа музыкантовъ вступаетъ на просторную арену. Послѣ этого, руководя процессіею (*rompra*), распорядженіе которою возлагалось на него въ тотъ день, слѣдуетъ консуль въ своей колесницѣ. Онъ одѣтъ въ одежду, посвященную Юпитеру Капитолійскому, и только въ честь этого верховнаго бога присвоивалась консулу подобная одежда въ подобные торжественные дни, или же когда онъ имѣлъ длинный тріумфъ отъ форума до храма Юпитера (см. выше и планъ). — Вокругъ консула находились его кліенты, одѣтые въ бѣлоснѣжныя тоги; затѣмъ слѣдовали всадники или отрядъ

пѣшихъ солдатъ; затѣмъ шли различные исполнители, которые также принимали участіе въ играхъ. Далѣе слѣдовали колесницы, пѣвцы и жрецы. Вънецъ же шествія составляли изображенія боговъ и богинь. Нѣкоторыя изображенія несли на носилкахъ (*fercula*) высоко поднятыми къверху; другія изображенія везли въ священныхъ колесницахъ (*tensae*), въ которыхъ впряжены были лошади, мулы и слоны. Предъ изображениями божествъ поднимался дымъ отъ благовоній, курившихся въ золотыхъ и серебряныхъ кадилахъ. Появленіе божествъ было сигналомъ для взрыва аплодисментовъ и громкихъ молитвенныхъ воззваній, смотря по расположенію или капризу многочисленной толпы. Если же при этомъ присутствовалъ императоръ—а онъ рѣдко не присутствовалъ въ періодъ Имперіи—то выраженія привѣтствій, которыя онъ получалъ, если были менѣе искренни, сердечны, то регулировались часто съ большимъ тактомъ. Форма и время восклицаній и аплодисментовъ опредѣлялись военными чиновниками (центенаріями?), которые размѣщались интервалами по всему обширному собранію цирка. Но командѣ этихъ офицеровъ, масса зрителей вставала со скамей и повторяла это столько разъ, сколько было рассчитано. Однако же, несмотря на всѣ официальные предосторожности, не особенно пріятные и ласкающіе звуки могли смѣшиваться съ оглушительнымъ громомъ радостно-привѣтственныхъ восклицаній. Для голоса свободы довольно безопасно могъ найдтись исходъ изъ среды столь громадной массы собравшихся. Во всякомъ случаѣ, на играхъ цирка Римскій Императоръ имѣлъ всегда шансы встрѣтиться съ своимъ народомъ лицомъ къ лицу и слышать изъ народныхъ устъ выраженія настоящихъ неподдѣльныхъ чувствованій, выраженія,

которыхъ въ другое время онъ слышать не могъ. Тѣмъ, которые приглашены были участвовать въ процессіи, назначены были особыя мѣста, и всѣ глаза устремлялись на консула, сидѣвшаго на своемъ возвышенномъ сѣдалищѣ. Толпа конныхъ людей выѣзжала на арену осмотрѣть, все ли готово, и возвѣститъ зрителямъ о началѣ игры. Тогда консулъ бросалъ на землю кусокъ ткани (*tappa*), и по этому знаку, одновременно отворялись двери *carcères*. Изъ нихъ выводились 4 колесницы, запряженные лошадьми, и устремлялись въ бѣгъ вдоль арены. Въ каждую колесницу впряжены были двѣ лошади, двѣ другихъ были пристегнуты къ главнымъ постромкамъ (были пристяжными лошадьми). Самыя колесницы были снабжены лишь *двумя* колесами, весьма легкими и малаго діаметра. Состязавшійся ѣздокъ не сидѣлъ, а стоялъ въ такой колесницѣ и держалъ возжи, нѣсколько наклонивъ голову. Возжи прикрѣплялись сзади состязавшагося. Но, на случай опасности, у каждого ѣздока былъ за поясомъ ножъ, чтобы имѣть возможность перерѣзать возжи, въ случаѣ этой опасности. Что касается одежды состязавшихся въ циркѣ наѣздниковъ, украшеній и цвѣтовъ самихъ колесницъ, а также упряжи лошадей, то они весьма разнообразились соответственно особеннымъ и разнообразнымъ случаямъ. Надо прибавить, что и вкусы самихъ зрителей были въ этомъ случаѣ весьма разнообразны. Въ одно время толпа въ циркѣ бурно и восторженно аплодировала одному цвѣту, въ другое другому. Во всякомъ случаѣ, въ Римѣ были *четыре* главныхъ основныхъ цвѣта, усвоенныхъ различными обществами, партіями или компаніями любителей цирка, и на издержки, нужныя для костюмировки представителей этихъ компаній, маги-

страты, дававшіе общественныя игры, платили безпрекословно все, что тѣ требовали. Старѣйшія и пользовавшіяся бѣльшимъ уваженіемъ изъ уномянутыхъ четырехъ партій (factiones) цирка были: *factio albata*, носившая бѣлое одѣяніе и *factio russata*, носившая красное. Затѣмъ, уже позднѣе образовавшіяся, партіи были: *factio prasina*, носившая зеленое, и *factio veneta*, носившая голубое. Впослѣдствіи римскій народъ, особенно чернь, былъ привязанъ къ зеленой партіи (*prasina*), и ей постоянно платилъ своими бурными восторженными криками. Между тѣмъ колесницы изъ всѣхъ силъ спѣшили въ своемъ состязательномъ бѣгѣ, имѣя *spina* въ лѣвой рукѣ. Каждая изъ состязавшихся колесницъ домогалась удержать за собою призъ перваго пріѣзда на урочный пунктъ. Величайшимъ доказательствомъ наѣздническаго искусства у римлянъ считалось то, когда *meta*, или островерхій столбъ, бывалъ объѣханъ кругомъ. Сдѣлать слишкомъ большой кругъ значило, съ точки зрѣнія римскихъ наѣздниковъ, потерять время и разстояніе; но и сдѣлать слишкомъ замкнутый тѣсный кругъ значило тоже впасть въ роковую ошибку, — въ ту ошибку, на которую, въ мѣткихъ словахъ, указываетъ Орестъ въ драмѣ Софокловой «*Илектра*», т. е. можно было запутаться длинными возжами за островершинный столбъ, выпасть изъ колесницы и волочиться по землѣ. — Колесницы должны были пробѣжать около островерхаго столба 7 разъ, или 7 разъ окружить его. Послѣ этого состязаніе кончалось, и первый, окружившій столбъ въ 7-й разъ, получалъ, конечно, высшій призъ, былъ триумфаторомъ. Состязавшіеся, послѣ побѣды, летѣли на своихъ лошадяхъ, съ гиканьемъ и дикими криками. Вообще, даже и зрители, при этомъ, наэлектризовывались и

общее возбужденіе доходило до высшей степени. Въшний бѣгъ долженъ былъ попережно пресѣчь такъ называемую бѣлую линію (*alba linea*). Побѣдившаго колесничнаго паѣзтника обыкновенно представляли предсѣдателю игръ, для полученія слѣдующей ему награды. Триумфальная ѣзда верхомъ, передъ глазами восторженно аплодирующихъ громадныхъ массъ народа, — проѣздъ до другаго конца цирка — вотъ та почесть, тотъ триумфъ, котораго удостоивались побѣдители на римскихъ играхъ. Затѣмъ, слѣдовалъ другой *missus*, потомъ еще другой и еще другой. Толпа смотрѣла на игры въ циркѣ съ такимъ увлеченіемъ и участіемъ, что даже не выражала усталости, не смотря на то, что большая часть зрителей сидѣла съ открытою головою подъ яркими лучами осенняго итальянскаго солнца. Широкія шляпы, защищавшія въ этомъ случаѣ отъ солнца, дозволены были зрителямъ лишь послѣ времени Императора Калигулы. Въ полдень былъ большой перерывъ. Тогда зрители сѣли къ палаткамъ, тянувшимся вдоль, позади самыхъ высшихъ рядовъ мѣстъ цирка, сѣли для того, чтобы подкрѣпить себя пищею и питьемъ, хотя бы цирковыя игры и происходили въ одинъ изъ такихъ дней, когда Императоръ или предсѣдательствовавшій на играхъ магистратъ были сами озабочены раздачею прохладительныхъ и подкрѣпительныхъ порцій зрителямъ, руками цѣлыхъ тысячъ рабовъ. Послѣ этого слова начинались ристанія, пока не исполнялось регулярное число 25-ти бѣговъ. Если мы припомнимъ здѣсь, что каждый такой бѣгъ составлялъ болѣе *трехъ* миль въ длину и что между ними должны были быть нѣкоторые интервалы, то мы легко можемъ себѣ представить, что уже начинали ложиться на землю вечернія тѣни, когда громадная

толпа начинала расходиться изъ цирка. Поэтому-то мы съ трудомъ можемъ вѣрить, что въ свое царствованіе Домиціанъ, какъ мы уже упоминали выше, давалъ по 100 бѣговъ въ день, хотя бы даже число круговъ для бѣга сокращалось съ *семи* до *пяти*.

Таковы были общій характеръ и общая картина цирковыхъ состязаній въ Римѣ. Но эти состязанія давались не исключительно съ цѣлю увеселеній. Иногда въ одинъ день состязанія видоизмѣнялись на нѣсколько манеровъ, такъ что въ одинъ день были и состязанія атлетовъ, и состязанія конныя и пѣшія (въ простомъ бѣгѣ), и конскія скачки въ тѣсномъ смыслѣ слова (черезъ барьеръ) съ препятствіями, и простая борьба, и игра въ дискъ или палетъ, и состязаніе въ бросаніи какого либо предмета, и простая борьба на кулачки. Иногда обширная арена бывала залита кровью, и морскія битвы были представляемы иногда посредствомъ мимики. Однакоже было одно увеселеніе, правившееся рѣшительно всей массой зрителей—это было *Venatio*, или охота, въ которой стравливали другъ съ другомъ дикихъ звѣрей или вынуждали животныхъ бороться съ людьми (гладіаторами). Каждый край обширной Римской Имперіи былъ обысканъ, перешаренъ, для того, чтобы отыскать въ немъ рѣдкихъ и неизвѣстныхъ еще животныхъ, и число этихъ собранныхъ въ Римѣ животныхъ часто превосходило всякое вѣроятіе. Такъ, Помпей въ свое второе консульство досталъ въ Римѣ на пятидневныя игры 500 львовъ и 410 пантеръ и леопардовъ. Юлій Цезарь заразъ выпустилъ на арену цирка 400 львовъ. Императоръ Августъ въ знаменитой таблицѣ, содержащей въ себѣ исторію его царствованія (*Monumentum Ancyranum*), сводя итоги

своихъ расходовъ, упоминаеть, что онъ убилъ въ циркѣ 3,500 слоновъ!

10. Театръ въ Римѣ.—Сравнительно съ почти невѣроятнымъ бѣшенымъ увлеченіемъ играми въ циркѣ, римляне никогда особенно не заботились о театрѣ и смотрѣли на подобныя представленія свысока, потому что въ театрѣ роль актеровъ исполняли рабы; да и самыя средства привлеченія населенія къ театру въ Римѣ не были особенно высокаго свойства. По всѣмъ вѣроятіямъ, театръ римскій развивался, какъ изъ ячейки, изъ смѣлыхъ и рѣзкихъ остротъ, которыми актеры, молодые люди хорошаго происхожденія, прохаживались на счетъ всѣхъ гражданъ, кто попадется подъ руку; отсюда-то развились и долгое время продолжались на площадяхъ и торжищахъ популярныя піесы, называвшіяся *Ателланскими фарсами* *) перешедшими въ Римъ изъ Кампаніи. Нѣсколько видоизмѣнившись въ формѣ, ателланскіе фарсы поддерживались въ Римѣ до самыхъ временъ цезарства, и эти игры исполнялись вовсе не актерами *ex-professo*, а обыкновенными гражданами. Есть указанія, что въ первый разъ актеры *ex-professo* пришли въ Римъ изъ Этруріи въ 364 г. до Р. Хр.; но эти актеры исполняли лишь фантастическіе танцы, сопровождая ихъ жестикуляціей подъ акомпаниментъ флейты безъ всякихъ, однако, пѣсенъ и діалоговъ. Одинъ греческій

(*) Иначе „Ателланы“ называются еще *Ludi Oscani*, Оскскими „играми“, потому что перешли въ Римъ изъ оскскаго города *Ателлы* (въ Кампаніи), съ характеристическими масками, называемыми *Massis* и *Vicco*, которыя можно сопоставить съ современными: *арлекиномъ* и *полишинелемъ*.

(Примѣч. переводчика).

Видъ римскаго цирка (реставрированнаго).

вольпоотпущеникъ, именуемый Ливіемъ Андроникомъ, около 120 лѣтъ спустя послѣ введенія Этрусской сцены въ Римъ, ввелъ въ Римъ первыя регулярныя театральныя пьесы, которыя онъ переводилъ или пере-дѣлывалъ съ греческаго. Подобно всѣмъ сценическимъ писателямъ своего времени, Ливій Андроникъ принималъ участіе и въ самыхъ представленіяхъ на сценѣ. Сценическія пьесы этого времени раздѣлялись обыкновенно на двѣ части; первая назыв. *diverbia*, состоявшая изъ діалоговъ или спичей, которые произносились или речитатировались на сценѣ; *вторая* часть называлась *cantica*, это была лирическая часть, состоящая изъ музыки. Мы знаемъ, что Ливій Андроникъ до того измученъ былъ повтореніями речитативовъ на сценѣ, по требованію публики, что потерялъ свой голосъ. Наконецъ онъ получилъ отъ зрителей дозволеніе поставить на сценѣ, вмѣсто раба, исполнявшаго до сихъ поръ роль, особаго игрока на флейтѣ, который и исполнялъ вторую часть пьесы *cantica*, между тѣмъ какъ самъ Андроникъ аккомпанировалъ ему, присоединяя свою собственную жестикуляцію. Утвердившійся до этого обычай остался на римской сценѣ, и актеры уже никогда не пѣли *cantica* сами, только зрителямъ со стороны казалось, что актеры поютъ, тогда какъ дѣйствительный исполнитель пѣнія былъ спрятанъ въ сторонѣ отъ сцены. Что касается трагедіи, то она никогда не прививалась въ Римъ, и при Императорахъ трагедія держалась повидимому лишь только потому, что она была весьма умѣстна и своевременна въ періодъ крайней расточительности и фальшиваго блеска. Комедіи же въ Римѣ были гораздо болѣе популярны. Повидимому, были два факта, изъ которыхъ развились и выработались римскія комедіи. На первомъ планѣ

стоять комедіи, прямо усвоенныя, переведенныя или скомпилированныя у греческихъ писателей, — комедіи, представляющія греческій характеръ, греческіе нравы и сцены; это *Comediae palliatae*. Назывались онѣ такъ отъ греческаго слова *Pallium*. Дѣйствующія лица въ этихъ комедіяхъ были одѣты на греческій манеръ. Съ другой стороны, были *Comediae togatae*, заимствованныя изъ римскихъ нравовъ, и въ которыхъ дѣйствующіе лица одѣты были въ національную римскую одежду — *тоги*, и послѣднія нравились римлянамъ гораздо менѣе, чѣмъ первыя (съ греческимъ характеромъ). По блеску и могуществу таланта всѣхъ римскихъ комиковъ-писателей превосходить одинъ изъ самыхъ древнихъ изъ нихъ — это *Плавтъ* (*Titus Maccius Plantus*); другой комикъ — Терентій лишь приближается къ нему. — Кромѣ комедій, въ римскомъ театрѣ господствовалъ другой родъ увеселеній и развлеченій. Это были *пантомимы*, состоявшія изъ музыки и танцевъ. Одинъ какой нибудь актеръ своими движеніями и жестами давалъ понимать зрителю цѣлую исторію, иногда исторію весьма длинную и сложную и часто имѣвшую весьма безнравственный характеръ. Но главные, выдававшіеся актеры въ этомъ родѣ все таки пользовались большою популярностью и получали за исполненіе большіе куши денегъ. Но, кромѣ актеровъ въ тѣсномъ смыслѣ, на сценѣ же подвизались и разные фигляры, канатные плясуны, акробаты, клоуны, чревоушчателі и имъ под. Часто въ срединѣ игры какой нибудь трагедіи вниманіе зрителей развлекалось борьбою двухъ боксеровъ и т. под.

Касательно устройства, римскій театръ сначала представлялъ просто-на-просто платформу, сооруженную подъ открытымъ небомъ. При этомъ зрители скамейки

или стулья приносили съ собою изъ дому. Такъ устраивались театры въ былое старое время и въ Англіи въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ въ первый разъ, съ наивнымъ простодушіемъ, ставились на сцену Шекспировскія піесы, и исполнялись уже, какъ Богъ на душу положить. Уже впоследствии въ Римѣ начали строить деревянные театры, приспособляя ихъ для различныхъ игръ. Но когда исполненіе актеровъ развилось до извѣстной степени совершенства, то деревянные театры были сломаны. Первый каменный театръ въ Римѣ построенъ былъ Помпеемъ, въ концѣ существованія республики, за 55 л. до Р. Хр. Затѣмъ, въ царствованіе Августа, построены были еще два каменные театра. Но уже и эти театры не могли удовлетворять запроса на представленія; число театральныя посѣтителей доходило тогда уже до милліона человѣкъ. Самый тѣсный театръ вмѣщалъ въ себѣ 20,000 человѣкъ; самый обширный—40,000 человѣкъ. Мѣста раздавались зрителямъ соотвѣтственно ихъ рангу. Мѣста Orchestra, соотвѣтствовавшія помѣщ. хора въ греческомъ театрѣ, раздавались сенаторамъ; затѣмъ слѣдующіе 147 рядовъ занимали всадники; остальные мѣста занимали обыкновенные граждане. Входъ въ театръ дозволялся каждому. Театръ не имѣлъ крыши, а былъ подъ открытымъ небомъ; отъ солнца же зрители защищены были особымъ тентомъ или наметомъ (*Vela*). Воздухъ же освѣжался и очищался вѣтвями благоухающихъ деревьевъ. Актеры не пользовались почетомъ, какъ въ Афинахъ, потому что, какъ сказано выше, по общему правилу, они выбирались изъ рабовъ и конечно часто подвергались наказаніямъ. Принадлежали эти актеры-рабы хозяину труппы (*Dominus gregis*), у котораго предсѣдательствующій магистратъ и на-

нималъ этихъ актеровъ. Встрѣчались однако и исключенія изъ этого правила въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые римскіе актеры по богатству и образованности занимали видное общественное положеніе, напримѣръ комическій актеръ Росцій и трагическій Эзопъ, оба богачи и друзья Цицерона. Отъ актера требовалась весьма большая внѣшняя полировка и воспитаніе; а потому понятно, что если актеръ былъ рабъ, то онъ стоилъ своему господину весьма дорого.

11. Гладіаторы.—Всѣ увеселенія, о которыхъ мы говорили выше, заимствованы римлянами отъ Греціи, и наиболѣе любимые исполнители были греки. Но была еще одна совершенно особая, отдѣльная форма увеселенія, къ которымъ римскій народъ былъ страстно привязанъ (хотя ни одинъ римскій писатель не высказывается въ пользу этого увеселенія) и которыя были уже чисто-итальянскаго происхожденія. Это были *гладіаторы* и *гладіаторскія зрѣлища*. Весьма вѣроятно, что происхожденіемъ своимъ гладіаторы обязаны обычаю предавать рабовъ смерти на могилѣ ихъ господъ; впоследствии уже этимъ рабамъ было дозволено сражаться съ каждымъ за свою жизнь; наконецъ, богачи уже нарочно начали воспитывать и дрессировать гладіаторовъ особымъ развитіемъ тѣла, укрѣпленіемъ мускуловъ, съ цѣлію привлечь любителей зрѣлища бойцовъ съ мощнымъ, развитымъ тѣломъ. Обычай этотъ принесенъ въ Римъ изъ Этруріи, гдѣ богатство высшихъ классовъ общества издавна давало имъ возможность предаваться удовольствіямъ травли и охоты, часто крайне жестокимъ и безпирравственнымъ. Сначала обычай смотрѣть на гладіаторскіе бои былъ ограниченъ временемъ чьего-либо погребенія, и гладіаторы при этомъ сражались на форумѣ. Но когда страсть

къ подобнымъ зрѣлищамъ быстро возрасла и самое число сражающихся гладіаторовъ все болѣе и болѣе возрастало, тогда для этой цѣли избранъ былъ циркъ, и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай, что всякій, кто желалъ пріобрѣсть расположеніе народа, давалъ для него цѣлый рядъ гладіаторскихъ битвъ. Да кромѣ того, циркъ вообще вообще былъ дурно приспособленъ для какихъ-либо другихъ увеселеній, кромѣ этихъ. Такъ, во времена Ю. Цезаря, былъ принятъ весьма удачный и изобрѣтательный планъ: два обширныхъ деревянныхъ театра были соединены вмѣстѣ; когда они употреблялись для своей цѣли, то одинъ изъ нихъ совершенно кругообразно вращался на стержняхъ; при этомъ движеніи, зрители, оставаясь на своихъ мѣстахъ, слышали все отчетливо и, непрерывно, одни мѣняли положеніе другихъ, такъ что мѣста для зрителей образовали теперь овалъ ярусомъ, вращающихся вокругъ арены, какъ вокругъ центра. Такое устройство названо было *амфитеатромъ* и превосходно приспособлено было для зрѣлища гладіаторскихъ боевъ. Другіе амфитеатры впоследствии устраивались въ Римѣ именно по этому плану, а одинъ, и знаменитѣйшій изъ нихъ, называемый *Коллизеумъ* (*Colosseum*) представлялъ собою величайшую и грандіознѣйшую изъ построекъ, когда-либо созданныхъ человѣческими руками. Этотъ колоссеумъ былъ воздвигнутъ во время царствованій Веспасіана, Тита и Домиціана, и могъ вмѣщать въ себѣ до 90,000 зрителей. Въ настоящемъ своемъ видѣ это зданіе сильно и безпощадно разрушено временемъ, бывшими иногда землетрясеніями, а болѣе всего безцеремонными расхищеніями, которыя, въ Средніе вѣка, практиковали папы и свѣтская знать; но даже и въ теперешнемъ своемъ видѣ, *Colosseum* представляетъ собою грандіознѣйшія изъ всѣхъ руинъ въ мірѣ. Описаніе, уже сдѣ-

ланное нами по отношенію къ цирку вообще, даетъ читателю идею и о томъ назначеніи, какое имѣеть Колизей, и онъ дополнитъ въ своемъ воображеніи общую картину совершавшихся въ немъ гладіаторскихъ зрѣлищъ: тѣ же самыя помпѣ и блескъ, тѣ же дико возбужденныя страсти.

Гладіаторы были различныхъ родовъ и носили наименованія соотвѣтственно характеру своего вооруженія и боевъ, въ которыхъ упражнялись. Наиболѣе любимымъ было зрѣлище гладіаторовъ, носившихъ названіе *retiarum*, которые не имѣли оборонительнаго оружія, а вооружены были: съ одной стороны сѣтью, которою ловили своего противника, а съ другой—трезубчатыми вилами, которыми они прокалывали противника, когда тотъ попадался въ сѣти. При этомъ еще участвовалъ гладіаторъ, вооруженный на манеръ галловъ или самнитовъ; онъ долженъ былъ преслѣдовать *retiarum*, если тому не удалось накинуть на противника сѣти и убить его, прежде чѣмъ тотъ могъ повторить закидываніе. По общему правилу, гладіаторы должны были сражаться по-парно, но иногда цѣлая толпа должна была сражаться одинъ-на-одинъ. Когда гладіаторъ былъ обезоруженъ или раненъ, то его судьба была совершенно въ рукахъ зрителей. Если онъ сражался мужественно и искусно, то зрители аплодисментами и знаками (маханіемъ платками или кусками ткани) показывали, что гладіаторъ долженъ быть пощажень. Но если зрители были въ дурномъ настроеніи или если гладіаторъ не былъ искуснымъ борцомъ и не нравился имъ, то зрители въ молчаніи дѣлали большимъ пальцемъ известное движеніе, употребляющееся когда давятъ насѣкомыхъ (знаменитое римское *«pollice verso»*),

и раненый гладиаторъ получалъ окончательный смертельный ударъ...

ГЛАВА VI.

1. **Религія римлянъ.** — Трудно вообще составить ясное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ представленіяхъ какого-либо народа. Громадная трудность при этомъ увеличивается и тѣмъ, что наша точка зрѣнія на религіозные предметы и точка зрѣнія древнихъ громадно различаются между собою. Часто формы вѣрованій древнихъ, ихъ внѣшніе обряды представляются для насъ отвратительными, отталкивающими. Это особенно имѣетъ значеніе по отношенію къ римлянамъ. Именно представляется громадно-труднымъ прослѣдить у римлянъ первыя основы и зачатки ихъ религіи. Вѣдь всѣ римскіе писатели, въ какомъ либо отношеніи опредѣлявшіе свою отечественную религію и творенія которыхъ дошли до насъ, находились уже подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ, жили уже въ то время, когда Римъ духовно породнился съ Греціею, пропитался ея духомъ, приобщился ея духовно-нравственной сущности. Но вѣдь несомнѣнно, что греки и римляне, каждая нація, имѣли совершенно различный образъ мыслей относительно духовныхъ, управляющихъ міромъ силъ, слѣдовательно, имѣли различныя духовныя воззрѣнія. Съ другой стороны вѣрно и то, что, рассматривая общеарійское происхожденіе грековъ и римлянъ, нужно признать, что въ самый древній періодъ (еще до раздѣленія арійцевъ на частныя вѣтви) они имѣли общія (общеарійскія) божества, общія вѣрованія и общее богослуженіе. Но это было за нѣсколько сотъ лѣтъ до тѣхъ поръ, когда мы застаемъ грековъ и римлянъ въ исторіи.

Мы уже знакомимся съ ними тогда, когда эти двѣ національности жили въ различныхъ территоріяхъ. Самый характеръ, самые пути и средства ихъ жизни были различны во многихъ отношеніяхъ; затѣмъ тѣ и другіе были окружены весьма различными сосѣдями. Итакъ: если мы попытаемся понять и нѣсколько усвоить себѣ древнѣйшія вѣрованія римлянъ, только не по сочиненіямъ классическихъ писателей, а по древнѣйшимъ учрежденіямъ и практикѣ, воспоминанія о которыхъ постепенно заглохали и выдыхались въ средѣ самихъ римлянъ, то придемъ къ убѣжденію, что религіозно-нравственныя представленія римлянъ были совершенно другія, чѣмъ религіозно-нравственныя представленія грековъ. Можетъ быть намъ здѣсь было бы умѣстно попытаться набросать сравнительную исторію постепеннаго роста и перемѣнъ этихъ религіозныхъ представленій; мы могли бы тогда всего удобнѣе увидѣть, что въ этомъ отношеніи принадлежало римскому народу, возникло изъ его духа, какъ таковое, и что уже впослѣдствіи было приурочено Риму отъ Греціи.

2. Древнѣйшія божества римлянъ.—Первою концепціею въ области религіозныхъ представленій, представленій о невидимыхъ силахъ природы было обще-арійское представленіе о громадности, безпредѣльности небснаго пространства. Въ этомъ отношеніи вся арійская раса въ небесной высотѣ видѣла жилище боговъ, видѣла это именно въ актуальной формѣ мощи, управляющей міромъ. Арійцы называли эту высшую мощь словомъ «*Dyaus*», т. е. нѣчто свѣтлое», «блестящее», «сіяющее». Изъ этого первоначальнаго и этимологически старѣйшаго слова образовалось греческое *Zeus* и латинское *Iovis*. Но эту міродержавную силу, эту мощь арійцы обыкновенно представляли какъ отца.

И въ Индіи, и въ Греціи, и въ Германіи, вездѣ вообще слово «отецъ» одинаково прилагалось какъ синонимъ къ понятію *Zeus*. Въ Италиі, одновременно, изъ этого выросли и образовались два слова, выражавшія одно и то же понятіе: *Iuppiter* (*Iovi pater*) и потомъ, позднѣе. *Iupiter*. Мы, конечно, не можемъ съ точностью опредѣлить времени до появленія дошедшихъ до насъ памятниковъ письма. Но сколько въ наше время мы можемъ проникать въ эту отдаленную, сѣдую древность, мы можемъ прійти къ убѣжденію, что древне-арійскій человѣкъ первоначально вѣровалъ не въ нѣсколькихъ различныхъ боговъ, а только въ различныя формы дѣйствій одной и той же верховной мощи, одной и той же верховной силы. Въ древній періодъ жизни человѣчества существовало нѣсколько именъ для божества, но это вовсе не значитъ, чтобы изъ многихъ именъ божествъ мы должны были заключать о множествѣ божествъ. Это значитъ только, что въ одно время высшее существо мыслилось обнаруживающимъ свою силу въ одномъ направленіи, въ другое время—въ другомъ. Теперь нѣкоторыя изъ этихъ именъ божества сохраняютъ значеніе лишь эпитетовъ божества, другія же могутъ быть мыслимы нами только лишь какъ обозначенія различныхъ божествъ; и такимъ образомъ политеизмъ—вѣра во многихъ боговъ—въ различныхъ національностяхъ возникла въ обширныхъ размѣрахъ. У римлянъ, въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ, мы весьма ясно можемъ замѣтить дѣйствіе того или другого изъ указанныхъ процессовъ. Великій высшій богъ римлянъ—Юпитеръ былъ чувствуемъ подъ различными означеніями и наименованіями. Первое и важнѣйшее изъ этихъ наименованій и, повидному, наиболѣе распространенное въ древней Италиі

было *Jupiter Levsetius*, богъ свѣта, или «блескъ дневнаго неба»; затѣмъ. въ Италіи же существовалъ и *Jupiter Summanus*, богъ ночнаго неба. Подъ этою формою верховное божество было въкоторое время чествуемо съ особымъ благоговѣніемъ, въ особенности же подъ этимъ божествомъ олицетворялись ночныя грозовыя бури, ибо гроза ночная представляется болѣе страшною и многозначительною, потому что сравнительно рѣже проходитъ счастливо, безъ несчастій для людей, чѣмъ гроза дневная. Но настало время, когда это высшее божество было вытѣснено съ своего мѣста почитанія, и имя его стали прижывать лишь воры, бродящіе по почамъ, когда небо бываетъ покрыто густымъ мракомъ. Затѣмъ бога неба римляне стали представлять какъ владѣтеля перуновъ или молній, и вотъ это верховное божество стало почитаться какъ *Jupiter Pistor*, или сокрушитель, разрушитель. Въ качествѣ *Pistor*'а, Юпитера призывали также люди, раздроблявшіе или размолывавшіе жито въ муку и потомъ пекшіе изъ этой муки хлѣбъ. Но позднѣйшіе римляне уже не могли понять, почему Юпитерь носилъ такое названіе (*Pistor*), и Овидій, для объясненія этого, даетъ намъ какую то вздорную сказку. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что прозваніе «*Pistor*» въ первый разъ дано Юпитеру потому, что, какъ богъ-обладатель перуновъ, онъ могъ разбивать и сокрушать своихъ враговъ. Затѣмъ былъ еще у римлянъ *Юпитерь Феретрійскій* (*Jupiter Feretrius*), которому римскій полководецъ, если ему удавалось убить непріятельскаго полководца, приносилъ въ даръ (тріумфъ) награбленную имъ добычу. Не представляется особенно яснымъ, откуда произошло самое прозвище верховнаго божества *Feretrius*; можетъ быть, это слово равнозначуще слову «поражающій». Да-

лѣе, въ старину же былъ у римлянъ *Jupiter Stator*, который въ Цицероново время превратился въ *Jup. Stayer*, т. е. «опора», «помощникъ», помогающій солдатамъ въ битвѣ и дающій имъ стойкость и терпѣніе. Но мы находимъ то же самое названіе верховному божеству въ Индіи, гдѣ, повидному, такое названіе означало: «онъ, который стоитъ» прямо въ колесницѣ солнца. Другія прозванія, придававшіяся Юпитеру, *Optimus*, *Maximus*, какъ мы это увидимъ ниже, стали придаваться позднѣе. Наряду съ Юпитеромъ, богомъ неба, существовала еще богиня, одинаково общая и грекамъ, и римлянамъ, представлявшая другую и весьма важную сторону національной религіи. Это была *Vesta*, называемая греками *Hestia*, богиня очага и дома. Мы можемъ постепенно прослѣдить, какое громадно-обширное мѣсто занималъ культъ этой богини въ религіи римлянъ, и для семейства римлянина религія Весты была настоящимъ центромъ и воплощеніемъ.

Весьма замѣчательнъ былъ въ древнемъ Римѣ институтъ или, выражаясь болѣе новымъ терминомъ, орденъ *весталокъ*, дѣвственницъ, посвящавшихъ себя, по объѣту, служенію богини Весты (*Vesta* или Гестія—*ἑστία*, какъ уже было указано нами выше, была богиня домашняго очага; это было собственно божество греко-италійское, одно изъ 12-ти главныхъ божествъ Рима. дочь Кроноса и Реи). Этотъ орденъ Весталокъ въ Римѣ былъ весьма древній, потому что уже мать Ромула, *Рея Сильвія*, была весталкою. Но формальнымъ образомъ должность весталки ввелъ въ Римъ Нума Помпиль. Нумою число весталокъ было опредѣлено 4; затѣмъ, въ послѣдствіи, было прибавлено 2, и число 6-ти весталокъ продолжало существовать до самаго паденія въ Римѣ язычества (паденія формальнаго и формальнаго

закрытія языческихъ храмовъ при императорѣ Феодосіѣ). Сначала весталки избирались царями, потомъ ихъ сталъ избирать верховный римскій жрецъ (*pontifex maximus*). Если требовалось избрать весталку, напримеръ, вмѣсто умершей или выслужившей свой срокъ, то сначала избирали изъ среды народа 12 дѣвушекъ, которыя всѣ должны были быть больше 6 и менѣе 16 лѣтъ отъ роду, не имѣть тѣлесныхъ недостатковъ, быть красивыми и проч., и изъ этихъ 12-ти въ народномъ собраніи избиралась та дѣвушка, на которую падалъ жребій. Сами избираемые при этомъ не присутствовали. Верховный же римскій жрецъ (*pontifex maximus*) изъ самихъ избранныхъ, въ свою очередь, избиралъ лишь ту дѣвушку, на которую падалъ жребій; бралъ ее, затѣмъ, съ собою, «какъ плѣнницу», изъ родительскаго дома, произнося при этомъ знаменательныя слова:

„*Te, Amata, capio!*“

(Возлюбленная, я похищаю тебя).

Это латинское слово *Amata* (возлюбленная) обычный эпитетъ, придававшійся весталкамъ. Въ позднѣйшее время жеребьевка при избраніи весталокъ уже не была *необходимою*, такъ что *pontifex maximus* всегда уже безъ жеребья могъ взять дѣвушку въ весталки, если на это были согласны ея родители, благо были бы въ ней качества, необходимыя для весталки, т. е. безпорочность тѣла. Случалось, однако, что не шла въ весталки ни одна изъ намѣченныхъ верховнымъ жрецомъ дѣвушекъ и тогда примѣнялась жеребьевка. Но вообще, какой бы то ни былъ способъ избранія весталки, онъ назывался: *Vestalem* (т. е. *Virginem*) *legere* и *vestalem* *capere*.

Дѣвушка, избранная въ весталки, цѣлыя 30-тьлѣтъ обязана была служить богинѣ Вестѣ, поддерживая ея священный огонь. По истеченіи этихъ 30-ти лѣтъ, весталка оставляла храмъ богини и имѣла право выйти замужъ, что на практикѣ, однако, случалось рѣдко. такъ какъ дѣвица *ex-vestalis* бывала уже не первой молодости. Главнѣйшею обязанностью весталки было — поддерживать священный огонь на алтарѣ Весты и не давать ему погасать. Если же весталка, по небрежности, допускала этому огню погаснуть, то подвергалась жестокому тѣлесному наказанію: ее сѣкъ бичемъ или розгами или самъ верховный жрецъ собственноручно, или одинъ изъ его подчиненныхъ. Послѣ такой экзекуціи надъ весталкою, священный огонь *зажигали снова*, но не обыкновеннымъ образомъ, а выжидали, пока его зажгутъ лучи солнца. Такимъ же именно путемъ священный огонь ежегодно возобновлялся 1-го марта. Весталки-дѣвственницы, какъ служительницы богини, жили въ самой внутренней части ея храма и исполняли на алтарѣ богини всѣ священные обряды. Молитвѣ и самому обѣту дѣвства со стороны весталки римляне приписывали громадную силу для умилоствленія боговъ. Весталка была какъ бы движущимся алтаремъ примиренія и прощенья. Встрѣтившійся съ нею преступникъ, ведомый изъ темницы на казнь, освобождался отъ смертной казни *).

Одежда весталки состояла изъ длиннаго платья, вышитаго по краямъ пурпуромъ; голова ея украшалась повязками и лентами. Широкая головная повязка придавала головкѣ молодой дѣвушки нѣкоторую изящность, граціозность и оригинальность, какъ можно судить по

*) *Plutarch.* „Numa“ X.

сохранившемся до насъ бюсту римской весталки (см. 1-й папъ рисунокъ въ началѣ книжки, помѣщенный вмѣсто фронтисписа). Всюду, гдѣ ни появлялись весталки, имъ оказывались величайшія почести. Если весталку встрѣчалъ на улицѣ консулъ или преторъ, то онъ уступалъ дѣвственницѣ путь, а сопровождавшіе консула ликторы склоняли передъ нею свои «*fascēs*» или пучки розогъ съ воткнутыми въ средину этихъ пучковъ сѣкирами. Такимъ склоненіемъ «*fascēs*» обозначалось оказываніе высшей почести. Но самую весталку, во время шествія ея по улицѣ, всегда сопровождалъ ликторъ: на общественныя игрища и зрѣлища въ циркѣ, напр., онѣ ѣздили на собственныхъ колесницахъ и занимали въ циркѣ и театрѣ почетныя мѣста.

Если же весталка нарушала обѣтъ дѣвственности, то ее подвергали страшной казни. Отъ нея сначала отнималось достоинство жрицы. Жрецы призывали ее на судъ въ свое собраніе и, если вина ея была доказана, произносили надъ нею смертный приговоръ. Казнь преступныхъ весталокъ совершалась на особомъ «проклятомъ» или прелюбодѣйномъ полѣ (*campus sceleratus*), и казнь дѣйствительно была ужасна: съ торжественными обрядами *несчастную зарывали живою въ землю!*.. Самого же соблазнителя весталки, если его успѣвали схватить, тутъ же сѣкли бичами или розгами до смерти...

Итакъ, два божества, Юпитеръ и Веста, были единственными божествами, которыхъ какъ греки, такъ и римляне производили отъ общихъ предковъ. Затѣмъ были у римлянъ такія божества, которыхъ они, въ теченіи своей исторіи, заимствовали отъ грековъ; были у нихъ еще и иныя божества, которыхъ греки хотѣли отождествить съ нѣкоторыми изъ своихъ боговъ и богинь;

и римляне были готовы вѣрить нѣкоторымъ мечтамъ и фантазіямъ, что привело ихъ въ ближайшія отношенія съ націею, на которую во многихъ отношеніяхъ они смотрѣли съ уваженіемъ. Но здѣсь мы по большей части встрѣчаемся съ весьма ошибочными и ложными отождествленіями, основывающимися или на кажущемся сходствѣ атрибутовъ или качествъ, или на случайномъ сходствѣ именъ. Беремъ примѣръ. Богъ, культъ котораго весьма широко былъ распространенъ между итальянскими племенами, былъ *Mars* или *Mavors*. Онъ былъ, какъ на это указываетъ уже самое его имя, богомъ мужества, «силы». Это понятіе включаетъ въ себя силу творческую; на него смотрѣли какъ на отца народа; это былъ вѣчно-юный и прекрасный богъ довольства и изобилія. Ему посвящалось сіяющее время весны; отъ него заимствовано и названіе перваго весенняго мѣсяца— *Martius* (мартъ). Ему посвящались плоды перваго сбора. Ему молился римскій фермеръ и земледѣлецъ, вообще сельскій хозяинъ, чтобы размножалось племя его овецъ и другого скота. Эпитетъ «*Gradivus*», часто придающійся Марсу, указываетъ на то, что онъ былъ и богомъ роста, «произрастанія». Но съ теченіемъ времени однимъ изъ доказательствъ мужества и мощи римлянина сдѣлалась война, такъ что Марсъ, весьма естественно, сдѣлался «богомъ войны». Мы знаемъ, затѣмъ, что у грековъ «богомъ войны» былъ *Аресъ*. Однако мѣсто, которое занималъ Аресъ у грековъ, совершенно различно отъ мѣста Марса у римлянъ. Аресъ былъ богъ «истребленія» на войнѣ: строго говоря, Аресъ есть божество; но его умъ и сердце жестоки, дико, звѣрски; у Гомера, на примѣръ, вовсе не Аресъ, а богиня мудрости, Аѣнна, даетъ героямъ побѣду: самъ же Аресъ даже раненъ и, дико завывая, бѣжитъ съ поля битвы.

Мы видимъ, слѣдовательно, до какой степени Марсъ не похожъ на Ареса и къ какому ложному выводу повело бы смѣшеніе того и другого божества. Въ другомъ случаѣ встрѣчается меньше сходства въ самой природѣ бога, но болѣе въ его имени. У римлянъ былъ богъ домашняго обихода (домъ съ принадлежностями) *herc-tum* *), назывался этотъ богъ у римлянъ *Herculus* или *Hercules*. Онъ былъ собственно богомъ фермера, земледѣльца; но такъ какъ въ старое время римской жизни собственность состояла главнымъ образомъ въ землѣ и постройкихъ фермъ для сельскаго хозяйства и содержанія скота, то *Herculus* сталъ считаться и почитаться вообще богомъ собственности такъ же, какъ и богомъ торговли. Въ улицахъ каждаго города и на каждомъ перекресткѣ ему ставились алтари, предъ которыми римскіе коммерсанты произносили свои клятвы и обѣты и благодарили за выгодную продажу товара, и этотъ богъ получалъ $\frac{1}{10}$ коммерческихъ прибылей въ формѣ особаго банкета, на которомъ, какъ предполагалось, богъ этотъ присутствовалъ. Но трудно найдти контрастъ болѣе представляемаго итальянскимъ Геркулесомъ и греческимъ *Иракломъ*, на котораго, въ позднѣйшее уже время, греки научили смотрѣть римлянъ какъ на то же самое божество. Греческому Ираклу не было никакого дѣла до сельскохозяйственныхъ фермъ или вообще до собственности. Онъ, какъ уже достаточно ясно показываетъ его имя, есть «слава воздуха небесъ» (небесной атмосферы), слѣдовательно это богъ-солнце. Вся его жизнь — это жизнь труда и борьбы во имя людей и за людей. Его шествіе, пови-

*) Въ собственномъ смыслѣ *herctum* значитъ *нераз-дѣльное наследство*.

димому, затемняется облаками, собирающимися вокруг него, но, идя далѣе, онъ разсѣваетъ ихъ, и его жизнь кончается торжественною и славною смертью. Въ другихъ случаяхъ римляне заимствовали отъ грековъ атрибутъ или функцію известнаго божества, мало свѣряясь и мало думая о томъ, что, собственно говоря, они вносятъ въ свой культъ новое божество; такъ внесенъ былъ культъ новаго бога торговли *Меркурія*, взявъ именно *одну только* эту функцію отъ Гермеса, который, правда, былъ богъ торговли, но еще болѣе былъ богъ кое-чего другого. Отсюда ясно, что мы не можемъ слѣдовать за римлянами въ употребленіи имъ латинскихъ именъ для боговъ и богинь Греціи, иначе мы въ массѣ случаевъ останемся въ заблужденіи. Божества, о которыхъ мы уже говорили, Юпитеръ, Веста, Марсъ и Геркулесъ были, быть можетъ, самыми значительными божествами, которыхъ культъ существовалъ въ древнѣйшее время. Для дополненія картины и сонма небожителей, мы должны прибавить еще нѣсколько другихъ божествъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь будутъ стоять божества сельской жизни, предшествовавшей основанію города Рима: *Сатурнъ* (*Saturnus*), богъ сѣянія и паханія полей; *Церера*, или *Dea Dia*, какъ она иначе называется,—это производительная сила земли, дающая средства собирать жатву; *Pales* и *Faunus*, боги стадъ. Затѣмъ, почетное мѣсто занимаютъ еще здѣсь два великія божества, которыя перешли къ римлянамъ, повидимому, изъ сабинскаго элемента гражданъ. Это: *Юнона*—тигъ царственной женственности, *Минерва*—воплощеніе мудрости; былъ еще у римлянъ двуликій *Янусъ*, богъ открыванія и запиранія, богъ солнца, приносящій открывающійся день и снова, по своемъ исчезновеніи съ горизонта, погружавшій или закрывав-

пій міръ во мракъ; и рядомъ съ нимъ была еще его сестра *Діана*, богиня луны, царица ночи. Мы видимъ, сверхъ того, у римлянъ рядъ божествъ, стоявшихъ весьма близко къ природѣ, хотя и занимавшихъ низшее мѣсто, чѣмъ боги греческаго Олимпа. Это: *Венера*, богиня чистоты и граціи, и *Нептунъ*, державшій власть какъ надъ внутренними водами, — прудами и рѣками, — такъ и надъ безвѣстнымъ, чуждымъ моремъ. Кромѣ того, являясь въ слабыхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ, имѣя мрачный и унылый характеръ въ римской религіозной міѳологіи, существуютъ еще множество формъ и образцовъ небесныхъ существъ, по величественный характеръ проглядываютъ и сквозь неопредѣленныя формы. Имена этихъ существъ звучатъ довольно странно для нашего слуха; но это самое обстоятельство помогаетъ намъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о духѣ римской религіи. Каждое дѣйствіе въ жизни, отъ самаго значительнаго до самаго малаго, состоитъ подъ покровительствомъ *особаго духа*. Такъ, напримѣръ, *Vaticanus* споспѣшествуетъ первому крику родившагося дитяти, и еще божество *Fabulinus*, которое научаетъ ребенка первому лепету, первой рѣчи. Далѣе была *Edusa*, обучающая человѣка ѣсть; *Potina*, обучающая пить; *Abeona*, подъ заступничествомъ которой человѣкъ оставляетъ домъ, отправляясь въ путешествіе; *Interduca*, показывающая человѣку дорогу; *Domiduca*, руководящая его въ домъ, и *Adeona*, возвращающая его въ домъ изъ странствованія, путешествія. Словомъ, мы знаемъ имена не менѣе 43-хъ божествъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ жизни. Всѣ эти божества имѣютъ какое-то неопредѣленное очертаніе; носясь какъ тѣни въ пространствѣ, то дѣлаясь невидимыми, то вдругъ являясь въ туманныхъ образахъ, они

напоминають (только лишь въ этомъ отношеніи—неопредѣленности очертаній) боговъ Гомеровской «Одиссеи». Но, кромѣ того, мы знаемъ еще 10 римскихъ божествъ, стоящихъ б-бокъ съ великими божествами. Эти десять божествъ заботятся о бракахъ и заключеніи браковъ въ разныхъ ихъ видахъ. Затѣмъ, молитвы римлянина объ урожаѣ и благословенной, обильной плодами осени направлены были къ *Матери Земль* *) и Церерѣ. Однакоже культъ и богослуженіе этимъ божествамъ не имѣли совершенной и законченной формы, исключая того, что земледѣлецъ-скотоводъ или владѣтель фермы взывалъ къ духу, властвующему надъ распускающеюся и разцвѣтающею землею, и къ духу, взрывающему плугомъ землю бороздами на-крестъ, далѣе, къ духу, бороздящему землю, и къ духу, пахущему для посѣва. Затѣмъ — къ духу, боронящему землю, къ духу, искореняющему плевелы, къ духу жнущему, къ духу, перевозящему жито въ житницу, и къ духу, снова выносящему изъ житницы это жито въ качествѣ сѣмянъ для посѣва. Словомъ: мы имѣемъ здѣсь огромную классификацію духовъ, раздѣляющихъ между собою спеціальныя заботы о земледѣліи.

3. Воззрѣнія римлянъ на природу и свойства боговъ. — Уже сейчасъ приведенные факты въ состояніи показать намъ, какъ римлянинъ смотрѣлъ на свои божества, какъ представлялъ ихъ природу. Эти божества не были для римлянина живыми существами, а скорѣе—абстракціями, отвлеченіями. Живая фантазія грека, наиримѣрь, превращала каждое божество своей религіи въ мощнаго, мудраго человѣка (антропомор-

*) *Tellus* или *Alma mater Tellus*, богиня и мать земля, питающая земля. (Примѣч. перевод.).

физмъ), но всегда болѣе прекраснаго, чѣмъ человѣкъ, весьма естественнаго въ смыслѣ требованій человеческой природы. Греческіе боги, какъ и люди, любятъ, ненавидятъ, ссорятся, снова заключаютъ миръ до новой ссоры, являются, когда имъ вздумается, передъ глазами смертныхъ и нѣкоторое время живутъ между смертными, нося осязательную форму человѣческаго тѣла. Исторія, которую грекъ разсказалъ о своихъ божествахъ, представляетъ наиболѣе поэтическую и наиболѣе плодотворную и прекрасную міологію въ мірѣ... Это уже давно признано всѣми. Но какимъ образомъ римлянинъ могъ разсказать исторію своихъ боговъ, этихъ мрачныхъ унылыхъ тѣней, лишенныхъ плоти и крови, этихъ абстракцій съ ярлыками разныхъ названій, въ родѣ: «богиня, покровительствующая управленію изъ дома?» или «духъ взрыванія земли накрестъ?» Съ несравненнымъ богатствомъ, свѣжестью, прелестью и граціей греческой міологіи мы, обращаясь къ міологіи римской, можемъ сопоставить весьма немного сухихъ и скучныхъ италическаго изобрѣтенія разсказовъ, повѣствующихъ намъ большею частью о чудесномъ рожденіи какого-либо мальчика, воспитаннаго въ дѣтствѣ и отрочествѣ подъ особымъ покровительствомъ неба, гдѣ нибудь вдали отъ родины. Этотъ мальчикъ находитъ свой родной городъ, даетъ ему законы, наконецъ, разстается съ земнымъ міромъ такимъ же мистическимъ образомъ, какъ и явился въ него. Религія римлянъ не представляла даже пути къ теологій, потому что она не научала и не старалась научать, что такое боги «въ самихъ себѣ». Она говорила только объ обязанностяхъ, которыя имѣлъ человѣкъ по отношенію къ своимъ богамъ; она говорила только о тѣхъ средствахъ, которыми можно обезпечи-

вать благоволеніе боговъ. — Что такое боги «сами въ себѣ», этого римлянинъ даже и не претендовалъ узнать. Когда онъ говорилъ о блаженствѣ и благодати боговъ, то представлялъ ихъ невидимыми, окружающими и проникающими весь духовный міръ и вліяющими на человѣческую жизнь; но передъ глазами человѣка они принимаютъ человѣчески-тѣлесную форму, и душа человѣка (необъяснимымъ какимъ-то образомъ) въ это время привлекается къ нимъ близко; затѣмъ боги вновь исчезаютъ отъ человѣческаго взора и, подобно волнѣ, скрываются въ безбрежномъ пространствѣ міроваго океана. Все, что римлянинъ зналъ о своихъ богахъ, сводилось на то, чтобы соблюдать по отношенію къ нимъ обычай завѣщанные предками, приносить имъ моленія и жертвоприношенія въ опредѣленные времена и при опредѣленныхъ случаяхъ. Для этого и существовала неизбѣжная обязанность, моральный долгъ (*religio*); и святость (*sanctitas*), по смыслу словъ Цицерона, состояла въ томъ, чтобы имѣть знаніе обрядовъ по отношенію къ богамъ и знать, какъ ихъ совершать. Если въ надлежащее время созданы были богамъ молитвы въ собственномъ смыслѣ слова, если принесены были имъ надлежащимъ образомъ жертвоприношенія, то этимъ самымъ дѣлался расчетъ съ высшимъ міромъ, — римлянинъ былъ квитъ съ своими богами. Богослуженіе составляло непрерывную часть этихъ высшихъ обрядовъ, и римлянинъ вѣрилъ, что богослуженіе это угодно богамъ и что они воздадутъ за него свои милости. Но все-таки во всемъ этомъ мы съ трудомъ нашли хотя-бы слѣдъ того, что мы называемъ *благочестіемъ* (*piety, piété*) въ нашемъ смыслѣ. Намъ извѣстно, что сущность, напримѣръ, греческой религіи состояла въ благоговѣйномъ подчиненіи санкціи боговъ; поскольку человѣкъ хотѣлъ жить бо-

гоподобною, лучшею жизнью, онъ считалъ невозможнымъ достигъ послѣдняго безъ этой санкціи *). Духъ и сущность римской религіи представляютъ діаметрально противоположныя черты; римлянинъ исполнялъ волю боговъ не во имя того принципа, чтобы сдѣлаться богоподобнымъ, а лишь во имя того, что «боги этого требуютъ». Есть однако единственная черта, въ которой греки и римляне сходились въ своихъ воззрѣніяхъ на боговъ даже въ самый ранній періодъ, — это то, что и римляне и греки имѣли весьма малое или уже вовсе не имѣли никакого представленія о томъ, что боги требуютъ отъ людей *всегда* того, что свято и справедливо. Мораль въ этомъ случаѣ имѣла весьма мало отношенія къ религіи. Между людьми и богами существовало какъ будто-бы какое-то формальное условіе (контрактъ), по которому человѣкъ воздавалъ почести богамъ за благословенія (напримѣръ, плодородіе), ниспосылаемая на землю. Не было этихъ благословеній, — почести богамъ считалъ для себя человѣкъ необязательными. Въ религіи, какъ и въ законахъ, люди скрѣпе смотрятъ на букву, чѣмъ на духъ. Если, напримѣръ, отцу боговъ и людей, Юпитеру, нужно было приносить въ жертву вино и если не было у людей настоящаго представленія, что отцу боговъ нужна собственно для жертвоприношенія лишь *одна* полная чаша вина, которую онъ символически держитъ въ рукѣ, то могло у тѣхъ же людей родиться ложное, подавляющее представленіе, что Юпитеръ требуетъ себя въ жертву цѣлой годовой жатвы винограда.

*) Особенно это выразилось въ возвышенномъ ученіи греч. философа Платона, которое должно стоять въ параллели съ ученіемъ Евангелія: „будьте убо совершенни, яко же Отець Вашъ небесный совершенъ есть“.

Примѣч. перевод.

съ другой стороны. если богъ требуетъ себѣ именно сколько-то головъ животныхъ въ жертву, то стоять лишь нѣсколько безцеремонно отнестись къ буквѣ предписанія, то и выйдетъ, что богъ хочетъ себѣ къ жертву вовсе не *столько-то головъ* животныхъ, а столько-то головокъ чесноку, или если богъ требуетъ себѣ въ жертву животное, то, не церемонясь съ буквою, можно ирїйдти къ мысли, что богъ требуетъ себѣ *животнаго изъ тѣста или изъ воску*. Такія толкованія иредписаній дѣйствительно и бывали.

Мы нашли, такимъ образомъ, что религія у римлянъ вовсе не могла быть врачующимъ средствомъ пороковъ и испорченности народной массы. Ничего не было въ ней, что могло-бы смягчить грубость, жестокость и жадность людей. Если говорили о потребности вѣры, то это была просто игра словами; но именно недостатокъ вѣры, презрѣніе къ религіознымъ обрядамъ и служили частью причиною неудовольствій въ ихъ сношеніяхъ съ другими народами. Но, съ другой стороны, у римлянина было постоянное сознаніе, что нужно жить подъ совокупностью извѣстныхъ обязательствъ, идея долга была развита весьма широко, привычка повиновенія, субординаціи имѣла для себя твердую основу. Вѣра римлянина въ боговъ могла прибавить ему лишь чрезвычайно мало счастья и уснокоенія въ его жизни, но въ то же время она дѣлала его лучшимъ для государственнаго строя. Такимъ образомъ и у римлянъ религія способствовала, въ обширныхъ размѣрахъ, укрѣпленію и преуспѣянію общественнаго блага.

4. Римскія вѣрованія въ духовъ умершихъ. — Теперь переходимъ къ другой сторонѣ Римской религіи. къ ея древней, первоначальной формѣ. Этотъ предметъ до такой степени интересенъ, что мы не можемъ обойти его изложенія, хотя бы только вкратцѣ и въ об-

щихъ чертахъ, уже потому, что эти вѣрованія имѣли громадное вліяніе на міровоззрѣніе, на духовную жизнь и вообще новую политическую исторію Рима. Надо отмѣтить, во-первыхъ, главную, существенную черту. Римляне вѣровали, что души умершихъ никогда не погибаютъ, а вѣчно живутъ, — живутъ печальною, меланхолическою жизнью, во мракѣ, въ царствѣ тѣней, что эти души часто посѣщаютъ гробъ, въ которомъ тѣла умершихъ были погребены, надѣясь на улучшеніе своей участи именно вельдствіе тѣхъ почестей и знаковъ уваженія и благоговѣнія, которые воздаютъ имъ потомки. Это глубокое и дѣйствительно полное меланхолической поэзіи вѣрованіе (отъ этого вѣрованія никогда никакой вѣкъ не отрекался; онъ скажется всегда, на самыхъ высшихъ степеняхъ развитія и цивилизаціи, ибо о будущемъ, послѣ смерти, мы ровно ничего не знаемъ) римляне несомнѣнно принесли съ своей первоначальной обще-арійской родины. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что подобное же вѣрованіе съ такою же строгостью и ностальдовательностью проводится и въ Индіи, и въ Греціи. Весьма любопытно отмѣтить здѣсь, что для римскаго семейства считалось величайшимъ несчастіемъ, если душа умершаго оставалась безъ воздаянія ей надлежащихъ почестей. Считалось величайшимъ нечестіемъ и беззаконіемъ пренебрегать священными обязанностями по отношенію къ умершимъ предкамъ: предполагалось, что этимъ наносится оскорбленіе всему міру тѣней, во всемъ невидимомъ мірѣ. Отъ этого-то считалось тяжкимъ преступленіемъ и великимъ несчастіемъ, если мущина умиралъ неженатымъ. Не только онъ долженъ былъ лишиться всѣхъ почестей послѣ смерти со стороны живыхъ ближнихъ родственниковъ, но даже духи предковъ въ царствѣ

тѣней встрѣчали его съ презрѣніемъ, и онъ не могъ наслаждаться общеніемъ съ ними.

Почести умершему воздавались обыкновенно у семейнаго очага, этого центра семейной жизни. Божествомъ очага была богиня *Веста*; но въ тѣсной связи съ ея культомъ стоялъ культъ *Ларамъ и Пенатамъ*. Природу этихъ духовъ, соотвѣтственно вѣрованіямъ римлянъ, довольно трудно опредѣлить ясно. Однако же, если мы припомнимъ то громадное значеніе, которое придавалось почестямъ, воздаваемымъ у римлянъ духамъ умершихъ, если мы припомнимъ, что эти почести всегда воздавались у гробовъ умершихъ, у гробовъ, въ которыхъ, какъ предполагалось, живутъ эти духи умершихъ; если мы припомнимъ далѣе, что въ древнѣйшее время римской жизни домохозяинъ погребался у своего собственнаго домашняго очага, — если мы припомнимъ все это, то должны будемъ тотчасъ убѣдиться, что *Лары* и *Пенаты* были ничто иное, какъ души умершихъ предковъ, которыхъ боготворили потомки. Духъ умершаго, который не пользовался подобнымъ боготвореніемъ дѣлался «*злымъ, мукавымъ*» духомъ. Этого послѣдняго рода духи назывались у римлянъ: *Larvae*, — *Le-tures*: эти духи всетаки изъявляли свои собственные притязанія на почести, подобныя тѣмъ, которыя воздавались ихъ родичамъ — *Ларамъ и Пенатамъ*. И вотъ теперь изъ этой глубокой вѣры въ жизненную значительность культа домашнимъ духамъ вытекали два весьма важныя слѣдствія. *Во-первыхъ* единственный жрецъ, исправлявшій обряды культа, былъ *pater familias*: отсюда въ его полной власти было исключить каждаго изъ участія въ жертвоприношеніяхъ, каждаго, кого только считалъ недостойнымъ участвовать въ нихъ. Изъ этого же выходило, въ концѣ концовъ, то пред-

ставленіе о неограниченномъ авторитетѣ главы семейства—авторитетѣ, о которомъ мы говорили выше. *Другое* слѣдствіе изъ высказаннаго выше общаго положенія было то, что при семейномъ жертвоприношеніи не имѣлъ права присутствовать *никто* изъ непринадлежавшихъ къ членамъ этого семейства. И если-бы, напримѣръ, кто-либо вздумалъ присоединиться къ семейному богослуженію изъ неприсходящихъ отъ обожаемаго родоначальника, или если присоединившійся не принять въ ту семью чрезъ законное усыновленіе (*adoptio*), то это считалось возмутительнымъ святотатствомъ. Иъсомнѣнно, что торжественно-благоговѣйное настроеніе чувствъ громаднымъ образомъ способствовало сохраненію чистоты семейной жизни, которая была однимъ изъ самыхъ величавыхъ и достойныхъ уваженія явленій въ самой ранней исторіи Рима. Но припомнимъ же здѣсь, что и Римское государство разсматривало само себя, какъ *единое* обширное семейство. Подобно тому, какъ каждое частное домохозяйство имѣло свой особый семейный очагъ, такъ и нація римская, разсматриваемая какъ цѣлое, имѣла свой *общій* очагъ въ храмѣ богини Весты; вся нація имѣла общерелигіозные обряды, при совершеніи которыхъ не могъ присутствовать ни одинъ иностранецъ. Плебеи были пришельцами, когда они пришли на житье въ Римъ, но, согласно строгимъ древнимъ римскимъ понятіямъ, плебеи не имѣли своей собственной семейной жизни, а также не имѣли права и участвовать въ семейной жизни римскаго народа. Согласно римскому закону, они не имѣли права вступать и въ браки съ дѣвками чисто-римскаго происхожденія (патриціанками), а въ общемъ итогѣ выходило то, что плебеи даже не были отцами (*patres*). И вотъ поэтому-то и возникло со стороны плебеевъ домогательство гражданскихъ правъ

и искательство дозволенія, въ качествѣ магистратовъ. участвовать отъ имени народа въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ національнымъ богамъ; отсюда-то домогательство пришлеца присоединиться къ семейному богослуженію и узурпировать мѣсто домохозяина, въ качествѣ главы семьи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ громадно-продолжительной борьбы плебеевъ съ патриціями вліяли и другіе могущественные мотивы; но вѣрно также и то, что самое зерно упорства патриціевъ въ этой борьбѣ составляло желаніе сохранить отъ чуждыхъ вліяній чистоту семейныхъ религіозныхъ обрядовъ. Это желаніе и придавало патриціямъ энергію для столь упорнаго сопротивленія.

5. **Римскіе храмы и жрецы.**— Латинское слово *templum* значитъ собственно мѣсто, отведенное особою чертою для священныхъ цѣлей, для священнодѣйствія. и для этого могло быть утилизировано мѣсто гдѣ-либо въ сторонѣ (отъ движенія и шума). Мѣсто это опредѣлялось авгуромъ при помощи его наблюденій различныхъ предзнаменованій, напримѣръ хотя-бы на небѣ. Затѣмъ, не оставляя старыхъ обычаевъ въ этомъ родѣ, начали прибавлять къ дашной священной постройкѣ еще черту въ сторонѣ, для совершенія богослуженія. Въ самое раннее время, о которомъ мы и говоримъ теперь, *храмъ* (*templum*) представляетъ ничто иное, какъ *целлу* (*cella*) или маленькую камеру для сохраненія въ ней изображенія божества, или иногда *templum* представлялъ лишь *выпу* (*aedicula*), предъ которою стоялъ алтарь (*ara*). Если представлялось возможнымъ, то храмъ устраивался такъ, что открытою стороною обращенъ былъ къ западу, въ томъ разсчетѣ, что жрецъ, совершающій богослуженіе, стоящій предъ алтаремъ и смотрящій впередъ на изображеніе бога, долженъ

обращать лице къ востоку, и это расположеніе храмовой постройки до сихъ поръ сохраняется въ большей части христіанскихъ церквей. Но *templum* былъ разсматриваемъ какъ мѣсто обитанія бога; народъ никогда не входилъ въ *templum* совершать свое богослуженіе. Только мало-по-малу храмъ началъ получать такое назначеніе и употребленіе. Обычай воздвигать въ честь боговъ храмовыя зданія, отличающіяся высокою красотою архитектуры, повидимому, отмѣчаетъ для насъ *первую* ступень въ развитіи самой римской религіи, чрезъ вліяніе чужеземныхъ національностей.

Жрецы въ Римѣ никогда не составляли отдѣльнаго обособленнаго класса или корпораціи, иначе касты, какъ въ Египтѣ и какъ у нѣкоторыхъ новыхъ народовъ. Для римскихъ жрецовъ не было нужды въ специальномъ обученіи, и это потому, что они никогда не имѣли въ виду быть учителями народа. Ихъ обязанность просто-напросто состояла въ томъ, чтобы отъ имени націи совершать жертвоприношенія, подобающія богамъ, согласуясь съ традиціонными обычаями. Жрецы не были освобождены отъ другихъ обязанностей государственной службы; напротивъ, въ Римѣ еще было въ обычай избирать, для исполненія различныхъ жреческихъ обязанностей, наиболѣе знаменитыхъ государственныхъ мужей или полководцевъ. Мы должны различать въ Римѣ *два* особыхъ отдѣльныхъ класса жрецовъ: 1) тѣ, которые завѣдывали общимъ управленіемъ религіозныхъ дѣлъ и которыхъ, собственно говоря, было трудно назвать жрецами въ собственномъ смыслѣ слова; 2) жрецы, посвящавшіе свою дѣятельность отдѣльнымъ частнымъ божествамъ. *Первый* классъ распадался на двѣ большихъ коллегіи (*collegia*) или группы сослужителей, снабженныя большимъ или меньшимъ значеніемъ и полно-

мочіями. Изъ нихъ первую по степени значенія и почета группу составляли *pontifices*, названіе, новидному, происходившее отъ слова *pons* *), въ первоначальномъ значеніи этого слова— «путь», и, новидному ихъ обязанность состояла въ посредничествѣ и общеніи между государствомъ и городомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ контроль простирался надъ всею, что касалось религіи, включая сюда и регулированіе календаря; они распредѣляли также дни, въ которые должны были состояться извѣстныя судебныя засѣданія, они опредѣляли ходъ законной процедуры, говоря короче, какъ сами жрецы выражали это, они завѣдывали «знаніемъ вещей божескихъ и человѣческихъ» (*regim divinarum atque humanarum scientium*). Главный изъ ихъ коллегіи назывался *pontifex maximus*. Этотъ послѣдній былъ оффиціальнымъ главою римской религіи; но до какой степени мало онъ былъ, такъ сказать, лицомъ церковнымъ, это показываетъ уже тотъ фактъ, что Юлій Цезарь носилъ титулъ *pontifex maximus* во все то время, покуда завоевывалъ Галлію. *Pontifex maximus* имѣлъ *четыре* помощниковъ-сослужителей—все они были изъ сословія патриціевъ, но внослѣдствіи къ этой священной коллегіи стали прибавляться и четверо изъ плебеевъ. Ближайшимъ къ жрецамъ, по рангу и значенію, стояло сословіе *авгуровъ*. Обязанность послѣднихъ

*) Историкъ визант. Зосима (V в.) подробно изъясняетъ этимологию этого слова въ кн. IV. стр. 216. По его словамъ, жрецы *первые* въ Фессаліи, на рѣкѣ Пеней, на мосту (*pons*) поставили изображ. боговъ, и такъ какъ по-гречески мость назыв. *gerhyre*, то жрецы, поставившіе изображеніе боговъ на мосту Пеней, назывались также *gerhyraei* ἄρχ τῆς πρώτης λαθιδρύσεως γερυραίου = ποντιφίκαρ ἐξονομαζάντες... (*Zosimus*. IV. 36. стр. 216).

состояла въ томъ, чтобы узнать и истолковать волю боговъ относительно того дѣйствія, которое государство еще взвѣшивать, не рѣшаясь предпринять. Авгуры наблюдали и добывали предвѣщаніе посредствомъ полета или крика птицъ, сообразуясь при этомъ съ кодексомъ правилъ, который представлялъ изъ себя цѣлую науку (*disciplina*) авгурства. Но авгуровъ слѣдуетъ строго и тщательно различать отъ *haruspices*, или вѣщуповъ (гадателей). Это были выходцы въ Римъ изъ Этруріи. *Haruspices* гадали по внутренностямъ животного, закланнаго для жертвоприношенія, а также чрезъ толкованіе смысла грома и молніи. Они претендовали, что способны къ пророчеству гораздо въ большей степени и съ большими деталями, чѣмъ авгуры, которые могли предсказать будущее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ— одобряютъ-ли боги извѣстное рѣшеніе или не одобряютъ. Итакъ, съ теченіемъ времени гаруспиціи дѣлались все болѣе и болѣе популярнымъ сословіемъ, хотя они и никогда ни занимали такого высокаго ранга въ государствѣ, какъ авгуры. Катонъ строго запретилъ свѣдому домашнему эконому совѣтоваться съ гаруспиціемъ; а Цицеронъ, который чрезвычайно гордился избраніемъ его въ коллегію авгуровъ, говорилъ, какъ о постыдной и позорной вещи, что одинъ *гаруспицій* былъ допущенъ Цезаремъ въ сенатъ. Но какъ *жрецы* (*pontifices*), такъ и *авгуры* всетаки не могли совѣтоваться съ богами или толковать волю боговъ безъ приказанія магистратовъ; и самое право «производить ауспиціи» принадлежало лишь тому, кому право на эту операцію разрѣшилъ народъ, и жрецъ, какъ таковой, пользовался почестями за свои спеціальныя знанія; но опредѣленіе границы самаго приложенія этихъ знаній уже опредѣлялось государствомъ. Изъ наиболѣе важныхъ жрецовъ, посвя-

щавшихъ себя служенію частнымъ божествамъ и составившихъ вторую изъ указанныхъ нами категорій жрецовъ, нужно отмѣтить *проиоз*, такъ называемыхъ *фламинозъ*, *flamines*, возжигателей (отъ *flamen* — *пламя*): *Юпитера*, *Марса* и *Квирина*; затѣмъ 12-ть жрецовъ-саліевъ (*salii* — скачущіе жрецы) бога Марса; 12-ть *fratres arvales* (братья поля), которыхъ призваніе состояло въ томъ, чтобы во имя *dea dia*, призывать благословеніе на ростъ полевыхъ посѣвовъ. Ко всѣмъ нечисленнымъ здѣсь жрецамъ нужно прибавить еще шестерыхъ *Весталокъ-Дѣвственницъ*, заботившихся о постоянномъ поддержаніи священнаго огня въ храмѣ Весты, считавшемся общимъ очагомъ Рима. Таковы были боги, которымъ воздавалось поклоненіе въ Римѣ въ самый ранній періодъ его жизни, и таковы были жрецы, посвящавшіе себя служенію этимъ богамъ.

6. **Ритуаль.** — Самая форма римскаго богослуженія была большею частью ясна и проста. Съ одной стороны, ритуаль римскій даже не выражалъ собою глубокаго чувства человѣческой грѣховности, которое нуждалось въ удовлетвореніи и примиреніи, какъ это было у грековъ. Съ другой стороны, здѣсь не было даже желанія моральной чистоты и преусердія. Благословеніе боговъ, котораго искали этими обрядами, сводилось главнымъ образомъ къ богатству и комфорту въ этой жизни. Но, съ другой стороны, въ этомъ богослуженіи была и некоторая часть террора и грознаго мрака. Состояло богослуженіе главнымъ образомъ изъ пѣсень и танцевъ, сопровождавшихся жертвоприношеніями богамъ, и это доставляло дѣйствительное празднество для совершавшихъ богослуженіе, потому что для нихъ при этомъ слѣдовала благодѣтельная перемяна въ пищѣ отъ ихъ обычной растительной діеты. Когда принимавшіе участіе въ

богослуженіи купались въ быстротекущей рѣкѣ или источникѣ, когда они одѣвались, послѣ этого, въ бѣлоснѣжныхъ тоги и украшали свои головы гирляндами изъ древесныхъ листьевъ, посвященныхъ божеству, въ честь котораго было богослужебное собраніе, наблюдалось, чтобы какой-либо дурной, негармоничный крикъ не былъ слышенъ, чтобы не было слышно слова дурнаго предзнаменованія. Флейщикъ (*tibicen*), непременно присутствовавшій при каждомъ торжественномъ жертвоприношеніи, усиленно выдувалъ звуки на своей двойной флейтѣ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ стояли съ закрытыми головами. Совершавшій жертвоприношеніе повторялъ молитву, которая диктовалась ему жрецомъ или священникомъ. Жертвенное же животное, голова котораго украшена была гирляндами (*serta*) и повязками (*vittae*), тихо и осторожно подводилось къ алтарю; на голову животного посыпались и поливались виномъ, благовонныя смолы (ладанъ). Особо приставленный для этого жертвенный служитель (*prætor*) убивалъ животное молоткомъ и перерѣзывалъ ему горло ножомъ. Кровь собиралась въ особый сосудъ и изливалась на алтарь. Затѣмъ благороднѣйшія внутренности (*exta*), т. е. сердце, легкія и печень, опять-таки посыпались и окроплялись благовонною смолою, виномъ, медомъ и затѣмъ предавались огню. Изъ мяса же (*viscera*) приготовлялся праздничный обѣдъ для семейства, приносившаго жертву, а въ случаѣ публичныхъ жертвоприношеній — для жрецовъ.

7. Измѣненія въ римской религіи. — Мы теперь должны сдѣлать хотя и весьма краткій и общій очеркъ тѣхъ разнообразныхъ вліяній, какія произвели въ римской религіи чужеземныя божества. Этому интересному предмету мы можемъ, впрочемъ, посвятить

лишь весьма краткій очеркъ. Мы всетаки замѣтимъ при этомъ, какъ въ этомъ отношеніи, а также и во многихъ другихъ отношеніяхъ сильно отличался Римъ временъ Цезаря отъ Рима временъ древней республики. Первая важная переменъ въ этомъ отношеніи произведена была Тарквиніемъ Прискомъ, который привелъ съ собою изъ Этруріи въ Римъ ремесленниковъ, для постройки на Капитолійскомъ холмѣ большого храма: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ. О самомъ Тарквиніѣ мы не можемъ сказать что либо безусловно-вѣрное и положительное, но нельзя сомнѣваться, что онъ отмѣчаетъ собою шагъ въ исторіи римской религіи, потому что Юпитерь-Властитель при немъ получилъ новое званіе *Optimus, Maximus* (см. выше) и подъ этимъ званіемъ былъ почтенъ на ряду съ двумя другими божествами Капитолія храмомъ, который еще надолго останется величайшимъ памятникомъ римскаго искусства и римскаго гения. Вскорѣ потомъ, по окончаніи періода царей мы встрѣчаемся съ исторіей Сибиллы и ея книгъ. Этотъ фактъ, конечно, громадной важности, такъ какъ обозначаетъ собою начало уже сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ постояннымъ вліянію Греціи на Римъ въ отношеніи религіозномъ. *Сибиллины книги* было поручено хранить двумъ блюстителямъ, а затѣмъ число блюстителей возросло до 10-ти и до 15-ти. Коллегія, образовавшаяся изъ этихъ блюстителей, была *первою* открывавшею отправленіе священныя обязанности не патриціямъ только, а и плебеямъ, и мы находимъ, что большая часть всѣхъ переменъ, о которыхъ мы впоследствии читаемъ у авторовъ, была обязана вліянію именно этой важной переменъ. Прежде всего нужно сказать, что священныя книги, содержащія изрѣченія оракула, были даны жрицею Аполлона, и вотъ поэтому-то

сребролукій богъ сдѣлался популярнымъ и даже фамиллярнымъ въ Римѣ, хотя на первый разъ подъ искаженнымъ названіемъ *Aperta* («Открыватель»). Вскорѣ послѣдовало введеніе въ Римъ еще трехъ греческихъ божествъ: *Деметры*, *Персефоны* и бога *Діониса*, отождествившихся потомъ съ древне-итальянскими: *Ceres*, *Libera* и *Liber*. Мы знаемъ, что для постройки храма, посвященнаго этимъ божествамъ, въ первый разъ призваны были греческіе артисты вмѣсто этрусскихъ. Столѣтіе спустя, Сибиллины книги повелѣли римлянамъ учредить новое празднество въ честь *Иракла*, который теперь уже совершенно былъ отождествленъ съ *Геркулесомъ*. Прошло еще столѣтіе, и подъ тѣмъ же самымъ вліяніемъ и направленіемъ грековъ богъ леченія и выздоровленія, *Асκληпійс* торжественно перенесенъ былъ въ Римъ и сталъ здѣсь получать почести подъ именемъ *Эскулапи* (*Aesculapius*). Когда же кругъ римскихъ завоеваній быстро возросъ, тогда даже боги болѣе отдаленныхъ странъ принимались гостепріимно на берегахъ Тибра. Во время войны съ Ганнибаломъ перенесена была въ Римъ *Венера* изъ *Эрикса* (въ Сициліи), богиня финикійскаго происхожденія, имѣвшая весьма мало общаго съ древне-итальянскою Венерою, и это перенесеніе совершилось по распоряженію блюстителей священныхъ Сибиллиныхъ книгъ. Передъ концомъ же второй Пунической войны, по повелѣнію тѣхъ же самыхъ властей, перенесена была въ Римъ Великая Идейская Матерь (*Magna Mater*) изъ фригійскаго города Пессинунта. и въ честь этой новой богини были основаны Мегалерійскія игры (*Ludi Megalenses*), между тѣмъ масса иностранцевъ поселилась въ Римѣ, и почти каждый изъ нихъ принесъ съ собою какіе нибудь религіозные обряды,

какія нибудь вѣрованія своей страны. И ко всѣмъ этимъ культуамъ римская полиція относилась съ полнѣйшею терпимостью. Дозволено было каждому поселенцу въ Римѣ совершать богослуженіе богамъ своей національности въ той обрядовой формѣ, къ которой онъ привыкъ, и если нѣкоторые римскіе граждане находили возможнымъ прибавить къ своимъ собственнымъ національнымъ богамъ боговъ другой страны, то государство ничего не находило возразить имъ, покаместъ такой гражданинъ исправлялъ всѣ возложенныя на него государственныя повинности. Чужеземныя божества, принятые съ большимъ расположеніемъ въ Римѣ въ концѣ республики, были именно божества, пришедшія съ востока и особенно изъ Египта. Культъ собственно римскихъ боговъ составлялъ предметъ преимущественно формальнаго обязательства, до котораго сердцу гражданина и внутреннему его убѣжденію мало было дѣла. Но вотъ, съ теченіемъ времени, старомодныя римскіе обряды и церемоніи затерялись и изгладились изъ памяти народа; можетъ быть, въ нихъ осталась какал нибудь самомалѣйшая частичка древняго смысла. Религіозныя же движенія и возбужденія духа начали находить себѣ болѣе удовлетворительное выраженіе въ другихъ формахъ. Отсюда то въ Римѣ получили громадную популярность восточныя культы съ ихъ высокою и низменною стороною, хорошею и дурною, съ ихъ разнообразными формами суевѣрія. Особенно нужно это сказать о культѣ *Изиды*, *Озириса* и *Сераписа*. Намъ нѣтъ возможности остановиться на описаніи формъ и обрядовъ этихъ заимствованныхъ съ Востока богослуженій; но намъ всегаки слѣдуетъ отмѣтить три пункта особенной важности. Во все несходные съ древне-римскими вѣрованіями, эти культы управлялись сословіемъ жрецовъ, имѣвшимъ ха-

рактерь замкнутой касты, совершенно отчужденной отъ обычныхъ обязанностей жизни, и затѣмъ эти культы чрезвычайно любили возбужденіе и напряженіе религіозныхъ движеній и волненій, и, какъ и слѣдовало ожидать уже изъ этого, они весьма мало имѣли общаго съ моралью; всѣ эти культы нисколько не помогали облагородить и очистить образъ жизни. То, что въ послѣдніе дни Рима еще удерживало римлянъ отъ скользкаго и быстрого пути къ испорченности и разврату, который такъ громадно возрасли и такъ удаляли римское общество отъ первобытной простоты,—это удерживавшее было дано греческою философіей. Здѣсь намъ нѣтъ мѣста хотя нѣсколько освѣтить этотъ важный и интересный предметъ. Во всякомъ случаѣ человѣку мыслящему съ благодарностью можно припомнить, что въ то время, когда большая часть римскихъ гражданъ, повидимому, совершенно погрязла въ пороки и преступленія; когда богатые люди утопали въ себялюбивой роскоши, необузданно предаваясь всѣмъ родамъ пороковъ, или, въ лучшемъ случаѣ, съ отчаяніемъ оглядывая развалины государства и общества; когда громадныя массы немущихъ пролетаріевъ въ городѣ шатались праздно и тунеядствовали на счетъ государства; когда смертельная язва рабства разъѣдала сердце націи,—въ это-то время, говоримъ мы, среди всего этого страшнаго, потрясающаго зрѣлища жили и учили нѣсколько лучшихъ друзей человѣчества, мудрыхъ и сильныхъ духомъ мужей, великія слова которыхъ дошли до насъ изъ древняго міра...

8. **Заключеніе.**—Можно бы сказать о римской жизни несравненно больше, чѣмъ сказали мы, но малый объемъ нашей книжки не позволяетъ этого сдѣлать. Можно бы прослѣдовать за побѣдоносною римскою ар-

мией, когда она сражалась съ врагами въ отдаленныхъ концахъ тогдашняго міра; можно бы остановиться на римскомъ легионѣ и его разнообразныхъ подраздѣленіяхъ, на описаніи оружія войскъ, устройства лагерей, порядка расположенія войскъ въ битвахъ. Можно бы еще остановиться на колоссальныхъ и теперь поражающихъ насъ ностройкахъ Рима и въ Италіи, и въ провинціяхъ, на этихъ какъ будто гигантами устроенныхъ мостахъ, дорогахъ, водонпроводахъ, — но уже самая обширность предмета заставляеть насъ отказаться отъ этого. Но въ особомъ приложеніи *), въ концѣ книжки, мы прибавляемъ свѣдѣнія о раздѣленіи римлянами времени, объ усвоенномъ ими календарѣ, о вѣсахъ и монетахъ бывшихъ въ употребленіи, о способѣ и методахъ ихъ торговли, о денежномъ обращеніи, о государственныхъ доходахъ и т. п. предметахъ. Эти свѣдѣнія, конечно, приводимъ мы въ весьма краткой формѣ. Для полныхъ же свѣдѣній по этому предмету отсылаемъ читателя къ обширнымъ и обстоятельнымъ изслѣдованіямъ этого предмета, хотя бы, напримѣръ, къ такимъ авторамъ, какъ Герм. Бендеръ, Меммсенъ, Маркардтъ, Фрилендеръ, Валлонъ, Буасье, Писсенъ, Веберъ, Овербекъ, Гель, Тейфель, Грегоровіусъ и друг.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Къ характеристикѣ римскихъ построекъ. — Отъ древнегреческаго древнеримскій домъ отличается слѣдующими весьма существенными чертами. У древ-

*) См. „Приложеніе“.

а) **Римскія монеты.**—Въ древнѣйшій періодъ существованія арійскимъ народамъ искусство чеканить монету было вовсе неизвѣстно. Всѣ цѣнности были переводимы на одну единицу: на крупную или мелкую голову скота (*pecus*), отъ какого слова впоследствии произошло и латинское названіе денегъ (*pecunia*). Поэтому-то въ древнѣйшемъ законодательствѣ (арійскихъ народовъ) и всѣ пени и штрафы высчитывались и опредѣлялись по головамъ скота. Въ Италіи еще на памяти у представителей ученаго міра найдены огромные куски или слитки бронзы, на которыхъ выштампованы фигуры животныхъ. Повидимому, эти куски бронзы употреблялись еще довольно долгое время послѣ того, какъ началась мѣновая торговля чеканною монетою. Затѣмъ, впоследствии, такъ какъ золото и серебро были все-таки еще рѣдки въ Италіи, *мѣдныя деньги* заняли первенствующее мѣсто и цѣны вещей были опредѣляемы фунтами мѣди по вѣсу. Во время господства децемвировъ въ Римѣ началась чеканка монеты изъ *мѣди* съ примѣсью, или лигатурою, *олова* и свинца. Самая крупная монета этого первобытнаго римскаго чекана называлась *as* (= *ass*); по вѣсу она соотвѣтствовала фунту (*libra*). Ученымъ удалось видѣть сохранившіеся куски этихъ *as libralis*, найденныхъ при раскопкахъ; и они нашли, что вѣсъ ихъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ фунту, потому что кусокъ вѣситъ не болѣе 10-ти унцовъ (*unciae*) вмѣсто 12-ти (составляющихъ современный фунтъ). Сравнительныя изысканія привели къ заключенію, что валюта этого *as libralis* могла быть равна малой сициліанской моне-

ты (*nummus*), которая въ это время (въ періодъ власти децемвировъ) была широко распространена съ тогдашней мѣновой торговлѣ; серебро, затѣмъ, имѣло цѣнность въ 250 разъ большую, по расчету его вѣса, сравнительно съ мѣдными деньгами. Въ Италиі въ это время монета приготовлялась преимущественно отливкою въ формы, а не чеканкою, и въ Римѣ эта монета имѣла на одной сторонѣ изображеніе головы *Януса*, а на другой—изображеніе корабельнаго носа. Чеканились также въ это время: *semis* (= $\frac{1}{2}$ асса); *triens* (номинально = 4 унцамъ), *quadrans* (= 3 унцамъ), *sextans* (= 2 унцамъ) и *uncia* (= 1 унцу). На всѣхъ этихъ монетахъ съ одной стороны было изображеніе корабельнаго носа, а на другой изображеніе головы нѣкоторыхъ особенныхъ божествъ. Но постепенно, съ теченіемъ времени, *as* уменьшился и въ вѣсѣ, и въ валютѣ. Весьма не задолго до Первой Пунической войны *as* былъ уменьшенъ въ вѣсѣ: сначала онъ сталъ = 4 унцамъ, потомъ *двумъ*. Названіе этихъ малыхъ монетъ осталось то же самое, но стоимость ихъ пропорціонально все понижалась и понижалась. Около времени послѣдняго уменьшенія (до 2-хъ унцовъ), въ смыслѣ ходящей монеты, серебро заняло мѣсто мѣди. Три серебряныя монеты, составившія динарій (*denarius*) = 10 уменьшеннымъ (по вѣсу) ассамъ; *quinarius* = 5 ассамъ и *sestertius* = $2\frac{1}{2}$ ассамъ. Въ теченіе же Второй Пунической войны *as* уменьшился до 1 унца, а передъ временемъ Цезаря онъ спустился до $\frac{1}{2}$ унца, во время же имперіи онъ соотвѣтствовалъ лишь $\frac{1}{3}$ унца. Когда *as* спустился до соотвѣтствія цѣнности одного унца, динарій сталъ = 16-ти ассамъ, а сестерцій = 4-мъ, и это отношеніе удерживалось постоянно и впослѣдствіи. Во

времена Цицерона былъ слѣдующій рядъ цѣнностей, сравнительно съ теперешними англійскими деньгами:

as = около полупенни.

sestertius = около 2-хъ пенсовъ.

denarius = около $\frac{1}{8}$ пенса, фартингу.

Динарій, какъ серебряная монета, былъ въ общемъ, обычномъ употребленіи; сестерцій, какъ монета неудобно-малая, былъ рѣдко чеканенъ; однако же всѣ тогдашніе расчеты были перекладываемы въ сестерціи, или, какъ тогда часто называли, въ *nummi*. Родит. пад. множ. *sestertium* употреблялся, соотвѣтственно правилу, послѣ *millia*, такъ что 3,000 сестерцій слѣдуетъ выразить по-латыни словами: *tria millia sestertium*; но впослѣдствіи слово *sestertium* стало грамматически употребляться такъ, какъ будто бы это вовсе не былъ родительный падежъ множественнаго числа, а единственное число средняго рода. Отсюда и вышло, что стали говорить: «*tria sestertia*». Слѣдуетъ припомнить, кромѣ того, что *sestertium* собственно никогда не былъ монетой, но это было лишь только выраженіе, употреблявшееся въ счетѣ. Примѣрно, эквивалентомъ 1,000 сестерцій, въ наше время, на англійскія деньги, было бы 8 фунт. стерлинговъ 10 шиллинговъ. Для выраженія же суммъ, имѣвшихъ количество около 1 милліона сестерцій, у римлянъ было въ ходу количественное нарѣчіе. Такъ, число въ 2.000,000 сестерцій обозначалось словами: «*vicies centena millia sestertium*». Но въ этомъ случаѣ слова «*centena millia*» обыкновенно опускались, такъ что «*vicies sestertium*», или даже одно *vicies* имѣло значеніе: 20 разъ одна сотня тысячъ сестерцій.

Золото для чеканки монеты употреблялось въ Римѣ весьма мало, покамѣсть побѣды Суллы и Помпея на востокѣ не привлекли въ Римъ громадныя богатства. Ю. Цезарь былъ первый, давшій иниціативу чеканкѣ золотой монеты въ Римѣ. Его *aureus*, или, какъ эта монета называлась позднѣе, *solidus*, имѣлъ цѣнность 25-ти динаріевъ или 100 сестерцій.

б) **Римскій календарь.**—Раздѣленіе времени на недѣли не было въ употребленіи въ Римѣ до самаго введенія христіанства. Но римляне знали, что у евреевъ былъ обычай „посвящать“ Высшему Существу каждый «седьмой» день, и упоминанія объ этомъ и ссылки на еврейскую «субботу» мы находимъ уже у римскихъ поэтовъ Горация и Ювенала. Каждый мѣсяць римляне раздѣляли посредствомъ *идъ* (*idus* или *ides*), т. е. того дня, когда луна достигала наибольшей полноты своего диска. День этотъ опредѣленъ былъ для длинныхъ мѣсяцевъ, т. е. марта, мая, іюля и октября, 15-го, для другихъ же мѣсяцевъ—13-го. Съ другой стороны, каждый мѣсяць раздѣлялся еще *нонами* (*nonae*), которыми падали, какъ сказали-бы мы по нашему расчету, на *восьмой*, но римляне, имѣя привычку считать включая тотъ день, который служитъ предѣламъ счета, говорили, что «*ноны*» падаютъ на девятый (*nonus*) день передъ «*идами*», т. е. на 7-ой или 5-ый день мѣсяца. Первый день каждаго мѣсяца назывался у нихъ *календае*, и это потому, что въ первоначальный періодъ римской жизни былъ обычай, по которому младшій изъ жрецовъ наблюдалъ появленіе на небѣ молодаго мѣсяца, и на основаніи этого предсказывалъ (*calabat, calare*) народу могущія быть случайности. Другіе дни мѣсяца были отсчитываемы заднимъ числомъ, начиная или съ «*нонъ*», или съ «*идъ*», или съ «календъ» слѣ-

дующаго мѣсяца, всегда считая включительно, такъ что, на примѣръ, мартъ 5-е число называлось «третьимъ днемъ передъ нонами».

Читателю ясно, что первые мѣсяцы (когда человѣкъ началъ раздѣлять время на мѣсяцы) должны были быть *лунными* мѣсяцами; и по названіямъ мѣсяцевъ, которыя (названія) все еще удерживаются и у насъ, годъ долженъ былъ начинаться съ марта. Но какимъ же путемъ годъ въ 10-ть лунныхъ мѣсяцевъ, собственно съ весьма малыми наращеніями, достигалъ до солнечнаго года въ $365\frac{1}{4}$ дней — этого мы сказать положительно не можемъ. Были сдѣланы насчетъ этого нѣкоторыя догадки, но положительнаго, кажется, ничего не добыто. Около времени децемвировъ счисленіе по луннымъ мѣсяцамъ было отмѣнено вслѣдствіе распоряженія, по которому на мартъ, май, іюль и октябрь стало присчитываться по 31 дню, на февраль 28, а на всѣ остальные 29. Такъ какъ этотъ годъ въ 355 дней слишкомъ коротокъ, чтобы наверстаться и сравняться съ годомъ солнечнымъ, то 22 или 23 дня были вставляемы каждый слѣдующій годъ *) въ срединѣ февраля; регулярное же счисленіе дня останавливалось послѣ *идз*, пока мѣсть не совершалъ свой оборотъ такъ назыв. *mensis intercalaris* (вставочный мѣсяць). Но эта вставка давала уже нѣсколько излишка противъ года солнечнаго; да и, кромѣ того, выходило не совсѣмъ честно и благовидно, если жрецы прибавляли дни или убавляли ихъ согласно тому, желали-ли они укоротить срокъ государственной службы у своего врага, или продолжить этотъ срокъ у своего друга, или же сдѣлать то, или

*) Латинскій терминъ для этой вставки—*intercalatio*.

Примѣч. переводч.

другое по какимъ-либо чисто личнымъ мотивамъ. Уже во время Ю. Цезаря Римскій календарь пришелъ въ большую запутанность, и даже мѣсяць не совпадалъ со своими собственными сроками времени. Напримѣръ, Цезарь говоритъ въ своей книгѣ «*De bello civili*»: «Было 4 января и зима приближалась»... Тогда какъ настоящую дату нужно поставить: „было 5 ноября“. Въ періодъ своего диктаторства, чтобы исправить это зло, Цезарь присчиталъ къ каждому мѣсяцу такое число дней, которое удержалось и до нашего времени, такъ что годъ достигъ до 365 дней, вмѣсто прежнихъ 355. Цезарь распорядился, чтобы въ каждые 4 года на 6-й день передъ календами Марта, присчитывалось еще два дня, и отсюда-то получилось названіе *annus bissextilis*, годъ съ двумя шестыми днями. Такимъ образомъ среднее число продолжительности года стало $365\frac{1}{4}$ дней, которое оказалось столько близкимъ къ истинѣ, что недочеты и неточность явились лишь въ теченіе столѣтій.

Названія римскихъ мѣсяцевъ были: *mensis Ianuarius, Februarius, Martius, Aprilis, Majus, Iunius, Quintilis, Sextilis, September, October, November, December*. По смерти Ю. Цезаря *mensis Quintilis* былъ названъ въ честь его *m. Iulius*. Подобнымъ же образомъ, по смерти Августа, *m. Sextilis* получилъ названіе *Augustus*. Согласною таблицу даютъ римскія даты, соотвѣтствующую нѣкоторымъ изъ нашихъ англійскихъ датъ, изъ которыхъ остальные могутъ быть найдены легко и удобно. Слѣдуетъ затѣмъ припомнить, что 1) названіе мѣсяца есть имя прилагательное, согласующееся съ словами женскаго рода: *calendae, nonae, idus*, 2) что дата полагается въ надежѣ творит.; 3) что здѣсь мы встрѣчаемъ любо-

нытную аттракцію. Въмѣсто того, чтобы сказать, напри-
мѣръ: „*quarto die ante Nonas Januarias*“ болѣе
было принято у римлянъ говорить и писать: „*ante
diem quartum Nonas Jaunarias*“, т. е. передъ четвер-
тымъ днемъ январскихъ Нонъ.

Дни анг-
лийск.
мѣсяца.

Januarius

Такъ для ан-
густа и де-
кабри.

Aprilis

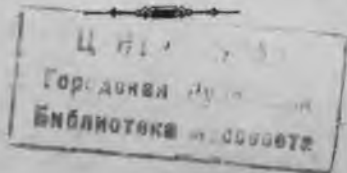
Такъ для июня,
сентября и
ноября.

Martius

Такъ для
мая, іюля и
октября.

1	Kal. Jan.	Kal. Apr.	Kal. Mart.
2	a.d. iv. Non. Jan.	a.d. iv. Non. Apr.	a.d. vi. Non. Mart.
4	Prid. Non. Jan.	Prid. Non. Apr.	a.d. iv. Non. Mart.
5	Non. Jan.	Non. Apr.	a.d. iii. Non. Mart.
6	a.d. viii. Id. Jan.	a.d. viii. Id. Apr.	Prid. Non. Mart.
7	a.d. vii. Id. Jan.	a.d. vii. Id. Apr.	Non. Mart.
8	a.d. vi. Id. Jan.	a.d. vi. Id. Apr.	a.d. viii. Id. Mart.
12	Prid. Id. Jan.	Prid. Id. Apr.	a.d. iv. Id. Mart.
13	Id. Jan.	Id. Apr.	a.d. iii. Id. Mart.
14	a.d. xix. Kal. Feb.	a.d. xviii. Kal. Mai.	Prid. Id. Mart.
15	a.d. xviii. Kal. Feb.	a.d. xvii. Kal. Mai.	Id. Mart.
16	a.d. xvii. Kal. Feb.	a.d. xvi. Kal. Mai.	a.d. xvii. Kal. Apr.
30	a.d. iii. Kal. Feb.	Prid. Kal. Mai.	d.d. iii. Kal. Apr.
31	Prid. Kal. Fed.		Prid. Kal. Apr.

Лат. грамм. Роби. Vol. I, app. D.

5749/47

4
5749

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 927250

СПБ., Невскій прос., №60. ОЗ ДВЛЕНІЕ въ МОСКВѢ на Никольской. д. Речезленной Угравы.

Краткая исторія востока (Египтянъ, Ассиріяны, Вавилонянъ, Мидянъ, Грековъ и Финиціанъ). Соч. Ванъ-денъ-Берга, проф. исторіи и географіи. Съ 24 гравюрами и шпигетками. Переводъ съ французскаго. Спб. 1880. Ц. 60 коп., въ англ. перекладѣ 80 к.

Введеніе въ науку. Руководство къ пониманію природы и ея явленій. Проф. Гексли. Спб. 1880. К. 30 к.

Древне-греческая жизнь. Соч. проф. Мигалон. Переводъ съ англійскаго (съ прижизніями) М. Стратилатова. Содержаніе: I. Общія черты греческой жизни.—II. Люди и собственность.—III. Грекъ въ домашней жизни.—IV. Общественная жизнь греч. гражданъ.—V. Религія и законы древнихъ грековъ. Съ рисунками: 1) Портретъ поэта Песвдиона. 2) Планъ древне-греческаго дома. 3) Развалины храма въ Пестумѣ. 4) Детали древне-греческихъ построекъ (различныя ордена колонъ). 5) Портретъ-статуя поэта Софокла. 6) Женская фигура (жаритида) (образецъ древне-греческой дорической женской одежды). 7) Торжественная процессія греч. дѣлицъ въ Атинѣ. (Снимокъ съ рельефа из Парфенона). 8) Часть воинной процессіи Панафинейскаго праздника. (Снимокъ съ фриза на Парфенона). Спб. 1873. Ц. 60 коп., въ англ. перекл. 80 коп.

Очеркъ исторіи Европы. Э. А. Фришана. Переводъ М. Стратилатова (пер. со 2-го англ. изданія, снабженнаго 6-ю картами). Содержаніе: Европа и ея обитатели.—Греки.—Возрожденіе Рима.—Паденіе Рима.—Римская Восточ. имперія.—Происхожденіе новыхъ національностей.—Вѣкъ Крестовыхъ походовъ.—Паденіе обѣихъ имперій.—Реформаціи и релігіозныя войны.—Возвышеніе Франціи.—Сліаніе Бурбонскихъ государствъ.—Французская революція.—Объединеніе Германіи и Итали. **Карты:**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Характеръ римлянъ.

	стр.
2. Національныя черты римлянъ	3
3. Основная черта римскаго характера	8
4. Уваженіе римлянъ къ женщинамъ	13
5. Существо римскаго характера	14
6. Недостатки римскаго характера	15

ГЛАВА II.

Жилища римлянъ.

1. Городская и сельская жизнь римлянъ	20
2. Устройство и планъ римскаго дома	21
3. Общая картина римскаго города	28
4. Городъ Римъ	31
5. Убранство римскаго дома	37

ГЛАВА III.

Обыденная жизнь римлянъ.

1. Городская и сельская жизнь	64
2. Утреннія привѣтствія и визиты	67
3. Дѣленіе дня у римлянъ	70
4. Дневныя занятія	71

	СТР.
Римскій триклиніумъ	45
Римскія канделябры и аппараты для отопленія	47
Римская мебель	50
Римскіе сосуды	66
Римская баня мальхъ размѣровъ, принадлежащая частному владѣльцу	77
Римская тога (Статуя одного изъ сенаторовъ, одѣ- тыхъ въ тогу)	87
Снимокъ съ одного изъ фресковъ Помпеи	104
Статуя одного изъ римскихъ сенаторовъ, одѣтаго въ тогу	143
Римлянка одѣтая въ столу. Статуя Вицирии, жены Бальба	146
Идѣ римскаго цирка (реставрированнаго)	167

низъ грековъ то пространство, которое у римлянъ было занято *атриумомъ*, занималъ *перистиль*. На мѣстѣ же римскаго перистила (верхняя часть на планѣ), въ задней части дома, у грековъ находились «комнаты для женщинъ» (*гинекеонъ*), которыя совѣмъ были разобщены съ мужскою половиною, или даже со всѣмъ остальнымъ помѣщеніемъ дома. Римскій домъ, во многихъ отношеніяхъ, можно сравнить съ домами востока. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дворъ съ колодцемъ образуетъ срединную центральную часть всей постройки. Загѣмъ, въ томъ и другомъ партеръ, или нижнее помѣщеніе, составляетъ главнѣйшее выдающееся мѣсто дома. Далѣе: какъ въ восточномъ, такъ и въ римскомъ домѣ, въ обоихъ недостаетъ замкнутаго *единства*; и тотъ и другой составляютъ скорѣе агрегатъ многочисленныхъ отдѣльныхъ пространствъ, чѣмъ гармоническое цѣлое, котораго отдѣльныя части гармонически подчинены господствующей части; и этотъ агрегатъ, какъ таковой, можно было увеличивать или уменьшать по произволу. Планъ древне-римскаго крестьянскаго дома можно весьма удачно сравнить съ планомъ древне-саксонскаго. И послѣдній представляетъ, главнымъ образомъ, лишь пажнее помѣщеніе въ формѣ продолговаатаго четырехугольника отъ 25—40 метр. длины, 10—16 метр. ширины и 3—4 метровъ вышины. И древне-саксонскій крестьянскій домъ былъ крытъ соломою, какъ и древне-римскій атриумъ. Древне-саксонскій домъ представлялъ громадныя импонирующія ворота, образовавшія главный входъ и сквозь которыя могъ проѣхать огромный возъ съ сжатымъ хлѣбомъ (мы знаемъ, что и римскія домовыя ворота были весьма широки для того, чтобы пропустить больше свѣта; онѣ рѣдко были меньше 5'). Главное мѣсто саксонскаго дома занималъ огромный полъ, образо-

ванный угонтаннымъ слоемъ глины, а на ряду съ этимъ пространствомъ (по сторонамъ) находились кладовыя, или конюшни. Даже въ болѣе подробныхъ деталяхъ есть сходство между древне-римскимъ и древне-саксонскимъ крестьянскимъ домами. Такъ, домохозяйка въ древнемъ Римѣ сидѣла обыкновенно въ атриумѣ, въ срединѣ дома, и отсюда, какъ изъ центра, управляла домомъ, также точно находилась въ центрѣ дома и древне-саксонская женщина и оттуда управляла всемъ домомъ. Не вставая даже со стула, она могла за-разъ оглядѣть трое дверей и привѣтствовать входящихъ въ нихъ, приглашать сѣсть близъ себя. Въ то же время, она отсюда наблюдала и за дѣтьми, стерегла погреба, лавки и кладовыя; въ то же время пряла и пекла хлѣбы*). Постель англо-саксонской домохозяйки находилась позади очага. точно такъ же, какъ и *lectus genialis* у римлянъ. Въ этихъ чертахъ, правда, много сходства; но не могли же англо-саксы подражать римлянамъ. Скорѣе это случайное совпаденіе, которое произвела сама природа.

Затѣмъ, и вообще отъ современнаго европейскаго дома древне-римскій отличается тѣмъ, что былъ, какъ говорится, направленъ „внутрь“ (тоже нужно сказать и о греческомъ домѣ), а современные европейскіе дома выстроиваются и направляются наружу, на улицу. Для оконъ римляне не употребляли стекла, или употребляли чрезвычайно рѣдко, хотя фабрикація стекла была имъ *хорошо известна*, потому что они приготовляли стеклянные сосуды различныхъ формъ. Надо сказать, впрочемъ, и то, что стекла въ окна весьма туго и медленно входили въ употребленіе; они стали входить въ обычай лишь въ XVI в., а окончательное право гражданства получили лишь въ XVIII.

*) См. Moser's „Patriotische Phantasien“.